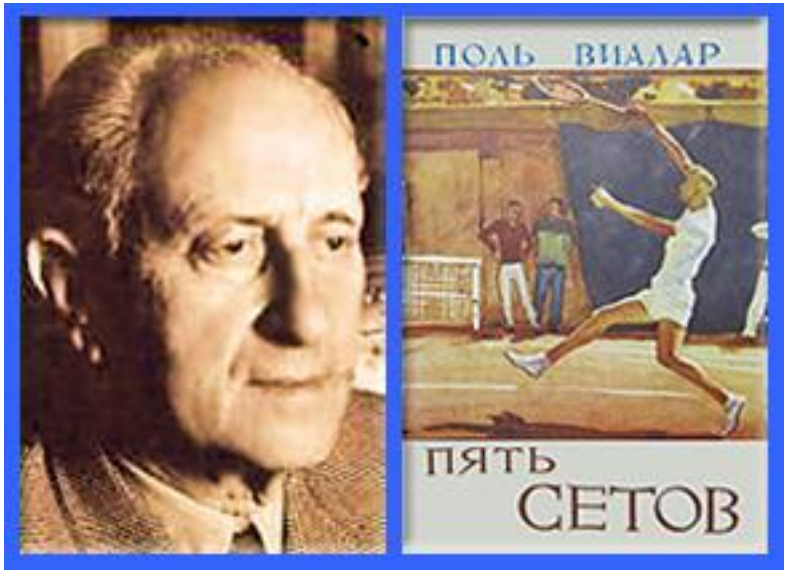

Поль ВИАЛАР

ПЯТЬ СЕТОВ

[Физкультура и спорт, 1959]

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Несмотря на прерывистый, крикливый, взволнованный голос, раздающийся из радиоприёмника, Жан всё же услышал автомобильный гудок, который донёсся через открытое окно с улицы. Торопливо подбежав к окну, он высунулся наружу.

Так и есть, это гудок «ситроэна», но машина проехала мимо, не останавливаясь перед домом. Жан обернулся.

На другом конце комнаты, возле приёмника, не в состоянии перекричать его, Гийом вопрошающе жестикулировал.

Жан отрицательно покачал головой. Нет, это ещё не машина Рафаэля. А между тем накануне вечером, когда они расставались на стадионе «Ролан Гарроса» [Специальный теннисный стадион в Париже. — Здесь и далее прим. пер], Рафаэль обещал заехать за ним.

Однако он уже опаздывает на четверть часа.

Голос диктора по-прежнему раздавался на всю гостиную. Она ещё родителями Гийома была заставлена старомодной мебелью, бронзовыми изделиями, покрытым вышитой дорожкой пианино. По стенам между лепными орнаментами 1900 года висели грязные от времени картины, изображавшие аллегорические фигуры римских воинов и пасущихся возле большой лужи коров.

— Подача Франкони. Первый мяч. Нет! Второй мяч, такой же стремительный. Он угодил в самый угол квадрата. Мяч правильный. Рейнольд принимает его и бьёт в правый угол. Франкони предвидел это. Он выходит к сетке и ударом с лёта пытается убить мяч. Но

американец на месте: в свою очередь, он принимает мяч с лета и бьёт длинным ударом по линии. Франкони достаёт мяч и отвечает слева косым. Оба игрока стоят лицом к лицу, как бы обмениваясь ударами рапиры.

Рейнольд... Франкони... Рейнольд... Франкони...

Вы слышите глухие удары ракеток по мячу... О!.. Рейнольду удаётся блестящий удар... Он выигрывает мяч... Счёт игр в четвертой партии пять — три. Ведёт Рейнольд.

— Да, так это и было! — подтверждает Гийом.

— Довольно! Выключи приёмник! — кричит Жан.

— Ты не хочешь слушать?

— Какой смысл? Я же присутствовал.

Гийом с сожалением поворачивает ручку. Голос, записанный на плёнку и рассказывавший о ходе центральной игры вчерашнего дня, замолкает. Наступает полная тишина, тягостная, необычная тишина в этой старой гостиной, куда уж не вернётся посидеть господин Латур, скончавшийся пять лет назад; не приедет, наверное, и парализованная госпожа Латур, которая живёт теперь в ветхом домике в Сэнте.

Гийом не внёс никаких изменений в эту старую квартиру, где он жил с самого дня рождения. Он сделает это позже, если найдётся время, да и если такая мысль придёт ему в голову, ибо ему так привычна вся эта обстановка, что он уже не замечает её, не страдает больше от её тоскливого и тягостного уродства. У него другая забота — его медицина.

Он чересчур занят вне дома: больница, пациенты... да и слишком много книг поглощают его внимание, когда по вечерам он возвращается домой... когда возвращается, а не остаётся на ночь в голом зале дежурных ординаторов, наполненном лишь запахами эфира и формалина.

Гийом приютил Жана на время его пребывания в Париже. Разве не был он лучшим другом Жана в Сэнте, когда они были детьми? Разве можно было допустить, чтобы Жан остановился где-нибудь в другом месте, а не у него?

Жан тоже ничего не замечает. Какое ему дело до того, что к репсовым креслам приделаны кисточки; что бронзовый экран, которым пытаются скрыть камин, плохо позолочен, нелепой формы; что ярко-красный абажур высокой стоячей лампы отделан уродливыми деревянными бусами, напоминающими цветные слезы, что этот абажур не менялся с 1926 года? Мысли Жана витают в другом месте. Они на «центральном», на стадионе «Ролан Гаррос», где он вскоре будет сражаться. Уже два дня его мышцы и сердце живут напряжённой жизнью.

Рафаэля всё ещё нет. Между тем Жан должен в четыре часа играть на стадионе. Значит, нужно, чтобы уже к трём он лежал на столе массажиста и предоставил свои мышцы Лонласу, бывшему бегуну, который умеет придавать им такую упругость, подготовлять их не только к рывку, но и к длительному усилию. Ему нужно надеть теннисные трусы, свои белые туфли на каучуковой подмётке, а главное — сосредоточиться, добиться той внутренней собранности, которая на корте удваивает его силы, помогает ему думать, напрягать всю свою волю. Эта собранность наподобие чуда вселяет в Жана веру в себя, превращает его в человека, угадывающего, понимающего, действующего, ещё даже не осознав, что он делает. И это в десятые, быть может, сотые доли секунды того бесконечного времени, которое приносит победу!

Другая машина проезжает по улице. Ему не сигналят. Шум удаляется, тонет в послеобеденной тишине этого воскресного дня в Отей [Западный район Парижа].

До стадиона недалеко. Но всё же чересчур далеко, чтобы дойти пешком: нельзя позволить себе сегодня такую нагрузку, когда вся ответственность лежит на нем.

Какое доверие оказали ему! Сердце его томительно замирает от ожидания. О! Его имя выделяется жирным шрифтом на первых полосах всех ежедневных газет. Готовятся специальные выпуски. Он как бы видит себя на их страницах, пахнущих свежей краской, разбросанных на креслах, на старом ковре, вытертом там, где ступают ноги. Вот он стоит у сетки, пожимая руку противника, а за ним вся толпа, должно быть, та же толпа, которая вскоре будет выкрикивать его имя. Герой!

Бедный герой, ожидающий машину Рафаэля и жадно ловящий каждый звук, как осуждённый на казнь прислушивается к шуму телеги, повезущей его на эшафот!

Несчастный герой, не имеющий даже возможности найти такси, ибо в этот час они все уже взяты с бою болельщиками, устремившимися к кирпичного цвета прямоугольнику, окаймлённому белыми линиями и бетонными трибунами. С трибун уже, наверное, несутся к чистому небу тающие в воздухе колечки дыма от сигарет, раздаются нетерпеливые возгласы.

Несчастный малый, вся защита которого — четыре ракетки, брошенные здесь на диван. С одной из них через несколько минут придётся защищать своё счастье и свою жизнь.

На тумбочке в стиле Людовика XVI стоит чёрный телефон.

С утра Жан ожидает вызова. Он оставил полуоткрытой дверь из передней, чтобы услышать звонок. Так же во время завтрака он оставил открытой дверь столовой, куда госпожа Бертье подала им кровавый бифштекс с варёным картофелем, масло и немного швейцарского сыра.

Он нащупывает в кармане десять кусков сахара, которые в скором времени переложит в карман своих теннисных шортов. Сахар очень хорошо восстанавливает силы игрока, прибавляет ему энергии перед подачей, рывком.

Рафаэль всё не приходит. Телефон не звонит. Он и не зазвонит. Уже не может зазвонить. Если бы Женевьева вызвала его, она сделала бы это утром или во время завтрака, в два часа. Теперь уже не позвонит. Слишком поздно. Она не вызовет его. Никогда больше не вызовет.

Он опускает голову. Машинально отвечает Гийому, который начинает беспокоиться, предлагает попробовать найти такси.

— Да, ты прав. Отправляйся!

Он слышит, как захлопывается дверь в переднюю. Жан остаётся один. Перед глазами его, на полу, светлый квадрат, вырисовываемый окном. Палящее июльское солнце время от времени скрывается за тучами, быть может, несущими грозу, и снова появляется из-за них ещё более знойное.

Любопытная история! Как удивительно сложилась его судьба!

Он был ничем. Очень рано потерял родителей. Так бы ничем и остался, если бы воспитанник интерната Жан не познал, что значит долгие однообразные дни каникул в колледже, откуда никто не мог его взять, так как единственный дядя часто совершал далёкие путешествия. От скуки Жан целыми днями бил изъеденным молью теннисным мячом о голую стенку сарайчика ракеткой с порванной струной. Так он научился свободно владеть ударом, не подпускать близко к себе отскакивающий мяч, выжидать, рассчитывать длину удара, отскок, принимать мяч слева, когда он уже почти проскочит мимо него, что теперь вызывало восторженные крики поражённых зрителей.

В то время он был лишь одиноким маленьким мальчиком. Чтобы перебороть тоску, найти точку приложения своей бьющей через край жизненной энергии и потому, что у него не было друзей, партнёра, он яростно бил по мячу, который неизменно отсылала ему стена. Бил по неугомонному, мятежному мячу и очень скоро научился с ним справляться.

Случилось так, что каникулы, проведённые в одиночестве или почти в одиночестве, решили его судьбу.

Однажды летом дядя уехал в Швейцарию. У него были дела в Женеве и в Лозанне. Вероятно, его мучили угрызения совести от того, что он так мало занимается ребёнком. Он поместил мальчика к маристам [члены монашеского ордена] в Фрибуг, рассчитывая, что таким образом сможет время от времени его навещать. Незачем и говорить, что из этого ничего не вышло. Дядя побывал у него только один раз, и то всего два часа.

В прекрасном колледже, где мальчик теперь находился, учащиеся жили в небольших, стоящих недалеко друг от друга домиках. Между домиками была проложена лыжная трасса. Спорту здесь уделяли столько же внимания, сколько и учению. Хороших игроков в футбол здесь ценили не менее, чем первых учеников по латыни. Зимой каждую неделю устраивали альпинистские походы: подъем на Шиниг-Платте, на Юнг-фрау. Летом в распоряжении молодых людей было четыре теннисных корта.

Во время летних каникул колледж пустовал. Никого, кроме Жана и ещё одного мальчика, в нём не было. Но и мальчик этот был не его возраста, ему было лет восемнадцать.

Звали юношу Империали. Это был распущенный человек, и его заперли здесь в наказание за глупости, которые он наделал. В прошлом году он ещё блистал в Милане, Турине, Риме. У Империали были тонкие, правильные итальянского типа черты лица. Красавец, баловень женщин, он считал себя вправе транжирить их деньги, принимать от них подарки и относиться к ним с царственным пренебрежением. Прославился он ещё и тем, что, одержав победу над всеми своими противниками, выиграл первенство университетов по теннису.

Целебный летний отдых у маристов без права отлучаться — разве только тайком в лесочке встречаться с девушками из близлежащей «академии Сент-Круа», которым он кружил голову, — казался ему невыносимым. Он был здесь лишён даже тенниса. Никого здесь не оставалось из его партнёров, а отец строго-настрого запретил принимать участие в каком-либо соревновании. Для юноши пребывание в колледже стало почти тюрьмой.

В то время как взаперти, под надзором преподавателя Империали зубрил (он должен был в октябре сдавать экзамены, которые, конечно, не выдержал в конце учебного года), Жан в одиночестве бил по своему мячу об стенку.

Однажды в полдень, выходя с занятий, итальянец заметил его. «На худой конец, не поставить ли этого юнца против себя? Всё же это лучше, чем ничего, — подумал он. — По крайней мере, можно будет потренировать подачу, раз малый будет тут, чтобы возвращать мячи».

Несколько минут Империали присматривался к Жану. Никогда ещё он с ним не говорил, разве только иногда просил его за столом передать соль или пиво или принести какую-нибудь вещь, которую забыл захватить.

Мальчик неплохо справлялся с мячом. Но в его игре не было размаха, всё ещё было весьма примитивно. Машинально Империали посоветовал Жану:

— Поставь, как следует большой палец! Больше разворачивайся! Ты слишком близко подпускаешь мяч. — Жан покорно послушался. Ему была известна теннисная репутация итальянца.

— Ты уже играл в теннис?

Жан весь зарделся:

— Нет, никогда. Только так, у стенки.

— Ты довольно поворотливый.

Империали исчез. Через минуту он вернулся с коробочкой новёхоньких шлезингеровских мячей и с двумя ракетками:

— Пойдём!

На корте, проверив высоту сетки, — на своей стенке в Сэнте Жан на положенной высоте попросту провёл черту, — итальянец начал посылать ему мячи.

Они прилетали стремительно, резко, траектория их была такой короткой, что Жан не успевал к ним подбегать. Мячи обманывали его, и он ни до одного не дотронулся.

— Кати мне мячи под сеткой! Ты не сможешь их перебросить.

Империали играл лишь для собственной забавы, пробовал разные удары, направляя мячи по линиям. Удары его были точны, неотразимы. Жан с грустью понимал, что Империали это скоро надоест, он вернётся к себе в комнату, унесёт свои ракетки, мячи, а он, Жан, снова останется один со своим старым решетом.

Жан старался изо всех сил. Наступила его очередь подавать, и, после того как несколько жалких мячей не перешли сетку, Жан приловчился, начал понемногу привыкать к ритму и рассчитывать расстояние.

Империали принимал мячи, возвращал их. Один раз он даже промазал, так этот мяч был стремителен. Итальянец засмеялся, похвалил. Через несколько дней Жан уже мог оказывать ему сопротивление. Тогда, сначала с большим снисхождением, итальянец взялся за него, но скоро он всерьёз заинтересовался Жаном и начал находить его даже одарённым. Каникулы вдруг показались ему менее скучными, приобрели для него какой-то смысл. Вскоре оба уже начали играть по-настоящему — это стало удовольствием и для старшего. Чтобы выучить Жана играть, он проявил немало старания: учил его тактике игры, как выполнять удар, объясняя, что надо принимать в расчёт не только ширину корта, но и его длину; рассказал, как обвести противника или укоротить мяч. И всё время Империали твердил мальчику, что одной силы мало, — преимущество даёт сообразительность. Победу приносят хитрость, уловки, внезапное наитие — то вдохновение, которое, как и всё остальное, является плодом учения, ибо теннис — это такое же мастерство, как и строить дом или писать роман.

Когда в сентябре они расстались, Жану, который был на шесть лет моложе итальянца, ещё не удавалось выиграть у Империали ни одной игры, но он часто уже проигрывал с минимальным счётом. Молодой человек проникся нежностью к пареньку. Он привязался к нему, учил его всему, чем сам овладел, потому что знал: это не пропадёт зря. Каникулы, те самые каникулы, которые должны были явиться для него наказанием, в конечном счёте пронеслись очень быстро. В последний день Империали подарил Жану одну из своих ракеток, и они расстались, горячо пожав друг другу руку (учитель — гордый своим учеником, Жан — полный признательности), и поклялись встретиться.

Встретиться им так и не пришлось. Империали — чудом или потому, что попал на влюблённого в спорт преподавателя, — выдержал экзамены. Семья подарила ему «бугатти» [французская спортивно-гоночная машина]. Три месяца спустя он на ней разбился. Об этом сообщили газеты, но не у нас, не в нашей стране. Жан на свои письма так никогда и не получил ответа. Он навсегда остался с мыслью, что его юный учитель забыл своего ученика.

После Швейцарии Жан вернулся во Францию и поступил в интернат провинциального колледжа, где суп — жалкая похлебка — мало способствовал наращиванию мышц, помышлять же о спорте было, по меньшей мере, смешно.

О теннисе не могло быть и речи. Однако на крытом цементированном школьном дворе была стенка. Пришлось копить деньги, чтобы приобрести подержанный теннисный мяч. Онвесь размяк оттого, что отслужил два сезона. Но какое это имело значение! В Жана буквально вселился бес. С наступлением лета упорство тринадцатилетнего подростка изнания, приобретённые благодаря Империали, дали ему возможность начать карьеру теннисиста.

Одна парижская газета организовывала теннисный турнир. Любой игрок мог принять в нём участие в одной из трёх категорий: ветеранов — свыше сорока лет; юношей — от двенадцати до шестнадцати лет и остальных — категории, включавшей все промежуточные возрасты. Из последней категории, как надеялись устроители, должен выявиться новый талант.

Отборочные соревнования проводились в каждом городе. В Сэнте их собирались провести в июне, как раз перед самыми каникулами. Ах, как Жану хотелось принять в них участие! Но невозможно.

Да, невозможно. Во-первых, у него не было необходимых для участия в соревнованиях денег, небольшой, правда, суммы, но всё же суммы, которую надо было приложить к листку заявки, вырезанному из газеты. Во-вторых, потому, что в июне — и, должно быть, всё лето — он будет узником за высокой оградой школы. Никогда ему не позволят выйти... в особенности чтобы «играть»!

У него не было денег! А между тем он до того горел желанием «включиться», что после долгих колебаний однажды вечером заполнил листок заявки:

ГРЕНЬЕ Жан Феликс.

Родился... (он сплутовал слегка, прибавил себе один год, чтобы выглядело посолиднее) полных четырнадцать лет. Категория... По юношескому разряду.

Надо всё же указать какой-то адрес, — а в колледже все письма проверяли, — и он написал:

«Г-ну Бартуле, с просьбой вручить адресату». Бартуле — это было имя привратника. Он слышал от старшеклассников, что на его адрес они получали свою любовную переписку. Старик отдавал им письма, если они потихоньку подкупали его. Написав адрес, Жан задумался.

Сумма, которую надо приложить, чересчур для него высока, никогда он её не соберёт. Что делать?

Устроителем этих встреч под вывеской газеты был в своё время известный игрок. Быть может, такой человек поймёт его? И внезапно Жана осенило. Он решил написать ему.

Это было весьма наивное, но трогательное письмо. Он вложил в него всю свою горячность, высказал всю свою веру в игру, которая была для него не просто игрой, а чем-то большим, — такой она требовала сноровки, сообразительности, силы характера, такой подъём духа она вызывала в нём.

Жан волновался, ибо, если не считать встреч с Империали, никогда ещё не проводил он ни одной настоящей встречи, результат которой зависел от всего умения игрока, от его воли к победе. Но, хотя и не испытав этого, он хорошо представлял себе всю сложность игры в теннис, как если бы у него был десятилетний опыт. Ведь он так часто размышлял об этом!

Когда письмо ушло, его одолели сомнения.

Никогда бывший чемпион не ответит. И всё же, поколебавшись немного, он отправился повидать дядюшку Бартуле, чтобы предупредить его на тот случай, если, быть может, всё же для него прибудет письмо.

Старый плут намекнул на существование какой-то подружки, что заставило Жана покраснеть. О! Знал бы только старик!. Ответ пришёл, но не тем путём, каким он ожидал. Однажды утром директор колледжа вызвал Жана. В руках он держал письмо на бланке министерства народного образования. «Бывший игрок» пользовался в этом министерстве большим весом. В письме, написанном от имени заместителя министра, выражалось не только пожелание, но и уверенность, что г-н Директор окажет всяческое содействие теннисной карьере юного Жана Гренье, у которого, как о том известно в верхах, большие способности к этой игре. Франция хочет создать, в особенности среди юношества, питомник будущих талантов. Возможно, Гренье из числа таковых. Из казённого жаргона и стереотипных фраз явствовало лишь одно: Жан зачислен участником турнира и если в Сэнте он сумеет выйти в финал, то для поездки в Париж ему будет оказано содействие.

В директоре колледжа боролись два чувства: презрение, с которым он относился ко всяким физическим упражнениям, и в то же время боязнь не угодить начальству. Скрепя сердце он согласился с предложением министерства. В ту ночь Жан не спал.

День местных отборочных соревнований наступил очень быстро. Предстояло много игр. И директор не мог допустить, чтобы один из его учащихся в самый разгар переводных экзаменов несколько дней подряд отсутствовал в колледже. Он договорился с организаторами соревнований. Бог мой! Что может быть проще? Устроить сразу встречу юного Гренье с игроком его категории, известным во всей округе силой своей игры. Жан сразу же будет выбит из соревнования — на этом всё и кончится.

Так получилось, что вызванный 19 июня в клуб города Сэнте, куда ни разу ещё не ступала его нога, Жан первую же игру сыграл с Жильбером Сарнаком.

Сарнак, юноша пятнадцати с половиной лет, был сыном крупного винодела, производившего знаменитый коньяк, который назывался его именем.

Жильбер играл в теннис уже давно. Он хорошо преуспевал в этом, и, так как это льстило его отцу, ему ни в чем не было отказа: для него в самом родительском имении построили корт, устраивали встречи, приглашали тренеров. В прошлом году он два месяца провёл в Париже, где ежедневно тренировался на «Рэсинге» [известный французский спортклуб] у Мартэна Плаа [знаменитый тренер]. Таков был крепкий, натренированный, уверенный в себе юноша, против которого выступил Гренье.

Когда Жильбер увидел вышедшего на корт Жана, он усмехнулся: с этим тощим, долговязым малым, явно моложе его, несмотря на свой большой рост, с этим нескладным пареньком ему придётся бороться? Он даже не в белых брюках или теннисных шортах, а в старых заплатанных штанах и в какой-то болтающейся сверху наподобие чехла блузе; на ногах у него сандалии на верёвочной подмётке. Счастье ещё, что это происходит утром и что появляющиеся в полдень интересные девушки, так преданно присутствующие на всех его встречах, ещё не вышли со своими гувернантками из дома!

— У вас есть мячи?

Жан признался, что нет. Тогда Жильбер вынул свои мячи из коробки и с высокомерием кинул их на корт. Он поднял один и небрежно перебросил его ударом слева. Мяч возвратился с такой стремительностью и такой закрученный, что Жильбер услышал лишь, как он просвистел, — мяч упал у самой линии, в левом углу. Жильбер нахмурился. Нет, Гренье просто повезло. Вот теперь парнишка не принимает ни одного мяча. Он отыгрывает их либо за линию, либо в сетку. Ладно, можно начинать. Я с ним быстро разделаюсь!

В самом начале действительно показалось, что игра не затянется. Сын «коньячного» раз за разом выиграл шесть игр первой партии. Растерянный, несобранный Жан даже не сопротивлялся. Нет, он не умел выходить вовремя к сетке, не умел рассчитывать силу удара.

— Шесть — ноль! Партия!

Судья, который залез на свою вышку, продолжал оставаться там лишь для проформы. Он скучным голосом вёл счёт:

— Подача господина Сарнака... пятнадцать... тридцать... Сорок... Игра господина Сарнака.

Всё же в третьей игре второй партии Жан оживился. Внезапно он начал понимать, привыкать, к нему вернулось соображение, как если бы с его глаз спала туманная завеса или он вышел из мрака на свет.

В следующей игре он сравнял счёт на сорок, сделал кручёную подачу и, угодив мячом в левый угол квадрата, добился «больше». Трижды он терял преимущество и потом снова вёл. Со своей вышки судья крикнул: «Молодец, паренёк!» Но Сарнак снова добился перевеса. Длинным ударом он закончил игру в свою пользу!

— Три — ноль во второй партии. Впереди господин Сарнак.

Всё потеряно! Остаётся лишь подчиниться неизбежному, возвратиться с поражением в свой ужасный колледж. Подача Сарнака. К чему теперь принимать мячи?

Отчаяние овладело душой Жана. Ничего не выходит! Ничего не выходит! Никогда ничего из него не выйдет! Хоть умри!

Но вот Сарнак совершил двойную ошибку. Он даже сам засмеялся. Его вторая подача — совсем слабая. Он уже не сосредоточен на игре, не собран. Быть может, наступил подходящий момент?

Так оно и было. Жан пропустил ещё эту игру, соглашаясь уступить её. Когда в пятой игре наступила его очередь подавать, он уже был уверен в себе, во всяком случае, знал, что хочет выиграть.

Теперь он стал старательным, методичным. В его ушах стоял голос Империали с его неподражаемым акцентом:

«Выходи к сетке!.. Дай косой!.. Сыграй длинно!.. Укороти!..»

Теперь он играл то, удлиняя траекторию мячей, то укорачивая, обманывая противника; всё удавалось ему, его словно подменили. Теперь хозяином-властелином на корте былон один. Жан навязывал противнику свою игру, свою волю. Судью на вышке охватил трепет азарта:

— Счёт во второй партии семь — пять в пользу господина Гренье!

Следующую партию Жан выиграл безо всякого усилия. Всё было кончено. Он пожал расслабленную руку оправдывающегося противника: «Не знаю, что со мной случилось... Невероятно!»

Но судья, который со своей вышки наблюдал встречу, знал, что игравший перед ним паренёк когда-нибудь будет большим спортсменом.

Таким образом, Жан оказался одним из двух игроков города Сэнте, которые «попали» в Париж. Остановился он у Латуров. Смерть уже приближалась к господину Латуру, да и супруга его не была бодрой, но тут был Гийом, в прошлом году ушедший из колледжа и учившийся теперь в восьмом классе лицея Жансон де Сайи.

Для Жана это была незабываемая неделя. Правда, турнир подростков выглядел бедно по сравнению с блеском, который придали соревнованию молодёжи, «подающей надежды». Жан проводил почти целый день на «Рэсинге», дожидаясь часа своей игры, и во все глаза наблюдал встречи других игроков. Среди них были такие, которых привлекли призы, выдаваемые газетой, но были и те, другие, окружённые легендой. Однажды он увидел Буссю. Другой раз заметил Коше. Затем как-то раз он долго-долго наблюдал за одним, уже пожилым игроком, который показался ему воплощением ловкости и изобретательности. Ему сказали, что это Боротра.

Жан благополучно преодолел восьмые и четверти финала, но проиграл в полуфинале. Он был очень разочарован, что не дошёл до решающей встречи турнира. И не в том дело, что он не заслуживал этого, нет, но он был ещё слишком молод — кутёнок с чересчур длинными конечностями, с ещё недостаточным опытом. Когда он вернулся в раздевалку и плакал, его нашёл здесь тот игрок, который включил его в соревнование в Сэнте и помог ему приехать в Париж. Они долго беседовали, и игрок вернул ему бодрость, так как верил в Жана. Он обещал помнить о юноше и продолжать оказывать ему помощь. Впрочем, долгие месяцы Жан не получал от него никаких вестей. Наступили опять каникулы-тюрьма. Затем пришёл октябрь, и всё пошло по-прежнему. Он уже примирился с мыслью, что снова начнёт сражаться с глухой бетонной стенкой, лишённой рефлексов, от которой нельзя ждать никаких неожиданностей. Но в это время скончался его дядя. Поговаривали о несчастном случае. Никто никогда так и не узнал, было ли это самоубийством. Во всяком случае, родственник этот ничего ему не завещал, не оставил даже чем заплатить за его содержание в колледже.

Жану было почти пятнадцать лет. Пришлось зарабатывать на жизнь. Одного очень отдалённого кузена назначили его опекуном. Это был старик, клерк нотариуса, проживавший в Тулузе. Одно время он подумывал о том, чтобы взять своего подопечного в нотариальную

контору мальчиком на побегушках. Но Жан нашёл в самом Сэнте работу, обеспечивавшую ему существование, — его приняли в универмаг. Мест в облюбованном им отделе спорта не было, — пришлось идти в жестяно-скобяной отдел.

Там он проработал всю зиму. Жалкая жизнь! Он был лишён воздуха, но всё же жизнь эта давала ему свободу, — правда, пока только мечтать. Постепенно, копейка к копейке, он скопил достаточную сумму, чтобы купить ракетку, мячи и заплатить вступительный взнос в городской теннисный клуб. С нетерпением ждал он наступления весны. И вот, наконец, после пасхи каждое утро ещё до открытия магазина он мог приходить на теннисную площадку. Играл он хорошо, и у него никогда не было недостатка в партнёрах, а в субботу и в воскресенье игроки оспаривали право встретиться с ним.

В июньском гандикапе он выиграл личное первенство.

В заключительном турнире сезона он оказался сильнее всех.

Вместе с ним в играх участвовало пять или шесть неплохих игроков, среди которых находился и Сарнак, проявивший себя хорошим парным теннисистом. Благодаря деньгам торговца коньяком они организовывали выезды. Так они приняли участие в нескольких турнирах, из которых часть выиграли. Два сезона спустя, в 17 лет, Жан дошёл до полуфинала в чемпионате Франции и впервые играл в присутствии большой толпы на площадках «Ролан Гарроса».

Всё это потребовало от него больших усилий и внутренней дисциплинированности.

Теннис — это не игра, а атлетический спорт. Недостаточно лишь понимания игры, изобретательности, сноровки — нужна ещё и стойкость. Тот, кто не играл пять сетов в ответственной встрече с её удачами, неудачами, взлётами и падениями, не знает, чем могут быть эти часы, изнуряющие до предела как мышцы, так и нервы. Жан работал упорно, методически.

Вскоре он бросил службу в магазине, лишённом воздуха, где попеременно продавал то кастрюли, то галантерею, то мыло. Его взяли сторожем в клуб. Летом он зарабатывал достаточно, чтобы выдержать зимние месяцы.

В это время он снова встретился с бывшим чемпионом, старым игроком, который как бы видел в Жане своё продолжение. Две зимы подряд он увозил Жана в горы и учил кататься на лыжах. За эти годы Жан окреп, раздался в плечах. Он научился правильно дышать и экономить силы.

И теперь, в двадцать лет, Жан стоял на вершине славы. Это произошло в нынешнем году. В руках его было всё, к чему он стремился. Всё? Нет, ибо до сих пор в жизни он видел лишь один смысл — теннис, теперь он нашёл в ней и другое: он знал, что любит Женевьеву.

ГЛАВА ВТОРАЯ

То, что произошло с ним, было необыкновенно и, должно быть, ужасно!

Конечно, как и все юноши, Жан Гренье задумывался о любви. Существует любовь плотская — это один её вид — и та, другая любовь — влечение чувств. Но когда какая-либо страсть овладевает жизнью, — а теннис был такой страстью для Жана, подобно тому,- как марки — для филателиста, собаки — для ловчего, — как-то не верится, что иное чувство может вытеснить первое. Разве что оба чувства будут сосуществовать, сольются воедино. А разве взаимопонимание, рождённое стремлением к одной и той же цели, не создаёт уже близость, единство чувств?

Отчасти так оно и произошло. В теннисе среди девушек Женевьеве Перро принадлежало то же место, что и Жану среди юношей.

Но не это явилось причиной, которая привлекла его к ней. Женевьева открыла ему жизнь, существование, о котором он и не подозревал. На него произвело ослепительное впечатление существо, соединявшее в себе, с одной стороны, физические качества — красоту, крепкое, полное жизни тело, лучезарное лицо, с другой — вызывающие восхищение мужество, стойкость.

Когда он впервые увидел её, она сражалась.

Это произошло во время того чемпионата Франции, ради которого он приехал в столицу. Час, назначенный ему для одной из отборочных игр, ещё не наступил. Приготовившись — теперь уже у него были настоящие теннисные шорты и туфли на каучуковой подошве, — с ракетками под мышкой, он бродил между площадками, на которых шла игра.

Две женщины "фехтовали" на шестом, номере. Одна — плотная, атлетически сложенная, изворотливая англичанка лет тридцати восьми — старая опытная теннисистка, участница всех соревнований, которой уже приходилось играть на траве, на закрытых кортах, на цементных и утрамбованных площадках во всех уголках света, с дьявольской изощрённостью и уверенностью в себе обрабатывала все мячи. Другая — девушка, скорей даже молодая женщина, — показалась ему воплощением грации. Не подумайте превратно! Не её стройные ноги, не совершенная, ничем не стеснённая под блузкой грудь, не правильные черты лица и удивительные, почти стального цвета глаза, такие, впрочем, моментами нежные, привлекли его. Его поразила в первую очередь лёгкость и гармоничность всех её жестов, замечательный стиль движений, класс игры.

В этот момент она была явно утомлена — волосы её растрепались, ноги подгибались; она согнулась чуть ли не вдвое, чтобы перевести дух перед тем, как подавать, — и производила скорее жалкое впечатление. Пот стекал у неё со лба, и она, вытирая капли пота, проводила руками по щёкам, оставляя на них кирпичного цвета борозды! Но когда теннисистка округляла руку, подбрасывала над головой мяч, чтобы сделать подачу, в последнем усилии вдруг выпрямлялась и ей внезапно удавался замечательный удар с лёта, точно попадавший на линию, минуя стену, которой была англичанка, она сразу превращалась во вдохновенную богиню, — на один миг, равный сверканию молнии, — парящую над миром.

В этот день девушка не обратила внимания на него. Вся собравшись, пытаясь восстановить покидающие её силы, она не замечала никого. Иссякнут силы, и теннисистка окажется обезоруженной; её ждёт поражение, бесчестье.

Жан также напряг всю свою волю. Он как бы пытался поддержать её. Это напоминало настоящую молитву, произносимую про себя. Он страстно хотел, чтобы незнакомка выиграла, ибо она была самим воплощением тенниса.

За неё, вместе с ней, он рассчитывал каждое движение, каждый удар. О! Он чувствовал это со всей очевидностью: что-то передавалось от него к ней — немного его силы, его способностей, которые он старался влить в неё. Тут-то и произошло чудо.

Он не видел больше ничего, что происходило вокруг, не слышал слов нескольких постоянных зрителей, которые, обсуждая игру, многозначительно качали головой и либо, уверенные в результате, уходили, либо критиковали Перро, считая её уже побеждённой, конченой. Он сидел на самой верхней из длинных цементных ступеней, расположенных по сторонам кортов второй категории, и не замечал больше ничего, кроме молодой женщины, внезапно дошедшей до полного истощения сил, которая была теперь лишь посредственным, вызывающим всеобщее пренебрежение игроком. Тогда он напряг всю свою волю.

Он хотел, чтобы она спаслась от поражения, взяла себя в руки, выиграла. Он так страстно хотел этого, что почти как бы стал на её место. Про себя он давал ей советы, приказания... "Англичанка сейчас сыграет в правый угол. Внимание!.. Не отбивайте в левый угол: её слабая сторона— удар справа... Не стойте слишком далеко, чтобы принимать её резаные мячи! Выходите к сетке! Навяжите ей свою игру, свою волю!.. Делайте прямую сильную подачу, не осложняйте, вы одолеете её быстротой! Быстротой... быстротой..."

Можно было подумать, что она услышала. А между тем молодая женщина ни разу не обернулась в его сторону, не подарила ему ни одного взгляда. Она по-прежнему не выделяла его из толпы зрителей "вторых", "третьих категорий", мужчин и женщин, прошедших из раздевалок, чтобы посмотреть, как разделываются с Перро. Её недолюбливали, так как она пользовалась слишком большим успехом, — и на площадке, где она превосходила всех своей игрой, и у мужчин (женщины этого не терпят). Мужчины тоже не очень-то жаловали её,

так как она совершенно не отвечала на их заигрывания, разве только старалась оттолкнуть их. Оказаться свидетелем того, как её положат на обе лопатки, — это незаурядное удовольствие. Слух пронёсся по стадиону, что она в затруднительном положении. И со всех сторон теперь спешили зрители, чтобы присутствовать при её поражении.

— Подача мадемуазель Перро! — объявил судья и добавил: — Счёт во второй партии четыре — ноль. Впереди мадемуазель Буди.

Женевьева овладела собой, сделала подряд три неотразимых подачи, повела сорок — ноль, потеряла один мяч и затем выиграла игру. Найдя утерянный было ритм и борясь за каждый мяч, она выиграла и следующую. Казалось, к ней одновременно вернулись и вдохновенная игра и силы. Жан подумал, хотя сам и не верил в это, что она играет "для него". Игра англичанки расстроилась— теперь она делала ошибку за ошибкой. Подавая, она сделала зашаг и получила от судьи замечание. Это ещё больше вывело её из равновесия. Из небольшой кучки зрителей теперь раздавались возгласы:

— Нажимайте, Перро!.. Англичанке — крышка!..

Действительно, Перро подавляла теперь противницу. Она выиграла второй и третий сет, не уступив ни одной игры.

Превосходство оставалось за молодостью; быстрота возобладала над опытом. Против этого ничего нельзя было поделать. На лице молодой женщины не замечалось больше прежнего напряжения, усталости. Она откинула назад волосы; ноги её уже не дрожали.

Когда Женевьева пожала руку противнице, та уже еле дышала. Уже полчаса назад она поняла, что побеждена, и преклонилась перед Женевьевой.

Зрители бросились к победительнице. Ей жали руку. Жан вместе с другими. Она улыбалась, но ему не больше, чем другим. Он похвалил её за игру. Она ограничилась тем, что поблагодарила его. Он назвался. По-видимому, она плохо расслышала его имя, так как на следующий день в баре не помнила уже, как его зовут. Что до Жана, то она уже не выходила у него из головы.

В последующие годы они познакомились ближе. Иначе и не могло быть. Ведь должны же были они встречаться на заключительных банкетах после соревнований или в парных играх. Имена обоих чаще всего упоминались в газетах, произносились на площадках, в клубах. Если в первый год он и выбыл из открытого чемпионата Франции, тем не менее, его уже оценили как способного игрока. Что касается её, то после победы над англичанкой она дошла до финала и вынуждена была уступить первенство лишь на "центральном" — американке, которая вот уже три года побеждала всех. Она полюбила играть с ним в соревнованиях в паре, а он — с ней. Всё же, должно быть, ещё по той же причине. Быть партнёром Жана служило гарантией успеха. Что до него, — видеть её, находиться вблизи неё было для него главным. И он весьма страдал, когда по окончании игры, прощаясь с ним, она садилась в поджидавшую её машину, за рулём которой сидел чересчур уж завитой молодой человек.

Жан не был красивым. Не принадлежал он и к разряду тех загорелых атлетов в бело-голубых замшевых туфлях, одевающихся у Каретта, у которых карманы полны денег и которые являются обладателями слишком уж красивых машин. Всё его богатство заключалось в умении играть лучше других. Он никак не мог понять, что это ценилось только на спортивной площадке. Он сознавал, что неловок и неэлегантен. Знал он также, что у него нет ни "паккарда", чтобы подвезти её, ни денег, чтобы пригласить пообедать в "Запрещённом плоде" или в "Павильоне Генриха IV". А между тем — и в этом-то и заключалось противоречие — она представляла собой всё это трудно достижимое богатство. Жан знал, что у неё состоятельные родители (у хирурга Перро была богатая клиентура — много пациентов южноамериканцев и разных герцогинь). Правда, в Довиле, будучи гостем Андре, Жан останавливался в гостинице "Норманди", в Каннах — в "Карлтоне", в Монте-Карло — в "Отель де Пари"; но когда он возвращался в Сэнт, то ночевал в сарайчике за теннисными площадками на кровати, скорее напоминающей казарменные нары. В Париже он жил у Гийома, в его четырёхкомнатной квартире, где в воздухе ещё

стоял навязчивый запах кошек, которых так любила госпожа Латур, и где кресла гостиной, крытые оборонами [ткань типа гобеленов] машинного производства — четыре кресла и диван, — воспроизводили в пяти экземплярах притчу о волке и ягнёнке на берегу ручья.

Продолжалось такое положение долго. Со временем мало-помалу Женевьева вышла из неблагодарного переходного возраста девушек, а он — из возраста прыщавого подростка.

Внезапно в этом году он занял первое место. Тогда, как и на корте, он попытался выиграть и ту, другую игру. В двадцать лет он достиг того, на что была направлена вся его воля. Память о времени, когда "четвёрка", иногда превращавшаяся в "пятёрку", защищала честь нашего флага, неотступно подстёгивала его. Лакост уже больше не играл, разве только в гольф, но Жан не раз встречал Коше — мудрого, методичного, несомненно, одухотворённого игрока; встречал Буссю — мастера парной игры, по виду напоминавшего беспечного английского юношу; Боротра, несмотря на возраст и прошедшее с тех пор время, продолжавшего оставаться легендарным "прыгучим".

Они были его богами.

Могло ведь случиться, что у него были бы худшие наставники. Мастерство же этих — бесспорно. Со своей стороны, эти заслуженные мастера как бы видели своё продолжение в Жане и поэтому относились к нему по-дружески, направляли его своими советами. Жан благоговейно прислушивался к их указаниям, беря от них все, что возможно, в то же время не забывая, что единственным источником как нравственных, так и физических качеств является сам человек и что всё зависит от него самого.

Он мечтал участвовать в сражениях, где сражалась «четвёрка».

Но времена были не те — превосходством обладали другие. В одиночку на Кубок Дэвиса не играют. Правда, рядом с собой Жан имел Франкони, Бютеля и Марсана, но последним, как и ему самому, ещё было далеко до класса игроков эпохи расцвета.

Франкони, Бютель и Марсан находились в худших условиях, чем Жан, — они работали. Франкони исполнилось уже двадцать восемь лет. Если на бумаге он и числился ещё «№ 1» в команде Франции, сам он хорошо сознавал, что вот уже три года, как достиг потолка.

Будучи инженером, он много разъезжал по своим делам и недавно женился. Конечно, он всё ещё был «классным» игроком, не зря заслужившим известность, но у него уже не было того огонька, который четыре года назад дал ему возможность в Уимблдонском турнире восторжествовать над уверенным в себе, цепким чехом.

Бютель был одарённым игроком, но физически очень слабым. Иногда в игре после долгого обмена мячами или утомительной подачи можно было заметить, как, сам того не сознавая, он подносит руку к сердцу. В парном разряде он был на своём месте, но в чрезвычайно трудном соревновании на Кубок Дэвиса решающее значение имеют четыре одиночные игры. Надо выиграть три из разыгрывающихся пяти встреч!

На Марсана тоже нельзя было рассчитывать, что он победит в одиночной встрече.

Он был хорошим игроком, но ему недоставало стойкости. Его стихией была игра в богатых усадьбах, а не в турнирах. Он играл с подлинным блеском и вызывал аплодисменты у толпы зрителей. Но после взрыва восторженных аплодисментов зрители замечали, что он проиграл. Ему были свойственны проблески гениальности, вызывавшие восторг; затем, как бы не придавая им никакого значения, он уступал целые игры и вдруг снова расходился.

Жан присоединился к этой тройке. Произошло это само собой на чемпионате Франции, из которого после Уимблдона он вышел победителем. Через несколько дней для встречи в полуфинале Кубка Дэвиса должны были приехать американцы. Надо выиграть встречу! Это единственный шанс для Франции вернуть знаменитый кубок, который ускользнул от неё в прошлом году из-за того, что один из её игроков «сломался» во встрече с австралийцами. Побить американцев — значило поехать в Сидней, почти с уверенностью вернуть трофей. Но сначала надо их побить!

Капитан команды Брюйон собрал игроков:

— Вот что я думаю, — сказал он им, и присутствовавший Коше поддержал его, — парную нам не выиграть, незачем в погоне за победой в этой встрече утомлять наших людей. Я того мнения, чтобы парную играли Бютель с Марсаном. В конце концов, кто знает? При известной удаче...

Коше весьма любезно кивнул головой, но это не обмануло никого, Брюйон продолжал:

— Франкони и Гренье проведут одиночные встречи... каждый — по две...

Наступило молчание. Оба игрока переглянулись. Перед ними стояла нечеловеческая задача, в особенности, когда имеешь перед собой таких игроков, как Рейнольд, Накстерили Круш.

— В такой расстановке заключается для нас единственный шанс выигрыша, — продолжал Брюйон. — Франкони может одолеть Рейнольда (он думал, что Жану это не под силу, так как, чтобы провести встречу на Кубок Дэвиса, рассчитать свои силы, выстоять да ещё дважды, нужен опыт таких встреч. Что до Франкони, — он им уже обладал). У Накстера же или Круша — кого бы американцы ни выставили — и тот и другой из вас может выиграть.

— Это тоже будет не легко, — сказал Жан. Он уже встречался с Крушем в одной восьмой финала Уимблдонского турнира и выиграл лишь со счётом 3:2.

— Другого выхода нет, — настаивал Брюйон. — Даже если один из вас проиграет одну встречу, другой может выиграть обе свои («Франкони», — думал он про себя). Нам необходимо выиграть три одиночные встречи, вот и все!

А сегодня шёл уже третий день соревнований.

В пятницу Жан побывал под обстрелом. Против него выставили Накстера. Задача оказалась довольно лёгкой, так как Накстер лишь накануне прибыл из Англии, был утомлён и к тому же перетренирован. Накстер не вынес напряжения.

Затем произошла встреча Франкони с Рейнольдом — та самая, запись которой передавалась по радио и нарушила тишину старой гостиной Латуров. Памятная, исключительная игра, в которой каждый противник, зная, что судьба кубка зависит от него, старался вовсю. В результате пяти изнурительных сетов один из них, последний, дошёл до счета 15:13, — Франкони, выбившись из сил, не устоял.

Вчера парная игра превратилась для американцев в увеселительную прогулку. Но французы и не предвидели другого исхода. Как обычно, Марсан вызвал восторг толпы своими ужимками и выходками, своими внезапными проявлениями акробатического искусства. И, как обычно, он проиграл.

И теперь, в это необыкновенное воскресенье, через несколько минут, в три часа, Франкони окажется лицом к лицу с Накстером. Но это не страшно. Он выиграет. Уже семь раз он побеждал его. Встреча эта не протянется больше четырёх сетов, — вряд ли придётся играть пятый сет, чтобы выявить победителя. Всё ясно заранее, «дело в шляпе», как говорили на стадионе. Счёт игр в партиях не превзойдёт шести к двум, самое большее — к трём. Ну а затем?

Затем! Самое большее через полтора часа Жан выйдет на площадку. (У него ещё много времени! Почему же он так нервничает при мысли о том, что Рафаэль ещё не заехал за ним и что Гийом всё не возвращается с такси?)

Да, он появится на «центральном». И с ним вместе, чтобы разыграть стороны (ах, как ему хотелось бы подавать первому! Как он мечтает об этом, потому что противник обладает сильной подачей, которую трудно принять, в особенности когда ещё не разошёлся), выйдет Рейнольд. И Рейнольда надо побить. Рейнольд не должен выиграть, так как от этой партии зависит судьба кубка, а также и его, Жана Гренье, судьба!

Его судьба... вся его жизнь. Проиграть — это одновременно всё проиграть.

Перед его взором встало видение играющей Женевьевы, а затем пронеслось всё, что произошло.

Это произошло несколько недель назад, во время чемпионата Франции. В течение года они часто встречались во время спортивных поездок, турниров в Монте-Карло, Женеве, Брюсселе, летом тоже — в ла-Боле, в Динаре, но по-настоящему он жил близко к ней только во время розыгрыша первенства, так как она была его партнёршей по смешанному парному разряду.

Утренние тренировки, когда лишь несколько легкоатлетов длинными бросками огибают беговую дорожку стадиона. Соревнования, где сражаешься плечом к плечу и вместе смеёшься, глядя на норвежцев, изнемогающих от жары, или на столь ловких, но всегда так замысловато играющих японцев, или на индусов, которые, казалось, каким-то волшебством заставляют повиноваться мяч.

В этом году в смешанном парном они выиграли первенство. Они составляли, как об этом говорили журналисты, «идеальную теннисную пару». В продолжение двух недель их имена были неразрывно связаны. Повсюду они были вместе: на первых страницах газет и журналов, на фотографиях разных агентств, на обедах, устраиваемых в теннисных клубах, на приёмах в федерации. Жан привык с ней не разлучаться или так, ненадолго... В одиночном разряде им приходилось, конечно, играть каждому отдельно. Из этого испытания он вышел победителем, тогда как она опять проиграла американке, которая вот уже несколько лет преграждала ей путь к званию чемпионки Франции. В тот день он был с ней, пытался утешить её в горьком разочаровании. Он взял её за руку, — она не выдернула у него руки. Женщина в слезах всегда ищет поддержки, но долго это не продолжается. Что он вообразил? Она даже не пообедала с ним — разве не пообещала она накануне сопровождать Рафаэля?

Нельзя было вызывать неудовольствие Рафаэля! Для игроков сборной он был всем: и администратором, и распределителем благ. В самом деле, это он, конечно с согласия комитета, решал все вопросы; это в его руках находился ключ к соревнованию; это он во время выездов команды в другие города снимал комнаты в гостиницах, выбирая лучшие, с ванными, для своих любимцев; это он устраивал им приглашения от разных именитых лиц: президентов, герцогов, королей — приглашения игрокам, заслужившим его предпочтение, в особенности женщинам, к которым он был неравнодушен; это он осведомлял журналистов, выделяя предпочтительно того или иного игрока, забывая упоминать имя того из них, кто не обхаживал его.

Рафаэлю было тридцать четыре года. Это был уверенный в себе человек. Он прекрасно разбирался в игре— сам, когда-то состоял в сборной. Но он порвал связку на руке. Это оставило у него неизлечимую «теннисную травму». Не будучи игроком исключительного класса, воспользовавшись этим обстоятельством, он, не дотрагиваясь больше до ракетки, всё же сумел сохранить репутацию выдающегося игрока. «В моё время...» — говорил он. И этого было достаточно. Высокого роста, немного полный, так как не занимался больше спортом, это был мужчина, которого между собой теннисистки называли «номер первый», ибо следует отметить, что он был очарователен, обворожителен и умел, когда хотел нравиться, делать для этого всё необходимое, — замечательно врать.

На следующий день после поражения Женевьевы Жан узнал, что Рафаэль и она пообедали вместе в одном ресторане на Елисейских полях, а затем до самого утра провели время в ночных кабаре «Флоранс» и «Монсеньер».

Выступая в паре с Женевьевой, Жану пришлось в этот день биться за двоих, так как его партнёрша лишь незначительно помогала ему. Они чуть было не потерпели поражение в нетрудной встрече, что выбило бы их из соревнования. Возвращаясь в раздевалку, он шёл рядом с ней, и насупившись, молчал. Взбешённая сознанием своей вины, она внезапно убежала от него и больше не появилась. Между тем в состоянии душевного равновесия они постоянно думали друг о друге. Для него, он знал, ничто никогда не сравняется с удивительным согласием, существовавшим между ними, когда они играли в паре. Они представляли тогда собой одно существо, один ум, одно сердце. Женевьева не могла этого не чувствовать. Она хорошо знала, что такое согласие — единственное в своём роде и что

никогда ни с кем другим оно не будет возможно. Но игра — не жизнь. Во всяком случае, для неё — такой женственной, столь увлечённой поклонением мужчин, ожиданием любви — в этом не заключалась вся жизнь. Но он скоро понял, что любит её.

Жан оказался по отношению к Женевьеве в сложном положении. Хотя он и добился славы, хотя столбцы всех газет и пестрели его именем, но в обыденной жизни он — лишь молодой человек без положения и обеспеченной будущности. Он прекрасно сознавал это, ибо знал, что чемпионом долго не бывают. Зарабатывать деньги, конечно, он может. Он уже привлёк к себе внимание. Франкфурт, антрепренёр профессионалов, тот самый, который несколько лет назад завербовал американских чемпионов и чеха — победителя Уимблдонского турнира, закидывал уже удочку: «Назовите цену, Гренье!»

Предприимчивому немцу необходимо было обновить состав своей группы, так как входившие в неё игроки уже всем примелькались. Необходимо было новое, громкое имя, чтобы делать сборы. Жану, пожелай он только этого, представлялась возможность заработать много денег.

Но он отказался. Не в этом он видел смысл своего существования. И Женевьева, если допустить, что она согласилась бы выйти за него, то всё же не для того, чтобы он стал продажным спортсменом и дельцом. Только его незапятнанное имя было единственным, что могло привлечь её к нему, сохранить её любовь.

Обеспечить себя материально — означало для Жана потерять любимую девушку. Впрочем, ему было совершенно ясно, что, согласись он на предложение Франкфурта, никогда уже ему не быть в ладу с самим собой. Сделавшись профессионалом, зарабатывая на жизнь спортом, променяв его на материальные блага, он превратится в одну из особей стада, которое бродит по всему свету с расчётом, чтобы пребывание в каждой стране совпадало с летней порой.

Знает он этих игроков, променявших спорт на деньги! По истечении трёх лет, изнурённые непрестанной жарой, они становятся подобными своей собственной тени. И не только потому, что продались, но и потому, что не выдерживают постоянной жары, от которой тают мысли, воля и в то же время теряется всякий смысл существования. Но ведь Женевьева была богата! В своей наивности Жан мечтал о любви, опрокидывающей все препятствия. Конечно, он отдавал себе отчёт в общественном положении хирурга Перро. Ну и что ж! Если Женевьева любит его, неужели она не согласится разделить с ним судьбу, какой бы она ни была? Он подходил к жизни с такой же чистотой помыслов, с такой же верой, с такой же щедростью, как и к игре, когда с ракеткой в руке на корте безвозмездно расходовал лучшую часть самого себя. Дитя, он не ведал, что, даже когда любят, не отказываются от богатства и удобств. Привыкшая к достатку, к обслуживанию, к легко достающимся деньгам, Женевьева не поняла бы его, он не может дать ей всего того, к чему она привыкла и что казалось ей вполне естественным. Это была избалованная девушка. Она ещё не знала подлинной цены вещей.

Любила ли она его? Этого она не знала. Бывали минуты, когда она думала, что это так. На корте она не представляла себе жизни без него. Надо сказать, что в такие моменты он был одухотворён, как бы превосходил самого себя. Она восхищалась им, чувствовала, что они дополняют друг друга. Даже когда она наблюдала, как он проводит какую-нибудь одиночную игру, она не могла представить себя рядом с другим человеком. Затем, когда он снова выходил в пиджаке и она, затянутая в плотно облегающий дождевик, позволяла ему провожать себя до Порт д'Отей, он становился молчаливым, не находил слов или выражался иногда так неловко, что обижал её. Он так крепко держал её под руку, что ей было больно. Затем, смутившись и весь залившись краской, он удалялся.

В то время как мимо неё на своих машинах проезжали Франкони, Марсан или делавший вид, что не замечает их, Рафаэль, её как бы охватывали стыд и бешенство, которые от досады на себя вызывали у неё краску на щёках.

Когда, возвратясь к себе, она думала о нём, её мысли становились более трезвыми и она яснее отдавала себе отчёт в том, чего он действительно стоит. Жан любит её — и глубоко, но принесёт ли им эта любовь, на пути которой стояло столько препятствий, счастье?

Женевьева была молода и никогда ещё не испытывала сильного влечения. Она не знала, что, быть может, настанет день — правда, в этом не было никакой уверенности, бывают женщины, которые, что бы они ни говорили, никогда не испытывают сильного чувства, — когда она ощутит в себе достаточно сил, чтобы по одному знаку, можно сказать по приказу, пойдёт на все, готова будет пожертвовать всем. Нет, об этом она и не думала. В её поколении перестали так отдаваться страсти и предаваться подобному романтизму; столько других вещей пришло на смену! Сегодня — и это гораздо разумнее — хотят счастья, точно оно когда-либо существовало...

Женевьева всей душой стремилась к счастью. Это было единственной её целью. Если бы она была уверена, что найдёт его с Жаном, то постучала бы в дверь кабинета отца и сказала ему о своём решении. Но такого побуждения у неё не было. Она только хотела вместе с Жаном играть на корте, встречаться с Рафаэлем, который был так молод душой итак хорошо танцевал, что ему — столь очаровательному и забавному — удавалось чудо: ночь напролёт занимать её в каком-нибудь кабаре.

С Рафаэлем, как и с Жаном, она всегда чувствовала угрызения совести. Даже прижимаясь к красивому парню в танце под звуки оркестра, Женевьева испытывала неудовлетворённость собой при мысли о завтрашней игре и об упрёке, который прочтёт в глазах Жана.

Возле молчаливого Гренье она говорила себе, что, хотя он и страстно любит её, никогда она не сможет жить его жизнью. Это не существование. В свои годы она имеет ещё право повеселиться — ведь можно относиться к вещам одновременно серьёзно и весело. В глубине души она не хотела принимать решения. Но вот и Жан и Рафаэль принуждали её к ответу. И тот и другой накануне игры на Кубок, во время которой Жану предстояло вынести на своих плечах такой тяжёлый груз, вызвали её на разговор.

Начал Рафаэль. Произошло это в тот вечер, который они провели вместе. Заговорил он с ней со своей обычной непринуждённостью. Но Женевьева понимала, что это не были слова, брошенные на ветер. Не впервые проводили они время вместе. Но в этот раз инстинктом или разумом он почувствовал, что настал подходящий момент.

Она нравилась ему. Её приданое и общественное положение отца также производили впечатление на Рафаэля. Ни одна из многих девушек, за которыми он до сих пор ухаживал, не вызывала у него желания связать с ней свою судьбу. Ему скоро должно было исполниться тридцать пять лет, и он чувствовал, что следовало бы положить конец холостяцкой жизни. По совести говоря, расчёт лишь в малой степени влиял на его увлечение Женевьевой. По всей вероятности, он женился бы на ней и в том случае, если бы у неё не было ни единого гроша. Но у неё было состояние, семья с видным общественным положением. Почему бы это мешало ему полюбить её? Рафаэль и в самом деле любил Женевьеву. Он пришёл к этой мысли совершенно трезво. Да и помимо всего ему льстило, что она отклонила притязания всех других: Бютеля, Марсана и даже Франкони (до его брака). Таким образом, для него бы это было успехом вдвойне. И теперь Рафаэль носился с этой мыслью, так как Женевьеве, казалось, тоже нравится его общество.

Частые посещения спортивных площадок придали молодой девушке непринуждённость в обращении с мужчинами, и она никогда не отказывалась встречаться с Рафаэлем, сопровождать его. Он обворожил её. В этом нет сомнения. Надо кончать. Он должен был решить: сделать из неё свою любовницу или просить её руки. Рафаэль решился на последнее. Конечно, в тот вечер он, как водится, поцеловал её. Разве не был он первым человеком, первым мужчиной, который поцеловал её в губы? Но тайный инстинкт подсказывал ему что она не из тех девушек, которых легко завоевать. И не в том дело, что Женевьева не способна была отдаться, если бы ею овладело очень сильное чувство. Но хорошо знавший женщин Рафаэль понимал, что у Женевьевы не было такого чувства к нему, хотя он и нравился ей. Наверное, даже её мысли были заняты им, в чем Рафаэль не сомневался. Он знал также, какое дружеское чувство, несмотря на частые стычки, она испытывала по отношению к Жану Гренье. Но этот скромный, неловкий парень не мог быть опасным соперником. Нельзя равнять его с Рафаэлем, который обладал тем преимуществом, что знал цену своему обаянию. Ведь Рафаэль по возрасту был уже мужчиной, тогда как Жан оставался ещё мальчишкой.

Музыка и шампанское развязали ему язык. Произошло это совершенно естественно, во время беседы. Постепенно от острословия он перешёл на испытанный задушевный тон.

— Вы, должно быть, знаете, Женевьева, что комитет наметил вас для поездки в Австралию?

Она знала об этом, но ещё сомневалась.

— Вы думаете, что поездка состоится, если наши мужчины проиграют полуфинал Кубка?

— Никакой связи. Контракты подписаны. Вас ждут там. Вас и мадам Фране. Нас просили послать ещё третью. Так или иначе, если вы согласитесь, то поедете.

Она зарделась от радости:

— Конечно! Тем более что я — номер первый!

— И что я сопровождаю вас, — сказал он, вызывая её на ответ. Ей это не приходило в голову. Она сказала:

— Можете представить, как я счастлива! Благодаря вам меня будут лелеять. А я и не знала, что руководить командой будете вы!

— Я пошёл на это... — сказал он, понизив голос, — ради вас.

Они танцевали. Она немного отстранилась от него, потом решила превратить всё в шутку и засмеялась:

— Я вас не боюсь!

Он посмотрел на неё взглядом, который, по его желанию, мог становиться таким честным. Впрочем, может быть, Рафаэль и был искренен:

— Вам нечего меня опасаться. Вы хорошо знаете, чем являетесь для меня! Только...

— Только? — кокетливо спросила она.

— Только не требуйте от меня того, что свыше моих сил!

— Послушайте, ведь вы всё же не влюблены в меня?

Он потряс головой:

— Нет конечно. Я просто люблю вас!

Оба умолкли до самого конца танца. Вернувшись к столику, они сидели молча, пока музыка не заиграла снова. Тогда — то ли расчёт, то ли случайность, это было танго — он продолжал:

— Женевьева, незачем больше хитрить! Ничего не поделаешь. Вам известно, что обо мне говорят? Так вот, ничего такого никогда не было. Ничего, что вы можете мне дать. Мне кажется, мы могли бы соединить наши жизни, понимать друг друга. Я хорошо зарабатываю и могу вам создать в известном смысле хорошую жизнь. Я смогу быть всегда с вами. А главное — не мешать тому, что, я знаю, является для вас призванием и чему мог бы помешать другой мужчина...

Оба одновременно подумали о Жане Гренье. Рафаэль сказал:

— Сам я больше не играю из-за моего ранения (никто в точности не знал происхождение этой травмы: Рафаэль как бы умышленно никогда не уточнял).

— Вы это серьёзно?

— Очень серьёзно! Я здраво всё обдумал. Я вам не буду говорить кудреватых слов— это уже не в моде. Я женюсь на вас, если вы ответите мне: «Да».

— It is all so sudden [всё это так внезапно...], — сказала Женевьева, подражая одной английской теннисистке, про которую говорили, что она так отвечала всем мужчинам, когда они целовали её, хотя сама бросалась им на шею.

— Что же вы ответите?

Она молча поднялась и потянула его танцевать.

Они покружились немного, затем он наклонился к ней, и губы их слились в поцелуе.

Куда всё это приведёт её? К браку. Конечно, если она этого захочет. Возможно, брак с Рафаэлем и не будет плохим. Да, он ей нравится, и затем — это настоящий мужчина. Он старше её, знает, что хочет, и уже пожил. Он поможет ей, направит её. Она сможет ему довериться, опереться на него. В нём было много того, что нравилось ей и на мгновение немного опьяняло. Она перестала думать о Жане, о своём неловком и грустном друге. Уф! Легче на душе стало! Теперь ей не надо больше задумываться над решением. И, собственно, зачем решать? Жан ведь не говорил с ней. Но в глубине души она хорошо знала, что он любит её, и по-настоящему!

Этой ночью ни Рафаэль, ни она не упомянули о Жане. Только в машине, когда он провожал её, она сказала ему: «Ну и свежей же я буду сегодня после обеда во время парной игры с Гренье!.. Сейчас около пяти утра!..» Рафаэль ответил:

— Всё равно вы выиграете! Хотел бы я иметь возможность сказать то же самое о наших игроках в полуфинале Кубка Дэвиса!

— Вы думаете, у нас нет никаких шансов?

— Мы проиграем в парном, и Рейнольд выиграет обе свои одиночные...

— Даже у Франкони?

— У Франкони и у Гренье, — сухо ответил он. — Ни тот, ни другой не доросли до него! Не играть нашим теннисистам финал в Австралии!

— В таком случае мы отправимся туда сами? — заметила она.

— Да. Вы и я.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда девушку в возрасте Женевьевы не захватило ещё сильное чувство, она остаётся в нерешительности, если должна сделать выбор. Она даже не сознает, что может ответить каждому "нет" и выждать. Лишь значительно позже приходит ясность суждений, в большинстве случаев слишком поздно.

Впрочем, у Женевьевы был трезвый ум и она не имела обыкновения лгать себе. Рафаэль хочет сделать её своей женой, а он ей далеко не безразличен. Как поступить? Хотя Жан, со своей суровостью и непримиримостью, и привлекал её больше (но он с ней не объяснился!), всё же она оставалась с ним немного скованной. Придя к мысли, что Жана и её разделяют непреодолимые препятствия, она и в самом деле начала опасаться его и считать своё поведение вполне оправданным. Было время, когда она думала, что её опасения напрасны: Жан никогда не заговорит с ней. Это вызвало у неё некоторое разочарование. Только тогда она осознала, насколько он ей небезразличен.

Между тем окончательно выяснилось, что лучшие теннисистки поедут в Австралию (уже два года разыгрывался интернациональный женский Кубок — встречи проводились в трёх сетах). Если французские теннисисты в полуфинале Кубка Дэвиса в Париже побьют американцев, то и они поедут в Австралию (финал Кубка Дэвиса разыгрывается в стране — обладательнице трофея). Если Жан победит, он будет её сопровождать. Если потерпит поражение, она окажется одна с Рафаэлем, и последний сделает всё возможное, чтобы завоевать её. Он поведёт осаду так бурно, что, она это знает, добьётся положительного решения. По словам Рафаэля, у наших мужчин нет никакого шанса выиграть полуфинал. Что касается Женевьевы, то она знала Жана, его веру и упорство. Она знала, что он сделает всё на свете, чтобы победить, тем более что участвовать в финале Кубка — мечта его жизни. (Женевьева не думала тогда, что у него будет для этого ещё более веская причина и что этой причиной будет она сама.)

Когда в этот день после обеда Женевьева снова видела Жана на «Ролан Гаррос», она была зла на себя. Во-первых, она чувствовала что не в форме, так как мало спала. В дансинге она выпила шампанского, которое, как всегда, на следующий день приводило её в нервное состояние, лишало равновесия. Во-вторых, она размышляла о поцелуе Рафаэля. Неприятно ей это не было, но, по правде говоря, она и не испытывала большого удовольствия, большего волнения, чем в одном или двух предыдущих случаях, во время безобидных ухаживаний. Не ведая физической близости, она не пробудилась ещё к чувственной жизни. Конечно, целоваться с Рафаэлем приятно, но, должно быть, не больше, чем с любым здоровым мужчиной. Но всё же Рафаэль, если это случится, будет приятным мужем. А Жан?

Ей было немного стыдно перед Жаном после того, что произошло. Правда, у неё не было по отношению к нему никаких обязательств, она ничего не обещала ему. И всё же ей казалось, что она отдала другому нечто, принадлежавшее ему.

Обо всем этом она думала во время их совместной игры, видя, как он из кожи вон лезет, чтобы играть за двоих. Когда они с трудом выиграли, она почувствовала его молчаливый упрёк. Вот почему, раздосадованная, она бросила его и убежала! Но не подошла она и к Рафаэлю, который напрасно в машине поджидал её. Женевьева вышла через запасной вход, позвала такси и поехала домой.

Прошли дни, но ничего не уладилось. Вместе с Жаном они дошли до финала и во время разыгранных встреч, быть может, испытали самые сильные ощущения, которые им довелось пережить вместе. Победу надо было вырвать, а для этого нужно было то единение, которого им удавалось добиться в паре, — стать одним разумом, одной силой, одной душой.

Когда после победы они стояли у сетки на «центральном» и фотографы снимали их, непроизвольно он привлёк её к себе.

На протяжении этих дней она не видела Рафаэля или видела его очень мало. Он слишком хорошо знал, чем в это время заняты её мысли, и обладал достаточной расчётливостью, чтобы не быть навязчивым. Он знал: не позже, чем через неделю, занятый тренировкой, а затем тремя днями игры на Кубок, Жан исчезнет из жизни Женевьевы, и тогда он сможет полностью завладеть её временем. Затем они отправятся в поездку, в поездку без Жана. Он знал это, хотел этого.

Полуфинал Кубка разыгрывался в конце этой недели. Встречи начинались в пятницу двумя одиночными. В субботу состоится парная, в воскресенье — две одиночные. Как всегда, к этим встречам, обещавшим стать памятными, добавили несколько второстепенных матчей. Один торговец портвейном пожертвовал трофей. Трофей этот окрестили «Кубок Санджерса». Получить его должна была наилучшая в настоящий момент теннисистка. Для Женевьевы представлялся случай ещё раз помериться силами со стоявшей всегда на её пути американкой. В эту неделю без большого труда обе теннисистки, как и предполагалось, дошли до полуфинала. Рафаэль каждый вечер с машиной поджидал Женевьеву. Жан после обеда не появлялся на стадионе. Он отлёживался, отдыхал, чтобы вложить в предстоящую встречу всю свою выдержку, всю свою нервную энергию.

Вынужденный отдых дал ему возможность поразмыслить.

Перед ним, как и перед Женевьевой, возник тот же вопрос. Жан не был слеп. Да и на стадионе поговаривали:

— Значит, Рафаэль и Перро — дело решённое?

— Ты думаешь, она выйдет за него?

— Он сам сказал об этом Франкони.

— Должно быть, хвастает!

— Ты забываешь, что впереди — Австралия!

Да, впереди Австралия. И Жан знал это; знал также, что единственный шанс сопровождать Женевьеву — выиграть Кубок. Но его мучили сомнения насчёт результата: он не один, Кубок завоёвывает команда. Конечно, он будет биться изо всех сил. Но не всё зависит от него

одного. Зато от него, убеждался он постепенно, зависит поговорить с Женевьевой, не дать ей уехать одной, не сказав, что любит её, если он не сможет сопровождать её.

Он трезво взвешивал, что представляет собой, что может ей дать, обещать. Надеялся он и на силу её чувства к нему. Моментами в мыслях он переживал сцену, которая разыграется.

Он слышал её ответ: «Я давно люблю вас и готова разделить с вами жизнь, какой бы она ни была. Я верю в вас, верю не только в то, что вы станете величайшим чемпионом мира, но и в то, что сумеете затем устроить нашу жизнь, работать, обеспечить... Когда вы будете тем, чем должны стать, разве всё не будет для вас легко?.. Вы будете везде желанны...»

Слова эти выражали доверие, какое ему хотелось услышать. Но он обладал достаточно трезвой головой, чтобы вообразить и противоположный ответ. Тогда он сурово вопрошал себя, что будет с ним, и тут же сам себе отвечал. Он хорошо знал: если Женевьева оттолкнёт его, он потеряет с ней все, что составляет сейчас больше, чем теннис. О, насколько больше! — смысл всего его существования. Если его оттолкнут, он останется без сил, без воли, будет навсегда осуждён на лишённую интереса, пустую жизнь. Всем его мечтам придёт конец.

С приближением страшных дней ему всё трудней становилось переносить эту неуверенность! Он решил поговорить с Женевьевой.

В это утро он играл не больше трёх четвертей часа. Сначала немного с тренером, затем сыграл быстро сет с одним превосходным игроком второго плана, не творившим чудес, но игравшим очень уверенно. Он поработал над ударом слева с полулета у сетки, ударом, который с некоторых пор удавался ему значительно хуже, затем вернулся к Гийому и оказался наедине с самим собой (как обычно, друг его был в больнице). Всё так же в одиночестве и без всякого аппетита он перекусил.

И вот перед ним нескончаемый день. Разумнее всего растянуться и, отлёживаясь, ждать Лонласа, который в семь часов придёт сделать ему массаж.

Но что делает Женевьева? Он пытается представить себе, чем она занята. Нужно, он убеждается в этом, сегодня же поговорить с ней. О, да! Откладывать больше нельзя. Завтра он проводит свою первую одиночную. На ковре возле дивана, на котором он лежит, — оброненная газета, и в ней большим шрифтом красуется сообщение о завтрашних играх. В восторженном тоне журналисты предсказывают победу Франкони и Гренье. Но Жан не обманывает себя относительно предстоящих трудностей. Надо поговорить с ней! Поговорить, пока жребий ещё не брошен. Потом он уже не сможет. Потом всё решит орёл или решка, судьба вынесет свой приговор: поедет ли он с Женевьевой (а её так или иначе будет сопровождать Рафаэль) или... или он будет обречён остаться во Франции.

Скоро пять. Столько времени уже прошло! Как долго Женевьева будет расправляться с мадам Ларсен? Нет смысла выходить из дому до шести, иначе придётся ждать такси. Он не богат. Жан продолжает лежать ещё некоторое время. Лучше повременить, чтобы старинные

Басы с колонками в стиле Людовика XV пробили шесть. Тогда он вскакивает и, тщательно захлопнув дверь, как его приучили к этому ещё старики Латуры, выходит на улицу. Он идёт пешком до площади, садится в красное такси и велит:

— На стадион «Ролан Гаррос»! К главному входу. Вы сможете подождать?

— Конечно! Сегодня не такой наплыв.

Как обычно, Отей безлюден. Вот и деревня Булонского леса, широкая подъездная дорога проходит мимо городских оранжерей. Он хорошо знает эту дорогу. Она была в некотором роде дорогой, приведшей его к триумфу. А сегодня? А завтра?

Сторож стадиона здоровается с ним. Жана Гренье знают здесь. Зрителей немного. Это не день большого наплыва публики: игроки, завсегдатаи, редкие журналисты — всегда одни и те же — фанатики тенниса. Морис Годде беседует с Мишелем Дюраном. Он кивает

Жану. Последний уже заметил на доске, где вывешиваются результаты, что Женевьева выиграла у мадам Фране. Когда он приближается к площадке, где играет Женевьева, на лице его всё же можно заметить некоторое беспокойство. Годде кричит ему:

— Она взяла уже первый сет!

Снаружи шофёр такси разложил на коленях свой потёртый бумажник. Он пересчитывает и укладывает в него засаленные бумажки.

Женевьева играет. Но как только он появился, она бросает взгляд в его сторону. Он не слышит, как возле него кто-то произносит: «Это Гренье!.. Ты видишь — это Жан Гренье!» Он восхищается Женевьевой. Радостное чувство охватывает его от сознания, что она заметила его, и это кажется ему хорошим предзнаменованием.

Теннисистка, с которой она встречается, делает всё, что может. Она неплохо играет, но ничего не может поделать против столь уверенного противника. Удар справа Женевьевы точен, она сильно бьёт сейчас по линии. Её игра превосходит обычную женскую игру и напоминает классическую игру преждевременно умершей Сюзанны, Сюзанны Лэнглен — великой, единственной, известной всему миру как Сюзанна.

Женевьева хочет покончить с противником. Она нажимает и ускоряет темп. Жан думает, быть может, чтобы поскорей встретиться с ним. Он уже не сожалеет, что пренебрёг указаниями Рафаэля. Он сам хорошо знает свои силы и что должен или не должен делать. Да и не для того ли, чтобы удалить его от Женевьевы, велел ему Рафаэль не появляться после обеда на стадионе? Где он сам, Рафаэль? Если он заметит Жана, не избежать драмы! Ну что ж! Жан скажет ему, что приехал на такси и что такси ждёт его.

«Пять — два», — объявляет судья, и, конечно, пять в пользу Женевьевы. Жан радуется, что не задержался дома дольше, — встреча проходит так быстро. Скоро, в шесть тридцать, всё будет кончено. Теперь, он знает, Женевьева играет для него. Это блестящая демонстрация тенниса. Удалось бы "завтра навязать так свою игру американцу!

Женевьева выигрывает последнюю игру. Рукопожатия. Теперь она направляется к Жану. На лбу её не выступило даже и капли пота. Она выглядит такой радостной, и ему хочется верить, что это вызвано его приходом.

— Жду вас у выхода из раздевалки, — говорит он, — я задержал такси.

Женевьева и не вспоминает о Рафаэле, не говорит, что условилась встретиться с ним. Она исчезает и скоро возвращается одетая в серый костюм, который так идёт ей.

— Поехали!

И сразу же он оправдывается:

— Не мог больше выдержать у себя взаперти! Захотел немного подышать воздухом... побыть с вами... Я вас не видел все эти дни!..

Они выходят из ворот. Шофёр закрывает свой старый бумажник. Он озабочен: не сошёлся счёт. В этом неприятная сторона его ремесла.

Женевьева садится первой в такси. Она спрашивает:

— Куда вы хотите меня повезти?

Он опускает голову:

— Куда-нибудь, где я мог бы побыть с вами наедине.

Он затрудняется в выборе места и ждёт, чтобы за него решила она. Непроизвольно она думает о барах, где иногда бывает с Рафаэлем. По правде говоря, она никогда не выходит с кем-нибудь другим и не знает других мест.

— В «Шеверни»! Проспект Раймонда Пуанкаре.

Произнося это, она наклонилась к открытому стеклу. Шофёр услышал.

— Хорошо, мадам! — отвечает он.

В машине Жан сидит молча. Чего он ждёт? Путь до бара недолог — он не хочет, чтобы остановка машины и расплата с шофёром прервала начатый разговор.

Народу в «Шеверни» немного. Час аперитива ещё не наступил. Они располагаются в глубине зала, отделанном в стиле Ренессанс, возле высокого камина, которым уже давно не пользуются. Хотя в зале лишь они одни, зажигают свет. Он хотел бы заказать какой-нибудь крепкий напиток, но вынужден думать о своей форме, о своей завтрашней ответственности. Всё же он берет немного джина с сельтерской и лимонной корочкой. Он не знает, как подойти к тому, что больше всего заботит его. Он хотел бы поговорить с ней о ней... и говорит о себе:

— Я волнуюсь за завтрашний день.

Конечно, он этим озабочен, но он сердит на себя за свои слова — она может подумать, что это главное. Впрочем, это область, знакомая им обоим, — такое предисловие сближает. Она отвечает обычными в таких случаях словами ободрения:

— Всё будет хорошо!.. Накстера или Круша вы, несомненно, победите!

— А Рейнольда?— спрашивает он.

— Вы можете выиграть и у него. Впрочем, если Франкони победит его...

Она тут же чувствует, что совершила промах. Она должна была бы выразить уверенность, что он раздавит первый номер противников. Неловко Женевьева пытается исправить свою оплошность. Но он запальчиво прерывает её:

— Я побью его!.. И побью того, другого, кто бы это ни был, Круш или Накстер, потому что нужно выиграть Кубок!.. Потому что нужно...

Она хорошо знает, что он хочет и не может сказать. Она произносит:

— Я уверена: вы поедете с нами в Австралию.

Один, очень недолгий момент он отдаётся во власть видениям, как будто это уже произошло. Он видит себя на пароходе, выходящем во вторник из марсельской гавани... Он вместе с Женевьевой прогуливается на палубе. Всегда с ней... Расстаются они лишь поздно вечером... О Рафаэле нет больше и речи.

Как же! Избавишься от него так легко! Вот он как раз появляется. «Шеверни» — одна из его «обителей», и он приходит сюда почти каждый вечер. Возможно, он даже заметил, как у «Ролан Гарроса» они сели в такси, и последовал за ними. Во всяком случае, он притворяется удивлённым. На весь зал он бросает: «Хелло!», стараясь придать себе английский прононс.

Он подходит к ним и делает вид, что хмурится:

— Ну, Гренье! Что вы здесь делаете? Вам следовало отдыхать! Скоро семь, а Лонлас сказал мне, что направляется прямиком к вам. Вы заставите его ждать!

Он подымает стакан Жана, подносит к носу:

— Да вы ещё пьёте спиртное!

— Три капли джина в большом количестве воды, — заступается за него Женевьева.

— Ну-ну, мой друг, быстренько отправляйтесь отдыхать!.. И хорошо расслабьтесь!.. Постарайтесь хорошенько выспаться. И в особенности — без снотворного!

Он думает, должно быть, что Жан так вот и послушается, встанет и оставит его наедине с Женевьевой. Он ошибается. С упорством застенчивых людей Жан не двигается с места и отмалчивается. Если Рафаэль хочет вызвать его на объяснение, что ж, пусть произойдёт

объяснение! Так или иначе, нужно, чтобы оно произошло, если Жан хочет перед завтрашней игрой освободиться от тягостного чувства, от которого сжимается сердце.

Совсем не так представлял себе Жан разговор с Женевьевой. Он полагал, что они будут одни. Думал, что сумеет найти слова, чтобы признаться ей в своих чувствах, чтобы убедить её принять решение. Теперь же Рафаэль тут как тут. И не уйдёт. У него своя машина, и он предложит Женевьеве отвезти её потом домой.

— Вам не следовало выходить из дому, друг мой! Ведь вы обещали мне. Думаю, вы отдаёте себе отчёт в том, какая ответственность ляжет на ваши плечи завтра?

— Я не нуждаюсь в вашем напоминании! — резко отвечает Жан.

— Боюсь, что, к сожалению, нуждаетесь! Скажите ему сами, Женевьева!

Она хорошо знает, что он привёл её сюда, потому что хотел с ней о чем-то поговорить. Должно быть, она знает даже о чем. Но Рафаэль тут — и удобный момент прошёл. Придётся отложить до другого дня. На когда?

То же думает и Жан. Но он решает, что это должно, как он поклялся себе, произойти сегодня. Он смутно чувствует, что удачный момент безвозвратно уходит. Рафаэль пропускает мимо ушей его язвительные слова и как ни в чем не бывало продолжает:

— Дорогой мой, избегайте всего, что способно привести вас в нервное состояние. Оставьте этот джин! Он не больно-то способствует вашему удару справа. Я отвезу мадемуазель Перро домой.

— Нет, — цедит Жан сквозь сжатые зубы.

Итак, открытого конфликта, скандала не избежать. Все трое знают это теперь. Рафаэль, чувствуя себя сильным благодаря полуобещанию, которого он добился в тот вечер, думает, что может воспользоваться случаем, чтобы поставить точки над «и». С издёвкой и немного фатоватой усмешкой он заявляет:

— Могу ведь я остаться с ней, раз мы — вам-то можно сказать, это ещё не официально, — раз мы жених и невеста?

Жан вскакивает. Он не обрушивается на Рафаэля с руганью. Не говорит: «Вы лжёте». Не задаёт он вопросов и Женевьеве, не спрашивает её: «Это правда? Так ли это, в самом деле?» Он только встаёт. Вся кровь отхлынула у него от лица, и внезапно, без слов, он поворачивается и идёт к выходу.

— Жан! — вырывается у неё. Он не оборачивается.

— Жан! — несётся ему вслед.

Но он как будто и не слышит. Он уже отворяет дверь на улицу. Тогда она срывается и, бросив Рафаэля, устремляется за Жаном. На тротуаре, среди прохожих, она догоняет его и идёт с ним рядом, не отставая:

— Послушайте, Жан!.. Мы ещё не обручены, Рафаэль и я... В общем, ещё пока нет...

Он не говорит ей о своей любви, не упрашивает её. Он широко шагает, и ей трудно угнаться за ним.

Есть что-то смешное в том, как для того, чтобы говорить с ним и не отставать, она должна почти бежать. Да и слова излишни. Один его вид: ни кровинки в лице, со сжатыми кулаками — говорит о всем значении происходящего.

— Жан... Клянусь вам, я ещё не приняла решения!.. Я не способна так быстро решиться ни на что! Рафаэль, правда, просил меня выйти за него замуж. Но я дам ответ не раньше... не раньше, чем мы возвратимся из Австралии. Три месяца... Впереди три месяца!.. Прошу вас!..

— Вы ведь знаете, — говорит он, — что эти три месяца он-то, во всяком случае, проведёт возле вас, тогда как я...

— Но вы тоже!..

— Никакой уверенности в этом нет!
— Вы выиграете этот полуфинал и поедете, чтобы отобрать кубок.
— А если не поеду?
Она умолкает. Ей не хочется брать на себя никаких обязательств. Она не уверена в своих чувствах. Он резко останавливается, круто оборачивается, схватывает её за плечи. На пороге бара он замечает Рафаэля, вышедшего за ними вслед и пытающегося разглядеть, что происходит. Но он не идёт за ними. Впрочем, Жану наплевать на него, как наплевать и на любопытствующих прохожих, которые, проходя мимо них, замедляют шаг, прислушиваются. Что ему!
Никому, даже Рафаэлю, нет дела до драмы, разыгрывающейся между ними. Это касается только их обоих. У Жана нет никаких прав на Женевьеву, — он никогда не признавался ей в любви. Но он убеждён, что она «знает», и почти жестоким, яростным взглядом впивается в её глаза. Взволнованно он произносит:
— Я думал, никто никогда не встанет между нами, не сможет заменить для одного из нас то, чем другой является для него! Прошу вас сделать выбор немедленно! Хочу, чтобы вы дали мне слово: если я проиграю этот полуфинал и не поеду в Австралию, вы откажетесь от поездки!
Взбешённая, она вырывается. В самом деле, он от неё требует слишком многого! В конечном счёте, она ведь сама себе хозяйка. По какому праву этот парень, никогда ничего не говоривший ей о своей любви, предъявляет к ней требования, приказывает? Пусть пытает своё счастье, как Рафаэль!
Жан не обманывается. Он знает лишь одно: если она сейчас же не даст слова, он потеряет её. Знает он и то, что у его команды нет и тридцати шансов из ста побить американцев. А если его команда потерпит поражение, заодно он лишится и Женевьевы. Это так же математически верно, как дважды два — четыре. Да и Рафаэль мужчина. Он на двенадцать лет старше Женевьевы. Такой мальчишка, как он, Жан, даже при всей его моральной чистоте не под стать противнику, который имеет за собой опыт, а главное — будет неотлучно с ней. Если бы Женевьева осознала, что любит его, — Жан не сомневается, что в действительности это так и есть, уж очень много моментов, проведённых в совместной борьбе, подтверждают это! — она бы сказала «да» не споря.
— Нет! — почти кричит она. — Не терплю принуждения! Я поеду в Австралию!..
— Даже если я останусь?
— Что бы ни было!
— Вы хорошо подумали?
Они злы друг на друга. Каждый замыкается в себе, затягивается в броню. Ни один не хочет уступить. Он требует — она не терпит, чтобы он чего-то требовал. Часто люди расходятся из-за меньшего. Он так молод и не понимает, что вот так и расстраивают себе жизнь!
Рафаэль остаётся в отдалении и не вмешивается. Он ждёт. И не в том дело, что он очень уверен в себе, но ему известно многое, чего не знают ещё эти дети.
— Если вы не обещаете мне, Женевьева... — почти выкрикивает отчаявшийся юноша.
Но она уже встала на дыбы:
— Что за манера!
— Это ваше последнее слово?
— Другого и не ждите!

Теперь она поворачивается спиной к нему и возвращается к бару, к Рафаэлю, ожидающему её у входа. В глазах Жана это приобретает значение, которого она не желала придать этой сцене. Он кричит: «Прощайте!» — и стремительно удаляется. Жан долго блуждает, прежде чем возвратиться к Гийому, который с беспокойством уже больше часа поджидает его.

Жан угрюмо отмалчивается. Он тяжело дышит и чувствует боль в мышцах икр. Он хорошо знает, что не следовало так мерить асфальт в обуви без каблуков, как он это сделал со зла. Ну и пусть!

Внезапно он берет себя в руки, справляется со своей слабостью, со своим смятением. Он успокаивается, овладевает собой. Эта нелепая ходьба только изнурила его. Он ложится. Лонлас ждал его три четверти часа и ушёл. Жан вызывает его по телефону, умоляет прийти. Необходимо, чтобы массажист размял его мышцы, вернул им упругость. Жан с удовольствием на некоторое время отдаётся в эти опытные руки, которые разминают все его мышцы, даже на спине и плечах, но не грубо, а только-только чтобы снять усталость, расслабить всего.

Ему хочется спать. И он засыпает. Утром, при пробуждении, мысли его сразу же возвращаются к Женевьеве.

Всей своей волей он сопротивляется этим мыслям. Ставка чересчур значительна — вся его жизнь! Он знает: нельзя допускать ни малейшей слабости.

Надо победить. И он победит.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Теперь у него снова ясная и трезвая голова. Перед ним проблема, решить которую может лишь он сам.

Жан знает: завоевать Кубок — это завоевать Женевьеву.

Наступает пятница. Обстрел через некоторое время откроет он. Он готовится к этому, весь собирается. Хотя это только первый день, но, по всей вероятности, он и решительный. В три часа Жан встретится с Накстером или с Крушем (американцы ещё не решили, с кем именно). Жан предпочёл бы Круша, которого он дважды бил. С Накстером он встречался лишь однажды, в Уимблдоне. Он, правда, раздавил его. Но тот тогда был нездоров, страдал фурункулезом и был не в форме. Жан спрашивает себя, каким может быть Накстер, когда он в полной форме.

Он заказал такси на два часа. Ему не хочется, чтобы, как это бывает обычно перед важными встречами, Рафаэль заехал за ним на машине. В четверть третьего Жан — на «Ролан Гарросе». Народ толпится и осаждает кассу. Ему дают пройти. И в то время как с удостоверением в руке (сегодня всюду новые распорядители, которые не знают его) он пробирается сквозь узкое горлышко одного из входов, он слышит, кто-то говорит: «Против Гренье играет Накстер».

В раздевалке, отведённой для теннисистов, играющих в этот день, возле «центрального» его поджидает Лонлас. Жан растягивается на столе и в продолжение пяти минут даёт себя осторожно массировать.

Накстер! Вот и он. Длиннющий малый в очках. Они подают друг другу руку. У обоих сжимается сердце. Вскоре эта тревога, это беспокойство пройдут у того и другого. Их всецело захватит игра. Жан побьёт Накстера! Он хочет этого, убеждён в этом.

Он бьёт его. Всё же понадобилось пять сетов, чтобы справиться с ним. Впрочем, ни одну минуту он не сомневался в окончательном результате. Когда по окончании они обмениваются рукопожатием, Жан опередил американца на девять игр. Хороший разрыв! Он счастлив: очень хорошо сыграл! Теперь очередь за Франкони.

Франкони встречается с Рейнольдом. Эх, если бы Франкони был таким, как три года назад! Правда, играет он хорошо. Но ему недостаёт — и Жан сразу же чувствует это — чего-то неосязаемого, что утверждает, обеспечивает победу. Франкони нет и тридцати лет, а он

выглядит пожилым человеком. Он бережёт силы. Моментами он пользуется уловками, ломающими игру. Но это отдаёт его в руки уверенного в себе противника, полностью владеющего всей гаммой ударов и своей моральной и физической силой. Необходимо всё же, чтобы Франкони выиграл!

За время этой партии, которую Жан наблюдает с трибуны игроков, он расходует больше энергии, чем когда его судьба зависела от собственных усилий.

Первый сет выигрывает Рейнольд. Во втором игра становится яростней. Противники цепляются за победу. Всё же выигрывает Рейнольд. В третьем — надежда: Рейнольд немного сдаёт. Можно подумать, он делает это нарочно, чтобы сохранить силы для следующего сета, после перерыва. Третий сет быстро кончается победой Франкони со счётом шесть—два.

Четвёртый сет. Франкони нашёл себя. Он выигрывает. Толпа вопит от восторга. Счёт сетов два—два, и почти верная победа. Если сегодня в активе французов будут эти две встречи, Жан может позволить себе проиграть Рейнольду. Ведь так или иначе Франкони Разгромит Накстера!

Рейнольд в самом деле выдохся, дошёл до предела. Сейчас начнётся последний сет. Но внезапно разражается ливень. Игра была столь напряжённой, увлекательной, что никто не обратил внимания на зловещую чёрную тучу, подплывшую к стадиону. Зрители спасаются под трибуны, куда вода проникает широкими потоками. Жан идёт в комнату отдыха игроков. Его снова поздравляют. Он не хочет подходить к Франкони, когда тот отдыхает. Не надо слов, которые могут сбить с толку. Нужно, чтобы игрока ничто не волновало, чтобы до начала игры никто его не беспокоил. Годде пожимает руку Жану. Он ликует:

— Дело в шляпе! На сей раз кубок за нами, потому что австралийцы в этом году...

— Мы проиграем парную, — отвечает Жан.

— Конечно. Но вы возьмёте вашу вторую одиночную! И, быть может, Франкони — свою... Четыре победы против одной... Славный год!.. Заслуженно!..

Дождь не стихает. И теперь уже нет никакой надежды, что он прекратится. Зарядил на весь вечер, на всю ночь. Время идёт. Стемнеет, прежде чем можно будет возобновить игру, потому что «центральный» совершенно затоплен.

Дождь на минуту прекращается, и алжирцы, обслуживающие корт, делают все, чтобы дать стечь воде. Напрасно! У задних линий остаются большие лужи. А дождь начинает снова идти. Издалека доносятся раскаты грома.

— Подвезти вас, Гренье?

Гренье с сожалением принимает приглашение Годде. Он не видел Женевьеву. Между тем она на стадионе, так как играла сегодня после обеда. Вот и Рафаэль. Он ничуть не смущён. Удивительный человек! В любых обстоятельствах он не чувствует неловкости.

— Браво, Гренье!

Он с пылом жмёт ему руки, не скупится на похвалы по поводу игры Жана с Накстером.

— С победой Франкони... — начинает было Годде. Рафаэль качает головой, делает гримасу:

— Надо было бы кончать сегодня вечером. Но теперь уже решили отложить игру. Встреча закончится завтра до парной. А я знаю Рейнольда... Знаю и Франкони. Первый сразу же расходится, второй же вёл сегодня лишь потому, что у Рейнольда было недомогание...

— В самом деле? — с тревогой спрашивает Жан.

— Расстройство желудка, — уточняет Рафаэль. — К завтрашнему дню всё пройдёт... И он будет совершенно свежим, когда в воскресенье встретится с вами. Вам придётся туго!

Жан знает, что Рафаэль всегда хорошо осведомлён и что он прав. Надежда улетучивается. Рафаэль продолжает:

— Советую вам отдыхать завтра весь день. Все ваши силы окажутся нелишними в воскресенье. Я вам позвоню завтра вечером, когда кончится встреча, когда будет известен результат и распорядок игр на следующий день. Как бы то ни было, — у Франкони есть машина, а в воскресенье такси будут брать с бою, — я сам заеду за вами... чтобы вы, не расходуя сил, прибыли на стадион, — добавляет он с кажущейся Жану скрытой иронией.

— Не стоит беспокоится! — начинает Жан.

— Я могу, — предлагает Годде.

— Нет, Морис. Вы из-за этого, быть может, пропустите начало. А это будет памятный день!

Памятный — да, каков бы ни был результат. Жан хорошо знает это. Женевьевы он так и не видел. Моментами во время игры с Накстером он искал её глазами на трибуне для игроков, смежной с ложей прессы. Затем продолжал искать её в то время, как наблюдал драму Рейнольда и внезапный взлёт Франкони. Не было её на трибуне и тогда, когда он выигрывал. Он знает, что она сама участвовала в четвертьфинале Кубка Санджерса. Необъяснимо, что Женевьева не появилась во время матча Франкони — Рейнольд. Быть может, немного погодя она вызовет его по телефону, как часто делает, чтобы разделить его радость и поздравить. Если бы не боязнь, что она подумает, будто он напрашивается на комплименты, он сам бы позвонил ей. Глупая стыдливость мешает ему это сделать. Ведь он мог бы справиться о результате её встречи. Нет, это невозможно!.. Невозможно!..

Он опускает трубку, которую было поднял. Негромкий насмешливый звук гудка больше не раздаётся в старой гостиной Латуров. Завтра Жан не сможет увидеть Женевьеву, так как надо подчиниться распоряжению Рафаэля: нельзя идти на стадион и уставать, наблюдая парную встречу, которая заведомо потеряна, а также и окончание одиночной, от которой столько зависит!

Значит, только в воскресенье! А каков будет результат в воскресенье?

Какое-то предчувствие заставляет Жана видеть всё в неприукрашенном свете: в воскресенье придётся биться за свою жизнь. Слишком всё было бы легко иначе. Никогда ничто не давалось ему без борьбы! Но как далёк он от того, чтобы биться со всей душой, со всеми силами рваться к победе, как это было бы необходимо!

Гийом делает всё возможное, чтобы развлечь Жана. Ему близка его озабоченность, хотя он и не понимает всего того, что за ней скрывается. Жан стесняется говорить о своих чувствах и никогда не рассказывал ему о Женевьеве. Несмотря на все старания Гийома, несмотря на истории ординаторской, которыми он пытается развлечь Жана, оба всё время возвращаются к Рейнольду, к встрече, которая состоится у Жана с ним. Если Рафаэль предвидел правильно, игра эта может стать центральной в турнире.

Сегодня после обеда Рейнольд замечательно играл первых два сета. Жану представляются все его удары: длинный удар справа, точно направленный вдоль линии; стремительные крученые мячи, которые скользят по земле и почти не отскакивают, и этот удивительный укороченный мяч, который трижды удался ему, падая по ту сторону, так близко к сетке, что Франкони не поспевал за ним, понапрасну тратя силы на ненужный бросок.

В одиннадцать Гийом и Жан ложатся спать. Женевьева не позвонила. Не вызвала она его по телефону и на следующее утро.

А ведь Жану так необходимо услышать её голос! Тревога овладела им; тревога, которую он, неискушённое дитя, сравнивает со своими страхами перед самым первым матчем...

Затем начинает тянуться бесконечный день. Гийом попытался было вырваться из больницы. Но присутствие его там оказалось необходимым. Гиом тоже ведёт своего рода игру, но ставкой в этой игре является жизнь других людей. Он уходит с утра и оставляет Жана одного.

Ничто не нарушает тишину. Никто не подаёт признака жизни. Жан включает приёмник и уж не выключает его, чтобы не пропустить ни одного известия, которое может иметь для него интерес.

В двенадцать тридцать объявляют, что окончание встречи Франкони — Рейнольд состоится в три часа, перед парной игрой. Диктор во всех подробностях пересказывает перипетии вчерашней игры. Полная запись встречи будет дана перед непосредственным репортажем последних матчей. Слушая этот голос, Жан отдаёт себе отчёт, насколько прав был в своих предположениях Рафаэль: разрыв между обоими игроками равен нулю, они идут почти вровень. А впереди ещё этот пятый сет!..

Нет, он не может торчать здесь. Нужно знать, собственными глазами видеть игру.

Все его благие намерения разлетелись в пух и прах. Ещё раз он оказывается не в силах устоять. Надо понаблюдать за игрой, изучить Рейнольда в действии. Он извлечёт из этого больше пользы, чем от своего вынужденного отдыха, который приводит его в лихорадочное состояние. И затем — но разве он признается себе в этом? — Женевьева на стадионе...

Вопреки своему обыкновению, он останавливает машину, которая едет по направлению «Ролан Гарроса». Чтобы быть уверенным, что ему не откажут подвезти, он даже называет своё имя.

Первый же человек, которого он замечает на трибуне, — Женевьева. И тут, совершенно нелепо, он избегает её и входит в ложу журналистов.

Он поступил необдуманно: его сразу же окружает рой репортёров, которые задают кучу вопросов, стараются что-нибудь выведать. Что говорит он им? Он, столь безоружный, несмотря на всю свою волю, несмотря на своё общепризнанное мастерство, такое непрочное, что, как вчера у Рейнольда, оно может оказаться в зависимости от мимолётного недомогания? Ведь и на его мастерстве может отразиться завтра всё значение ставки, которую он делал на эту игру.

Но вот, к счастью, появляются оба игрока: Франкони и Рейнольд. Толпа сдержанно аплодирует. Каждый из зрителей в этой густой толпе на трибунах хорошо отдаёт себе отчёт в огромной важности предстоящего единственного сета. Всё замерло. Началась разминка. Раздаются лишь гулкие удары по мячу. Франкони удаются несколько стремительных ударов. Судья откашливается в микрофон. Звук разносится из громкоговорителя. Из окошечка на башенке появляется чья-то рука и выставляет вчерашний счёт.

Жребий не в пользу Франкони. Сторону выбирает Рейнольд. Франкони приходится играть против солнца. Жан замечает, что поднялся также и ветер, прохладный ветер — следствие вчерашней грозы. Ветер тоже за Рейнольда. Быть может, это и к лучшему. Ведь игроки обмениваются сторонами после первой, третьей, пятой и седьмой игр.

— Подача Франкони, — объявляет судья.

А теперь — воскресенье. Один в гостиной, где он дожидается возвращения Гийома, ушедшего за такси, Жан непроизвольно снова включает приёмник. Диктор передаёт вновь окончание вчерашнего решающего сета:

— ...Франкони делает неимоверное усилие... Рейнольд вёл было со счётом пять — три, затем все же Франкони сравнял счёт, но Рейнольд действительно играет без единой ошибки — всё удаётся ему, всё получается у него!.. Рейнольд подаёт... мяч правильный... Франкони принимает... затем Рейнольд... снова Франкони... Он старается направить мяч в угол... Попадает!.. Рейнольд отражает... Франкони бьёт сильным ударом справа... Рейнольд принимает с лета... Франкони возвращает свечкой... Ах! (слышен вздох толпы). Мяч на несколько сантиметров «за»!..

Жан вспоминает: как раз в этот момент он заметил, что Женевьевы уже нет на трибуне для игроков. Она принуждена была без особой охоты пойти на корт, где сама должна играть. Ей стал известен результат значительно позже... Какое чувство испытывала она?.. Что думает? Что может думать?..

— Счёт в пятом сете семь — шесть. Ведёт Рейнольд! Подача Франкони, — объявляет диктор.

Вот и последняя игра. Перед Жаном снова проходит она, такой именно разочаровывающей, какой и была. Франкони как бы внезапно «сломался», сдал. Его просто больше не существует. Он делает при подаче двойную ошибку, затем отбивает совсем лёгкий мяч в сетку. Мяч колеблется, задерживается на мгновение на тросе, потом падает с его стороны. Сорок — ноль, ведёт Рейнольд. Он выигрывает завершающее очко. Всё кончено! Кончено! Так неудачно!..

А теперь, если Жан хочет жить, ему не остаётся ничего другого, как победить Рейнольда. И в скором времени, сейчас, начнётся эта битва, исход которой может быть смертелен... для Жана. С улицы доносится гудок. Жан подходит к окну. Гийом машет ему рукой из такси. Жан знаком отвечает, что идёт.

А Рафаэль так и не заехал за ним! Нарочно он это сделал, что ли! Не хочет ли он, чтобы Жан ещё больше изнервничался в ожидании? Не надеется ли он, что таким образом расстроит его, и Жан потеряет собранность? Ради уверенности в том, что завоюет Женевьеву, Рафаэль способен от всей души желать разгрома своей страны. Во всяком случае, Жан готов приписать ему подобные чувства.

Он берет свой ракетки, аккуратно, как того требовала мадам Латур, закрывает входную дверь.

Жан бросает взгляд на свои часы. Он приедет на стадион после начала. Встреча Франкони и Накстера уже будет в полном разгаре. А как сыграет сегодня Франкони? Ещё одно неизвестное в разыгрывающемся покере, единственная небитая карта которого находится ещё только в руке Жана.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Уже слышен гул толпы, когда он вылезает из такси. У касс всего несколько запоздавших. Билеты все проданы, стадион переполнен. Даже продавцы мороженого, сорбитов, мятной воды забрались на трибуны. Над трибуной для зрителей маячат белые фуражки. Слева, на башенке, под именами Накстера и Франкони, выставлены две одинаковые цифры: первый сет четыре—четыре.

Жана охватывает некоторое беспокойство. У него в первом сете Накстер сумел взять только две игры. Не переутомлён ли Франкони! Не деморализован ли своим вчерашним поражением? Один момент Жан испытывает искушение бросить взгляд на «центральный». Он борется с собой, и он прав. Битва эта сегодня — не его дело. Накстер — это прошедшее; в счёт идёт лишь Рейнольд. А Рейнольд, он это знает, уже лежит в раздевалке — собранный, уверенный в себе.

Внезапно окунувшись в сумерки коридора, ведущего в раздевалку игроков «центрального», он ещё на миг сохраняет острое ощущение красного цвета герани, высаженной вдоль трибун. Эти цветы в ярких лучах солнца ослепили его. Затем всё стушёвывается. Такое чувство, что он уходит от внешнего мира, от жизни людей, замуровывается в келью. Он отделён от всего и ощущает лишь всё возрастающий внутренний подъём.

Он — тореадор и облачится сейчас в своё лучезарное одеяние. Разве он, Жан Гренье, не рискует своей жизнью? Тот, кто мог бы сказать противное, не знает ничего. Если Накстер, как все заставляет предполагать, будет побит Франкони, жизнь Жана повиснет на кончике его ракетки.

В раздевалке прохладно и немного сыро. Должно быть, ещё не вся вода от выпавшего вчера дождя впиталась в подпочву близлежащей площадки. Площадка совсем близко, и всё же ни один звук, никакой шум не проникает к нему извне. По разнице температур он отдаёт себе отчёт, какая жара стоит на дворе. В тот же момент он сожалеет, что не взглянул на небо. Не было ли туч на горизонте? Нехорошо, если ливень прервёт сегодняшний спор! Что за мысль! Быть может, такое чудесное вмешательство неба как раз и сыграет ему на руку! Нельзя знать. Ничего нельзя знать. На милость божью!

Он хотел бы не думать о Женевьеве, но — и это вселяет в него тревогу, — не может оторвать от неё своих мыслей. С одной стороны, хорошо, чтобы такая мысль поминутно подстёгивала его: ведь Женевьева — ставка в этой игре; с другой — необходимо, чтобы ничто не отвлекало его, не лишало собранности, являющейся наипервейшим секретом успеха.

Однажды Жан видел фильм, заснятый ещё до войны во время Олимпийских игр в Берлине. От этого фильма в его памяти глубоко запечатлелась одна картина: японские прыгуны, не зная, что их издали снимают телеобъективом, склонили головы, молитвенно сложили руки. Они как бы собирали все свои силы, всю свою волю для решающего рывка, который должен перебросить их через планку, возвышающуюся на высоте почти двух метров. Ему тоже надо бы молиться, суметь остаться наедине с собственным, внутри человека живущим богом, от которого зависит, чтобы он превзошёл самого себя, Жана Гренье, рядового человека. Нужно, чтобы с этого же момента все, что он будет делать, говорить, как бы исходило от другого, а не от него. Человек, который идёт в бой, должен отстраниться от всего и остаться наедине с самим собой.

Он пожимает руки, слышит произносимое Рейнольдом «How do you do?» [английское приветствие]. Он хорошо понимает все, что говорят вокруг него. Возбуждённый Лонлас передаёт ему весточку от Рафаэля; последний звонил из своего гаража: забарахлил мотор, — поэтому-то он и не заехал за Жаном.

А вот и сам Рафаэль. Он явно взбешён. Как! Ведь просил он Филиоля, одного из заместителей судьи на линии, взять такси и поехать за Жаном. Где же он, этот Филиоль? Его всё ещё нет? Он, Рафаэль, не мог больше терять времени. Пришлось ехать прямо на стадион, чтобы поспеть к началу игры Франкони с Накстером.

Как обстоят дела?

Всё хорошо... всё идёт как надо...

У Жана в ту же секунду мелькает мысль: быть может, Франкони как раз в эту минуту губит жизнь Жана Гренье.

Но он не задерживается на этой мысли. Он знает, что незачем задавать вопросы. Всё равно, даже если осталось драться лишь для того, чтобы отстоять свою честь, надо побить Рейнольда. Результат не изменится, но это всё же способ отомстить, погибнуть во всей красе.

Погибнуть? Ну да. Не стоит думать. Не надо думать и о Женевьеве. Где же она?

— Мадемуазель Перро — на трибуне игроков, — говорит Рафаэль, как будто угадав его мысли. — Ей предстоит сыграть свой полуфинал. О, простая формальность!

Она встречается в четыре часа с мадемуазель Ван-Оостен. Американка в настоящий момент играет на номере два с госпожой Вернер. Она с ней разделается в один глоток! После вашей игры нам предстоит увидеть на «центральном» ещё один прекрасный финал. На сей раз Перро, возможно, имеет шанс...

В другой день Жан горячо желал бы победы Женевьевы. Сегодня ничто не интересует его, кроме собственного триумфа.

Из всего сказанного он запоминает лишь одно: Женевьева не будет смотреть его игру. И всё же для него она будет присутствовать. Он даже рад, что всё складывается так.

Кто-то входит. Рафаэль и Лонлас вполголоса обсуждают что-то. Разговор, вероятно, идёт об игре на «центральном». Всё же Жану хотелось бы знать, что происходит. В одних плавках — Лонлас не кончил разминать его мышцы — он вскакивает.

Он хорошо знает: не надо заниматься этим. Ведь он теряет собранность, которую было приобрёл. Но он пытается оправдаться тем, что ему всё же нужно знать. Так или иначе, он не выйдет на корт, не зная результата предыдущего матча. Он не хочет волноваться, и всё же им овладевает беспокойство:

— Ну как?

Один из распорядителей — маленький толстяк, как будто никогда не игравший в теннис, впрочем, несмотря на возраст, ещё исключительно ловкий, когда берёт в руки ракетку, — захлёбываясь, разражается целым потоком слов:

— Франкони потерял первый сет. Он с трудом вошёл в форму! Шесть — четыре, чисто-начисто! Но во втором уже совсем иная картина. Он играет!.. Играет!.. Он взял первые три игры. Американец — это была его подача, и ему удалась серия пушечных ударов — шутя выиграл четвертую. В пятой несколько раз доходили до «больше». Накстер играет сегодня лучше, чем в пятницу против вас, Гренье! Всё же Франкони взял пятую игру. Но вот иностранец, в свою очередь, взял две. Надо сказать, играл он блестяще!..

— А сейчас? — спрашивает Жан.

— Сейчас Франкони туго приходится... Но держу пари, — он возьмёт этот сет... и побьёт Накстера! Готов спорить на что угодно!

Жан спрашивает себя, согласился ли бы маленький толстяк поставить так на него против Рейнольда. Он гонит прочь все эти мысли. Ну да, Франкони выиграет. Но ему понадобится для этого, быть может, пять сетов. Обидно — придётся ждать!..

Как долго тянется это ожидание! Как долго! В особенности если подумаешь, что по мере того, как проходят минуты, вероятность выйти на «центральный» ещё до ухода Женевьевы всё уменьшается. Он, не взглянув в её сторону, чувствовал бы её присутствие.

Он так хотел бы, чтобы она присутствовала при его появлении на арене и чтобы она поняла: он ради неё и, чтобы завладеть кубком, готов вложить в эту встречу всю душу. Отчаяние овладевает им. Всё идёт не так, как надо!

У Жана опускаются руки. Он чувствует, как мышцы его расслабляются. Внезапно он ощущает усталость... Усталость.!.

Лонлас, должно быть, догадался о том, что происходит с ним, потому что заставляет его снова растянуться на столе для массажа. Легонько ребром своей опытной руки он похлопывает его по бёдрам, по рукам, и как будто немного жизни возвращается к Жану. Хорошо было бы, если бы Жан перестал думать о разыгрывающейся встрече, о Женевьеве. Лонласу это ясно, и он начинает рассказывать разные истории.

То, что он говорит, лишено интереса, но, кажется, рассеивает Жана. Лонлас рассказывает о шутливых проделках французской команды атлетов, которую он сопровождал в Швецию. Он так увлекательно рассказывает, что на момент Жан полностью отвлекается от гнетущих мыслей. Теперь он немножко отошёл. Не надо, чтобы к нему чересчур поспешно возвратилось то вторичное состояние, в котором он уже почти находился раньше. Он внимательно слушает Лонласа, даже как будто развеселился...

До Жана доносятся аплодисменты. В коридоре слышится топот ног. На какое-то мгновение шум толпы врывается в раздевалку. Он знает, что это: перерыв. Вот и на самом деле — Накстер и Франкони. Оба красные, в поту. Американец протирает очки в металлической оправе, которые во время игры ни разу не свалились. Он смотрит на всех близорукими глазами. Франкони — с накинутым на шею мохнатым полотенцем. С поля они ушли со своими ракетками, но их уже забрали. Они молча расходятся в разные стороны, каждый забираясь в свою ячейку. Когда Франкони проходит мимо него, Жан слышит его прерывистое дыхание.

Вокруг французского игрока хлопочут люди. Из шума выделяется голос Рафаэля. Он одновременно с противниками вошёл в раздевалку. Хотя Рафаэль и говорит вполголоса, Жан отчётливо слышит каждое его слово:

— Ладно. Ты потерял два первых сета. Но уже по тому, как ты разделался с ним в последнем, сразу видно, что ты нашёл свой ритм. Шесть — один!

— Он немного сдал.

— Нет, он кончен! Нажми с самого начала — и он в твоих руках! Как ты себя чувствуешь?

— Такая жара! Подохнуть можно! Для них это привычно: они играют в Калифорнии...

Жан думает лишь об одном, что для него важнее всего: им придётся играть пять сетов; Женевьева уже уйдёт, когда, наконец, настанет его очередь. Ему так необходимо было бы её присутствие, необходимо держать её руку в своей! Ему кажется, что от неё перешёл бы к нему тот чудесный ток, который однажды, когда он впервые увидел её, ему удалось передать ей. Вместо этого ему предстоит тяжёлый путь в одиночестве, без чьей-либо поддержки, путь, на котором он может рассчитывать лишь на самого себя. Не на кого опереться! Один! Один! Но именно чтобы не быть всегда таким и в будущем, надо дойти до конца по этому безлюдному пути. Он не вправе споткнуться, упасть, потому что его неминуемо раздавит, уничтожит то грозное, что следует за ним по пятам. На мгновение он отчётливо увидел себя — Жана Гренье — человека, бредущего в одиночестве, освещённого как бы ярким светом лампы; этот человек может спастись, рассчитывая лишь на свои силы. Из этого состояния, подобного сну наяву, его вырывают голоса Накстераи Франкони. Перерыв кончился.

Снова наступает тишина.

— Which racket do you take? [Какую ракетку берете?] — спрашивает американец своего сопровождающего.

— Both of them... [Обе]

— Осторожно! Твой шнурок, Франкони...

Тишина.

Нет, не тишина. Рафаэль, Лонлас, все другие ушли, но здесь, рядом с Жаном, отделённый от него лишь перегородкой, находится человек. Жану кажется, что он слышит его дыхание, что он чувствует запах его кожи, запах одеколона, которым он только что натёрся. Да, они оба здесь, в этом безмолвии. И в один и тот же момент они сознают обоюдное присутствие и начинают думать один о другом. Это два противника. Но между ними существует какое-то удивительное общение, как будто оба они достигли высшего уровня, на котором только они могут ощущать свою близость. В этой битве, где они будут противостоять друг другу, нет места ни страху, ни ненависти. Каждый из них представляет собой волю — силу более мощную, чем все силы. Эти воли скоро сойдутся в схватке. А сейчас никто ещё не может сказать, которая из них окажется сильнее. Они натянуты, как лук. И каждая струна в них звучит, подобно обертону скрипки. И на этом пути, совершенно безлюдном пути, на который он только что вступил, Жан видит движущегося ему навстречу Рейнольда, столь же одинокого, как и он сам.

И тогда, как делают дети, когда им страшно во мраке, Жан начинает петь. Делает он это непроизвольно, неуверенным голосом. Он поёт старинную народную песню, пришедшую ему в голову, которая, как ему сначала кажется, лишена смысла; но при первом же куплете он замечает, что не один, — Женевьева поёт вместе с ним. Внезапно он вспоминает, что однажды, в раздевалке, где они одевались оба, отделённые друг от друга тонкой перегородкой, как сейчас с Рейнольдом, Женевьева, быть может не отдавая себе отчёта, что поёт вслух, пела эту песню.

Ну, будь что будет!

Что ему теперь до того, что происходит на «центральном», перед замершей в ожидании толпой, готовой то превозносить, то презирать? Чему суждено, того не миновать! Надо идти навстречу своей судьбе и стать героем, если ты отмечен ею, или попросту остаться честным ремесленником, если ты не пригоден ни для чего другого. Человек никогда не потерян, пока у него останется надежда, что когда-нибудь на этой земле кто-то вместе с ним будет петь одну песню. И пусть даже самую скромную, но чтобы слова её срывались как бы с одних уст.

Внезапно до Жана доносится взрыв возгласов и криков. Уже группа людей, участников сегодняшних игр, судьи, мальчики, Рафаэль и все другие — Круш, Массан, Бютель — врываются в раздевалку. Две большие капли пота спускаются со лба Франкони, по щёкам его тоже ручьями катится пот. Обессилевший Накстер держится за бок, но спортивно, покорившись судьбе, огорчённо улыбается:

— Вы были поистине великолепны, Франкони!..

— Ваш заключительный обводящий удар — просто здорово!..
— Две победы на две — у нас есть шанс!..
— Господа, приготовьтесь!
— Пять часов. Игра начнётся сейчас же! — заявляет ответственный распорядитель соревнований.
Появляется Рейнольд. У него крепко стиснуты зубы. Он слышал, знает.
Короткое молчание, затем раздаётся голос Рафаэля:
— Ну, Гренье, — ваша очередь!

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Жан делает шаг вперёд. Лонлас помогает ему снять халат, который после массажа накинул на него, чтобы мышцы не остыли. Жан — в теннисных шортах, Рейнольд — тоже. (Теперь уже не играют в белых фланелевых брюках, как в героические времена!) Пуловер Жана из шерсти сурового цвета плотно прижимает к телу рубашку с короткими рукавами. Слева, на уровне сердца, у него нашит французский герб. Он сам берет со стола отобранные им ракетки. Машинально, прежде чем взять их под мышку, он проверяет натяжение струн, звенящих под его пальцами.

В правом и левом карманах, под тонким платком, который он всегда носит при себе, чтобы в случае необходимости вытирать руки, Жан нащупывает восемь кусков сахара, взятых им во время завтрака у привратницы Гийома Латура. С некоторой разницей Рейнольд повторяет те же жесты. Вот они выходят бок о бок неторопливым шагом; разговаривают (Рейнольд — на плохом французском языке), перебрасываются ничего не значащими фразами, которым стараются придать приветливый оттенок. Всё это — для галёрки. Мысли их сосредоточены на другом.

Внезапно зелёный занавес открывается. Солнце озаряет обоих игроков своим светом, и, подобный арене, большой корт красной равниной простирается перед их взорами. Площадка разделена на две равные части натянутой сеткой с широкими прозрачными ячейками. Белые линии чётко вырисовывают корт. Одним взглядом Рейнольд и Жан охватывают ступени трибун, вздымающихся до самого неба. Всё поле как бы оказывается погруженным в синеву, ибо в данный момент на небе нет ни облачка, если не считать небольшого скопления рыхлых, совсем незначительных тучек в одной из сторон, казалось, забытых в этой картине неряшливым художником.

Яркий свет ослепляет их и заставляет щурить глаза. То, чего они так ожидали, происходит очень быстро. Все актёры уже на своих местах. Судьи — на линиях, каждый на своём железном стуле; по двое с каждой стороны корта и по одному у квадратов подач по бокам корта. У подножия вышки судьи мужчина, которого они хорошо знают, тот самый, который проводит большие встречи, поправляет свою широкополую шляпу на голове. Полный и грузный, он проверяет устойчивость высокой лестницы с широко расставленными ступеньками, которая несёт на себе деревянное кресло. Вскоре он взберётся по лесенке и усядется в него.

Фотографы. Они отступают, передвигаются, мечутся, толкаются. Для фотографов оба игрока — лишь изображение в видоискателе или на матовой пластинке их «Роллефексов».

Добродушно и как бы машинально Рейнольд и Жан дают прижать себя к сетке и снять рядом друг с другом и один против другого.

Рокот аплодисментов, которыми встречено их появление, затихает, сливается теперь с однообразным гулом толпы. Мало-помалу из расплывчатой массы окружающих мужчин и женщин вырисовываются отдельные лица, становятся видны цвета платьев, белизна рубашек; жарко, и многие мужчины сняли пиджаки, свернули их и усадили на них своих спутниц.

Игроки оставляют запасные ракетки на приступочке у кресла судьи. Вот они уже приноравливаются к ракеткам, которые выбрали. На приступочке у кресла стоят также две бутылки минеральной воды. Из коробок появляются новые мячи. Прежде чем взобраться на своё кресло, судья катит их к мальчикам, находящимся там, в глубине, с каждой стороны корта.

Бросают жребий. Ракетка, кружась, падает на землю. Подача Жана, Рейнольд выбирает сторону. И вот оба игрока расстаются. Каждый из них предоставлен теперь самому себе, — и так до самого конца встречи. Жан идёт мимо лож к своему месту. Гийом где-то в ложе. Он захотел быть как можно ближе к площадке, а не там, наверху, над ложей журналистов и теннисистов, где всё время стоит гул голосов.

Когда Жан проходит, некоторые ему негромко аплодируют. Другие зрители кричат: «Тише! Тише!» Всё это ему безразлично. Он ничего не замечает в этой толпе, ничего не хочет различать. Ничто не должно отвлечь его от того внутреннего подъёма, к которому он так стремился. Вскоре, когда он начнёт играть, подъем этот достигнет своей наивысшей точки. Женевьевы здесь нет. Он это знает. Так лучше.

Он оборачивается к своим мальчикам. Протягивает руку. Один из мальчиков ловким жестом бросает ему мяч, заставляя его подпрыгнуть на земле, чтобы он попал Жану прямо в руку. Жан ощущает округлость мяча, ворсинки новёхонькой ткани под своими пальцами. Большим пальцем он пробует упругость покрытой сукном резины и, поворачиваясь к Рейнольду, выпускает из руки белый мяч, проверяя таким образом его подскок. Отскок такой, как он и ожидал. Жан ударяет по мячу с полулета, по направлению к игроку, который занял место против него. Удар сильный, длинный, но стелющийся, рассчитанный на то, чтобы противник без напряжения вернул мяч тоже ударом справа и, как и Жан, смог «пристреляться» к корту. Начинается разминка.

Судья в своём кресле пробует микрофон. Там, наверху, из окошечка на башенке, служитель скоро после каждого результата будет выставлять маленькие квадратики, которые составят буквы и цифры. Из прикреплённого под окошечком громкоговорителя вырывается что-то вроде вздоха, переходящего в высокий модулирующий звук. Судья кашляет. И звук этот, усиленный во сто крат, разносится повсюду наподобие кашля какого-то великана. Затем мало-помалу, введённый электротехником в норму, звук выравнивается и, несмотря на треск электрических разрядов и помехи, деформирующие его, становится почти естественным.

На корте щелкают мячи, и, отражённый от цементных стен, глухой этот звук доносится до слуха игроков. Уже на трибунах все головы, как одна, сопровождая каждый мяч, движутся в такт ударам. Есть что-то причудливое в этом движении голов, которые, как бы повинуясь кукловоду, дёргающему за верёвку, раскачиваются справа налево и слева направо. Мяч вылетает в аут на стороне Жана, и все головы застывают, устремлённые в эту сторону.

Жан проверяет твёрдость кисти, точность удара справа. Рейнольд тут, напротив него. Хотя Жан и неплохо знает его, он хотел бы в эти несколько минут, оставшихся до начала матча, подсчитать удачные удары и ошибки, обнаружить наиболее уязвимые места противника. Но он не находит у Рейнольда ни одного слабого места. Он сможет обнаружить их лишь в дальнейшем, лишь путём дорого стоящего опыта, единственного, который окупается.

Проверим-ка удар слева Рейнольда... Хорош! Теперь дадим небольшую свечку... посмотрим, как он бьёт смэш... Классическая отдача! Игрок не хочет показать всё своё мастерство. Придётся всё изучить, понять, примениться в самой игре, и надо будет расплачиваться за каждое открытие.

Ох! Как этот мяч по линии стремителен, неожидан! Застигнутый врасплох, Жан пропускает его. Чтобы не показать противнику, что тот взял его на быстроту, Жан наклоняется, делает вид, что завязывает шнурок. Рейнольд пользуется этим временем, чтобы испробовать одну, две, три подачи. Мячи попадают не очень резко. Рейнольд хочет лишь пристреляться. Жан, отошедший в глубину корта, поступает так же. Один мяч... второй... довольно.

Судья снова откашливается. Он делает это, чтобы прочистить горло. Жестом он спрашивает игроков, готовы ли они. Оба кивают: они согласны начать.

Да, нужно начинать. Кончен ненужный теперь обмен мячами, который в теннисе соответствует лишь тому, чем в боксе является бой с воображаемым противником. Каждому из игроков противостоит ещё лишь тень другого. Раздаётся голос судьи — и каждый из них найдёт в другом твёрдого, решительного, лояльного, но неумолимого противника.

— Господа! Если вы ничего не имеете против...

Мальчики убирают с площадки оставшиеся на ней мячи, бегут на свои места в глубине корта, позади каждого игрока. Гул на трибунах стихает, движение голов упорядочивается. С башенки разносится громкий голос. Видно, как у судьи на его вышке смешно двигаются губы, выговаривая:

— Полуфинальная игра на Кубок Дэвиса. Встречаются Рейнольд — США и Гренье — Франция! Матч из пяти сетов. Подача Жана Гренье!

Жан крепко сжимает в руке два мяча (он никогда не мог удержать три). Он невысок ростом, но крепок, уверен в себе, как может быть уверен в себе опытный игрок, отработавший каждое движение, каждую свою реакцию.

Напротив него Рейнольд немного наклонился и уже поджидает несущийся к нему мяч. Рейнольд — плотный, крупный мужчина. Он обладает большой сноровкой. Это своего рода стена, в которой сильными ударами тарана, используя всю свою ловкость, надо будет мало-помалу пробивать брешь, пока стена не рухнет, пока противник не перестанет отвечать, не перестанет существовать.

Наступает тишина.

Заповедная тишина.

Рейнольда и Жана обступает тишина.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первый сет

Полная тишина сомкнулась вокруг них. В них самих — ещё более глубокая тишина.

Жан приближается к белой линии, отграничивающей площадку. Почти касаясь её кончиком левой ноги, он как бы опирается на неё, подбрасывает над головой свой первый мяч и вытягивается на носках. Одно мгновение он ещё замечает, как после короткого подъёма мяч, несмотря на белизну сукна, вырисовывается темным пятном на голубом фоне неба и застывает в вышине.

Вот он начинает падать. Уже ракетка занесена, и Жан готов к удару. Он ощущает сходящиеся на спине лопатки и, не глядя больше, выполняет удар.

Удар по мячу пришёлся как раз на желаемой высоте, — центр ракетки задрожал. Во второй подаче надобности нет. Конечно, подача ещё не такая хорошая, какой она будет вскоре, когда замечательный человеческий механизм из мышц, разума и воли найдёт свой ритм.

Такая же примерно и отдача Рейнольда. Это просто прямой, классически чистый удар. Это отдача — вот и все. Когда Жан касается мяча, он сознает, что в нём нет ничего каверзного: чувствуется лишь желание противника переправить мяч через сетку.

Он поступает также без какого-либо определённого расчёта.

Удар.

Рейнольд отражает.

Ещё удар.

Рейнольд немного переместился вправо от Жана.

Жан бьёт в левый угол.

Рейнольд принимает и на этот раз старается ударить по линии, находящейся справа от него (надо всё же попытаться переиграть противника!).

Жан легко принимает слева.

Рейнольд, должно быть, играет ещё не слишком уверенно и отсылает мяч в сетку.

Всё это пока не настоящая игра. Ничего значительного ещё не произошло.

Судья объявляет: — Пятнадцать — ноль! Жан выигрывает свою подачу. Но все зрители и оба игрока лучше, чем кто-либо, знают, что это ничего не означает. Когда у игрока хорошая подача, как у Жана, и он не совершает ошибок, то он должен выиграть свою подачу, разве что противник оказывается внезапно сильнее его.

Теперь очередь Рейнольда.

Жан невозмутимо ожидает атаку. Рука противника, подобная большому рычагу, опускается, — кажется, он целится в Жана. Противник вкладывает в удар быстроту и силу, необходимую для того, чтобы удержать мяч в границах, указываемых небольшим квадратом, и в то же время придаёт ему такое вращательное движение, такую скорость, такой отскок, что мяч должен ускользнуть от Жана.

И всё же Жан отражает его. Но в то же мгновение он ясно отдаёт себе отчёт в том, какова сила этого первого мяча подачи, если противник не мажет его. Пока что надо отбить этот мяч — вот и все. Потом, когда он привыкнет, надо будет принять контрмеры. Лишь при втором мяче — если первый будет «за» — сможет он действовать, приблизиться к сетке, искать слабое место противника.

Рейнольд выигрывает первые две подачи. Он умеет выходить к сетке, бить с лета и, когда первая стадия благополучно пройдена, делать завершающий удар. При третьей подаче Жан мобилизуется и навязывает свою длину. Между противниками устанавливается равновесие. Этот мяч выигрывает уже тот, кто в данный момент окажется более напористым, более стойким.

У Жана только «пятнадцать», тогда как у Рейнольда уже «сорок». Нет смысла пытаться вытянуть эту игру. Жан отдаёт её. Надо уметь беречь силы.

Снова подача Жана. На этот раз, прежде чем взять в руку мячи, он стягивает шерстяной пуловер. Кожа его разогрелась, мышцы утратили напряжённость, которая раньше сковывала его.

Рука Жана, как бы смазываемая внутренним и солнечным теплом, действует наподобие длинного шатуна. При подаче первого мяча он делает ошибку, попадает только вторым, не ослабив удара, а даже усилив его. Мяч направлен в левый угол квадрата. Рейнольд должен сделать бросок в сторону, чтобы принять его. Ему удаётся отбить мяч, но очень слабо. Жан уже вышел к сетке и перехватывает его с лета. Чистым, неудержимым ударом он завершает. Противник спортивно кричит: «Браво!» Толпа тоже разгорячается. Оба игрока нравятся ей. Она тоже настроена спортивно.

Противники ещё очень мало знают друг друга. Они ещё не присмотрелись друг к другу. Правда, подача — это уже большое дело. Ведь может меняться лишь её сила и точность попадания. Конечно, можно раз-другой выполнить такой стремительный, такой неожиданно удачный удар, что его невозможно отразить. Но, подобно боксёру, игрок, который принимает мяч, знает удары, причиняющие боль, и

избегает их. Отступая, он уменьшает их силу, нейтрализует их. В этом поединке нет заключительного укола рапиры — решающим является лишь сумма накапливающихся очков, составляющих в конечном счёте итог — неумолимое сложение. Прилежные счетоводы, Жан и Рейнольд, вдохновенно трудятся.

Вдохновенно! Это не совсем то слово. Оно не может быть применено к этому обмену мячами. Для Жана Рейнольд в настоящий момент представляет собой не больше чем ту стену в колледже, о которую он бил своим мячом, когда был маленьким. Затем явился Империали, и перед ним встало нечто живое — человеческий дух. В Рейнольде ещё нет души. А когда она проснётся в нем, то чем в точности окажется?

После столь удачного, стремительного удара, позволившего внезапно обнаружить у Рейнольда в защите брешь, всё снова входит в норму, и Жан понимает, что, затягивая этот аккуратный размен мячами, он теряет время.

Теперь он ищет. Чтобы изучить противника, стоит проиграть свою подачу, даже партию! Не надо тешить себя иллюзиями и цепляться за классическую манеру игры. Противник может опередить тебя лишь в том случае, если ты дашь ему возможность узнать о себе больше, чем знаешь сам о нем.

Надо трудиться.

Систематически. Упорно.

Жан ведёт со счётом 40:0 в этой игре. Преимущество достаточное, чтобы нащупать, испытать противника, попытаться обнаружить во всем этом мраке какой-то, ещё не появлявшийся, проблеск света.

Риск!

Надо теперь же принять его на себя.

Надо открыться, чтобы позволить противнику атаковать. Посмотреть, где, под каким углом произойдёт атака. Дать атаковать себя, чтобы знать — наконец! — в каком месте, в какой форме она произойдёт.

Нельзя назвать это ловушкой. Это только приглашение к действию. Рейнольд может не принять его. Впрочем, он идёт на это. Он рассуждает, что надо брать все, что дают. В конце большого подсчёта будет суммирована все, что приобретено, безразлично, в какой момент и каким способом. Он ищет у Жана слабое место справа, потом слева, потом ещё раз справа, — по всей длине корта, укорачивает. Таким образом, Жан должен будет выйти к сетке, и тогда он попытается его обвести.

Когда настаёт подходящий момент, он делает такую попытку. И это удаётся ему. Толпа рукоплещет. Проигрыш одного мяча для Жана. Зато одной уверенностью больше. Надо навязать свой темп. Да, противник бесконечно ловок, — процент ошибок у него очень мал. Чтобы переиграть его, надо суметь взять инициативу в свои руки.

Жан пробует это. И вот тогда-то он начинает отдавать себе отчёт в том, чего сам стоит. Сделать это можно, лишь сравнив себя с другими. Ведь противники всегда разные. С сегодняшним приходится считаться. Он вездесущ. Надо суметь быть быстрее его.

Значит, нельзя снижать темп: быстро! Лучше заведомо примириться с тем, что совершишь несколько ошибок, промажешь несколько мячей, чем дать Рейнольду преодолеть свою слабость. Надо собраться, напружиниться — и остаться таким до конца. Это будет трудно!

Оба игрока в отличной форме. Они нащупывают друг друга. Продвигаются вперёд, отступают, снова идут вперёд.

Ну а по диагонали? Низкий с лета у американца превосходен. Удар. Другой. Не стоит больше тешить себя этой обманчивой надеждой. Надо сразу же признать, что в этой части корта, как ни ударь, противник всегда окажется на месте.

Рейнольд выигрывает игру. Оба противника меняются сторонами; в то же время судья объявляет, что Рейнольд ведёт со счётом 2:1. Подобно автоматам, они идут друг другу навстречу, расходятся у столба, вступают во владение своим новым поместьем.

Где солнце? Там! Хорошо. При ударе по диагонали направо оно должно слепить противника. К тому же подымается ветер. Его свежие порывы ощутимы на потном теле, которое он охлаждает во время пауз. Этот ветер придаёт большую скорость и резкость мячам Жана. Подача Рейнольда. Ему удаётся пушечный удар. Толпа аплодирует. Плохое начало для Жана. Рейнольд ведёт со счётом 40:15; увеличивает темп, чтобы выиграть. Жан на мгновение приостанавливает его натиск, отыгрывает два мяча, но один из судей объявляет "правильным" мяч, который Жан считал "за". Это сбивает его с толку. Он смотрит направо, в сторону судьи на вышке. Тот подтверждает. Жан проигрывает, как будто вовсе не присутствует на корте, как будто стоит здесь лишь как какой-то автомат, лишённый находчивости, смышлёности. Внезапная горечь подступает к горлу. Так вот какова она, эта большая игра! Никогда он не чувствовал себя таким ничтожным. Что же такое, совершенно незаметно для него самого, нарушило его внутреннее равновесие? Без него он лишь такой же человек, как и все другие, все те, что окружают его на трибунах. Вот они наблюдают за ним, холодно судят его, выражают недовольство им, как и он сам недоволен собой. Он делает всё время не то, что хочет. Внезапно он как бы потерял собранность, расслабился. Можно подумать, что он потерял веру в себя. Жан! Жан! Надо снова обрести себя! Ты должен снова воспрянуть. Ведь ты хорошо знаешь, что зависит от этой игры!

Да, он знает. И именно потому, что Жан подумал об этом в тот самый момент, когда Рейнольд начал четвертую игру, он растерялся, почувствовал себя потерянным. То, что вся его жизнь зависит от одного соревнования, кажется ему насмешкой судьбы.

Он думает.

Когда играют, не надо думать.

Вернее, надо думать, но только об игре. Не отвлекаться от неё посторонними мыслями. Не снижать ни на йоту того напряжения, без которого игра становится бездейственной, ни на что не похожей, бесцельной.

Играют не для забавы. Теннис — это нечто совсем иное, так отличающееся от игры!

После того как нарочно забыл уже об этом, сознание всей значительности того, что он делает, вносит путаницу в игру Жана, внезапно ослабляет его и даёт преимущество Рейнольду. Жан играет не хуже, чем раньше. Он не менее проворен, не менее точен. Но что-то изменилось, и в то же время изменился процент удачи. Почему? По какой причине?

Потому, что Женевьева теперь здесь.

Он не видит её, но ощущает её присутствие. Ему подают мячи для пятой игры (он выиграл первую, проиграл три последующих), в тот самый момент, когда Жан принимает их от мальчика, он подымает глаза на трибуны. Жан ищет её, не находит, но знает, что она тут. Должно быть, в зияющем проходе, который ведёт наружу, внизу ступеней. Она укрылась здесь или просто стоит в ожидании, что её позовут на корт, где она с минуты на минуту должна начать играть и где, как он думал, она уже находится. Она тут. Пусть уйдёт! Не надо, чтобы она смотрела, как он играет, оценивала его игру, а главное — не нужно, чтобы она была у него в мыслях. Присутствие Женевьевы сегодня ни к чему. Пусть её образ остаётся в самой глубине его существа; но не надо, чтобы он представлял её себе, не надо, чтобы её имя было у него на устах. Забыть Женевьеву! Забыть Женевьеву!

Для этого он должен сделать над собой чудовищное усилие. Мгновение нерешительности. Затем наконец постепенно он погружается снова в тишину.

В тишину, в которой Рейнольд на момент оставался один. В ту тишину, которая посреди этой толпы "их" тишина.

Понемногу он снова возвращается в эту зону, досягаемую сегодня только для него и для Рейнольда. И толпа, потерявшая свою связь с Жаном, мало-помалу восстанавливает её. Когда на момент он снова стал одним из ей подобных, человеком, который мог бы исчезнуть, раствориться в ней, — она перестала верить в него.

Жан всё же теряет эту пятую партию, а между тем он уже снова покорил толпу.

Всё это так неуловимо и тем не менее так ощутительно! Теперь, как во время первой (а также и второй) партии, противники идут вровень; толпа и Жан снова понимают друг друга.

5:0 в пользу Рейнольда. Сет этот — лишь сплошное разочарование. Нет. Всё меняется, как благодаря удивительному усилию воли изменился и сам человек.

Все, что за минуту перед тем мучило Жана, стёрлось. Теперь он лишь предоставленный самому себе игрок с волей к победе.

Методично он хочет проделать путь, отделяющий его от американца. Это необходимо. Хотя бы только для того, чтобы при конечном суммировании очков ничто не напоминало о его внезапной слабости.

Необходимо также, чтобы доверие, возвращаемое толпе, могло быть, в случае необходимости, снова почерпнуть в ней. Ничто из того, что даёшь, не потеряно. Поступать так — это не расходоваться понапрасну. Впрочем, он ничего ещё не растратил из своих сил.

Подача Рейнольда.

Ему удаётся первый мяч, но Жан, как разъярённый бык, устремляется к нему. Он возвращает мяч с силой, равной силе, вложенной в него Рейнольдом. Реакции Жана быстры, точны; он отбивает мяч так стремительно, что Рейнольд не успевает заметить, как мяч возвращается к нему. Уроки, которые он ранее извлёк из тяжёлой борьбы (даже в то время, когда на момент стал лишь Жаном Гренье, восстановившим свою связь с обыденной жизнью, вышедшим из того возвышенного состояния, в котором он снова находится), дают результат, но толпа чувствует нависшую над Ним угрозу. Она волнуется, трепещет.

Рейнольд с каждым ударом делается всё сильнее, но Жан опережает его в этом росте. И тогда игра становится замечательной.

Всё в ней — находка, вдохновение. Игра столь же стремительна, как удары рапиры, столь же мощна, как прямые удары и крюки боксёра.

В толпе кричат.

Те, кто больше не может видеть (потому что перед ними некоторые в возбуждении непроизвольно встали), яростно кричат: «Сядьте! Сядьте!» Впрочем, это ни на кого не действует.

Жан знает, что в этот момент он способен всё преодолеть. Ничто не ускользает от него. Он всё предвидит. Ему удаётся все. Буйное пламя пылает в нем, несёт его подобно тому, как огонь поднимает вверх пепел от только что сгоревшей бумаги. Жан становится невесом, но не носится по воле ветра. Он оказывается каждый раз там, где не хочет и не ожидает этого Рейнольд.

Не снижая темпа, он выигрывает эту игру.

— Счёт 5:3! — провозглашает судья, и в голосе его слышится невольная дрожь.

Подача Рейнольда.

Он выигрывает два мяча подряд, но это не имеет значения.

При третьей подаче Жан снова приноравливается. Он выигрывает этот мяч и два последующих.

Рейнольд сравнивает счёт.

В течение некоторого времени оба игрока, подобно двум борцам в схватке, то наступают, то отступают, не будучи в состоянии повергнуть противника.

Наконец мяч выигрывает Жан.

Он сильнее. Толпа знает это. Она бурлит. Несмотря на лишь незначительное преимущество, Жан удержит его. Так надо. Он напряг для этого всю свою волю. У него есть возможность выиграть.

— Счёт 5:4! Ведёт Рейнольд.

Гренье совершает усилие, подобное рывку, который в последние сорок секунд делает хороший бегун на 1500 метров. Надо сначала догнать, добиться счета 5:5, затем перегнать.

Это не только возможно, но так надо. Все это чувствуют. Даже Рейнольд. Это истина, которая выписывается уже там, наверху, на вышке, в виде конкретных неумолимых цифр.

— Подача господина Жана Гренье! — объявляет судья. Жан держит оба свои мяча в левой руке. Вот он сейчас подбросит один над головой. Мгновение он смотрит на Рейнольда, на белый силуэт, вырисовывающийся на зелёном фоне брезента, спускающегося под трибунами, до красной площадки. Наверху — густая, сомкнувшаяся толпа, состоящая из людей, которых он знает и которые знают его. Но Жан не может назвать в отдельности ни одного мужчину, ни одну женщину из этой толпы. Это «они» — своего рода фаланга, состоящая из знатоков, из его болельщиков, из людей, которые вдвойне чувствуют, догадываются о том, что ощущает человек, действующий на этой площадке, подобной рингу. Есть здесь журналисты, парни, чью подпись находишь в спортивной прессе, чьё пожатие руки ему знакомо. Они понимают, что происходит с ним, но судят его. Чтобы стать спортивным обозревателем, надо в прошлом самому быть игроком. Спортивное обозрение нельзя писать с кондачка, как это делается в отношении театра и литературы. Недостаточно располагать трибуной в виде газеты и некоторой дозой яда, чтобы безапелляционно заявить, что такой-то хорош или плох, достоин или недостоин. В этой профессии надо знать своё дело, надо понимать. Надо также воодушевлять тех, кто выдаёт всё лучшее, что у него есть. А для этого надо было самому когда-либо побывать в их шкуре.

Есть среди этой толпы и теннисисты. Иногда завистливые, думающие, что они сыграли бы лучше, чем отобранный игрок; тем не менее они обладают большой спортивной честностью, которая заставляет их аплодировать при хорошем ударе, заставляет оценивать игрока по достоинству и всем сердцем участвовать в страшном споре, орудиями которого они сами так хотели бы быть. Здесь и...

Здесь и Женевьева — он её видит, хотя глаза его и не находят её. Невидимка, она выделяется из этой толпы (в которой каждый носит какое-то имя и вместе с тем остаётся анонимным) своими светло-голубыми глазами, стройной фигуркой в облегающей блузке и теннисных трусах. Его преследует тембр её голоса, слова, которые он слышал от неё на протяжении целых четырёх лет, а в особенности слова, произнесённые ею в прошлый четверг. Слова эти снова вытесняют в его мозгу все мысли, планы, надежды.

Своего рода туман застилает мозг Жана. Стоит ему подумать о Женевьеве, как всё, что не она, становится ему безразличным. И пусть Рейнольд перехватывает все его мячи и посылает их куда хочет, и пусть у удивлённой толпы вырывается вздох недоумения, разочарования, — время, то время, каждая секунда которого драгоценна, бежит, как если бы оно перестало иметь какое-либо значение, кроме возможности для Жана думать о Женевьеве. — 40:0! Ведёт Рейнольд. Женевьева! Женевьева!

Кончено! Кончено, прежде чем Жан возвращается на землю, на эту красную землю, окаймлённую белыми линиями, — землю, где надо возвыситься над людьми, если хочешь остаться человеком.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Второй сет

А между тем он — на этой красной земле, на которой так напряжённо трудится. Мячи от неё отскакивают, оставляя следы на его судьбе.

Он тут, у всех на виду.

Его имя у всех на устах.

Жан покидает свою сторону, подходит к вышке судьи, берёт вторую ракетку, как будто эта замена может иметь какое-нибудь значение.

Он опрокидывает бутылку менеральной воды, полощет горло, смачивает грудь; большим пальцем проверяет мячи, которые предназначены для замены. И это он же идёт прислониться к зелёному полотнищу, над которым, вероятно, находится Женевьева. Он не может оторвать от неё свои мысли.

Действительно ли она здесь? Мы не могли бы этого сказать. При всем желании мы бы её не заметили, если, как это предполагает Жан, она скрывается на ступенях, в этой чёрной пасти входа. Взгляд её должен скользить лишь по тому месту, где площадка разрезается линией подачи, к которой подходит Жан, так как подача Рейнольда.

Первый мяч американца не проходит. Второй — не такой стремительный. Жан отражает его. Он делает это привычным свободным движением. И в силу всё той же, раз и навсегда укоренившейся привычки направляет его вдоль коридора по наиболее отдалённой от него белой линии, возле которой мяч и ударяется. Жан играет, как автомат; он всё ещё находится в состоянии раздвоенности, ибо не в силах отвлечься от своих мыслей и догадок, хотя и знает, что это необходимо.

«Я проиграл первый сет. А ведь я мог его выиграть! Быть может, Рейнольд и проворнее меня. Вероятно, он и привычнее к соревнованиям, в особенности на этот Кубок, являющийся наивысшим трофеем в теннисе и завоеванию которого все страны придают такое значение. Что до меня, я хорошо знаю, какую ответственность взял на себя, согласившись — с какой гордостью и радостью! — отстаивать честь нашей страны, наши интересы. Ибо я не скрываю от себя, что интересы эти очень возвышенны. Речь ведь идёт не только о моей личной победе. Впрочем, мне удаётся нечто большее, чем Рейнольду. Моментами ко мне приходит вдохновение, я достигаю того высшего уровня, на котором превосхожу его. Доказательство этому я имел на протяжении трёх партий, когда он был у меня в руках...»

Жан предаётся всем этим размышлениям в то время, как должен бы опираться лишь на свои наблюдения. Наблюдения эти — основа математической уверенности— должны управлять его поведением.

Но Жан не может уйти от своих мыслей, ибо от него зависит общий результат — не только торжество или поражение нашей страны, но и поражение или победа, которая, решит его судьбу.

«С четверга, с того дня, как я расстался с ней на тротуаре, перед баром, я в точности знаю, чем Женевьева является для меня. Правда, я предчувствовал это и раньше. Но никогда ещё не сознавал этого с такой ясностью. Я знаю, что не смогу жить без неё. И это не романтика, свойственная моему возрасту, ибо я прожил трудную, суровую жизнь, и не в моей привычке лгать самому себе. Если я потеряю Женевьеву, я пропал. Я хорошо отдаю себе отчёт в этом. Стоит мне подумать, что она является ставкой в этой игре,—и я перестаю быть самим собой. Это выбивает из равновесия, лишает собранности. Весьма вероятно, человек силен лишь в радости. Во всяком случае, мне тревога не на пользу. Вероятно, оттого, что я знаю цену тому, ради чего сегодня играю, меня бросает в дрожь при мысли оказаться побеждённым.

Что, если я проиграю? Женевьева без меня уедет в Австралию. Путешествие продолжится три месяца, а Рафаэль будет сопровождать её. Я знаю, что она может, должна любить, вероятно, любит меня. Но она... она этого ещё не сознает. В её годы девушки хуже разбираются в своих чувствах, чем мы, мужчины. Пока не дала слова или не отдала своего тела, пока не убедила себя в том, что любит, девушка остаётся в нерешительности, колеблется. Жажда любви подчас приводит к тому, что человек хватается лишь за её видимость. Если Женевьева отправится в Австралию без меня, она потеряна для меня навсегда...»

Он возвращается к этому снова и снова. Эта навязчивая мысль овладевает им настолько, что, желая во что бы то ни стало выиграть, он становится безоружным.

Жан не принадлежит к числу «прославленных». Конечно, он польщён, когда видит своё имя напечатанным большими буквами в газете, когда читает всё то, что пишут о его «гениальности». Но он сумел бы принять и поражение, примириться с ним. Его самолюбие не страдало бы. Не для того он играет, чтобы тешить своё тщеславие.

Но эта игра и не должна была бы стать для него делом жизни; ставкой в игре не должна была бы являться и любовь, от которой зависит его существование. Именно это путает все.

Он уподобляется людям, которым блестяще удаются чужие дела. Но стоит им рискнуть собственной незначительнейшей суммой для какой-нибудь спекуляции, как они перестают здраво мыслить, беспорядочно продают или покупают что попало и в конце концов прогорают. Если таким людям дать ценный фарфор или дорогую вазу, они ловко и крепко держат их в руках. Но стоит внезапно сказать им: «Это ваше!», — как, внезапно осознав значение, которое вещь приобрела для них, они теряют хладнокровие и самообладание. Драгоценная вещица падает и разбивается.

Так и Жан дал выиграть у себя последнюю игру предыдущего сета и весь сет. Это ещё не столь важно. Но в начинающемся втором сете эту потерю надо поскорее наверстать. И хотя Жан старается образумить себя, вернуть себе самообладание, в него как бы вселилась непреоборимая тревога, которая расслабляет, парализует его. Женевьева! Женевьева! Между тем он хорошо знает — убедился в этом только что, на столь горьком опыте, — что, лишь одержав необходимую победу над самим собой, вернёт себе самообладание.

Встреча в теннисе — это вам не беллетристика. Здесь имеешь дело с цифрами. Всё подытоживается неумолимо.

Надо перестать думать о Женевьеве, как это ему удалось уже один раз. Так нужно.

Но ему не удаётся забыть о ней, и борьба с самим собой изнуряет его. Между тем минуты текут, очки разыгрываются и накапливаются не в его пользу. Странная, ужасная слабость овладевает им. На глаза наворачиваются слезы. Он не в состоянии справиться с собой. Внезапно жгучая ревность примешивается к его чувствам. Он видит Женевьеву, видит, как если бы она стояла здесь, против него. Рафаэль сжимает её в своих объятиях, улыбается ей своей нелепой мордой красавчика, по которой он с жестокой радостью так бы и заехал! Перед ним возникают другие, ещё более отчётливые видения...

Жан подаёт. Но что ему до того, что этот мяч «за» и второй тоже! Женевьева — в объятиях Рафаэля!

На трибунах кто-то свистит. Толпа отвернулась от него. Раньше она поддерживала его, а теперь относится с презрением, освистывает. Толпа догадывается, что ошиблась вне.

— Счёт во втором сете 2:0! Ведёт Рейнольд.

Вот он, Рейнольд. Он выглядит теперь уверенным в себе; Рейнольду как будто вовсе не жарко, в то время как пот градом катится с Жана, струится под мышками и по груди. Ветер остужает с боков. Как хотелось бы суметь возненавидеть Рейнольда! Но для этого надо, чтобы он был иной, не этот совершенный игрок, не этот джентльмен, который выигрывает в данный момент по ту сторону сетки. Для этого надо, чтобы это был Рафаэль!

Рафаэль! Но ведь и в самом деле, это против него сражается Жан. Это он сейчас принимает от мальчика мячи! Рафаэль! Рафаэль!

Пусть подаёт Рафаэль, и все увидят, что будет!

Противник оборачивается.

Подаёт.

Перед Жаном встаёт напряжённое лицо Рейнольда. Стиль — его, стремительный мяч — его. Но это Рафаэль!

Тот самый Рафаэль, который только что держал в своих объятиях Женевьеву.

Это против Рафаэля Жан направляет сильно срезанный мяч, который падает на заднюю линию, ввинчивается со всей приданной ему силой вращения, казалось, вдавливается в землю, в белую черту, на которой оставляет след.

Жан с упорством, но и со злобой, стискивает челюсти. Он устремляется к возвращающемуся мячу, выходит к сетке, перехватывает с лёта. Все его решения внезапно принимают конкретную форму: во-первых, во что бы то ни стало быстрота; во-вторых, яростные удары, причиняющие боль. Я ему покажу, Рафаэлю!

Толпа вскочила.

Она неистовствует.

И пусть Женевьева находится на трибуне. Что ему до того теперь! Наоборот, пусть видит, как он расправляется с Рафаэлем.

Противник не выдерживает. Он выбит из колеи. Он отступает. А ведь только что он был уверен в своей победе. Это явственно можно было прочесть на его лице. Теперь он защищает свою жизнь. Ну да, он тоже сражается за свою жизнь! Каждый — за свою жизнь!

Одна игра за жизнь Жана выиграна.

А теперь его подача!

Но сначала, для большей уверенности, немного живительной силы. Она у него тут, в запасе, в кармане трусов, в виде маленьких беленьких кубиков.

Украдкой он кладёт кусок сахара в рот.

Он знает, как важно для него действие этой, сразу усваиваемой организмом пищи! Не раз уже испытал он на себе это действие. Часто для подачи, которая — чтобы стать неотразимой — требует большого расхода сил, черпал он в сахаре это моментальное, удивительное взбадривание.

«Моя подача!» — внутренне ликует Жан.

Он подходит к задней линии и, касаясь её кончиком левой ноги, приподнимается на сведённых усилием пальцах. Левая рука подбрасывает мяч над головой, правая бьёт по нему, когда он падает, как если бы, со злобной радостью, она наносила удар Рафаэлю. Одновременно движением руки справа налево Жан закручивает мяч и придаёт ему необычную траекторию. Мяч как бы скатывается по воздуху на землю и, касаясь её, делает фантастический отскок.

Рафаэль — называйте его Рейнольдом, если хотите! — стоял слишком близко. Он дотрагивается до мяча лишь кончиком ракетки, отбивает его, но очень слабо. Жан принимает с лёта и сильно бьёт вправо. Рейнольд снова принимает. Но он выведен из равновесия. Жану остаётся лишь завершить.

Вторая подача. На этот раз Рейнольд приготовился. Тогда Жан срезает мяч в другую сторону, всё так же с силой направляя его подальше от противника.

На трибунах вскакивают. Но Жан никого и ничего не замечает. Он безразличен ко всему, происходящему вокруг него. Он знает лишь, что надо отхлестать, сделать смешным, уничтожить человека, находящегося по другую сторону корта, — того, кто в мыслях стал для него Рафаэлем.

Рейнольд принимает третью подачу. С невероятной смелостью Жан выходит к сетке. Противник отвечает «свечкой». Жан даёт мячу перелететь через себя, и, когда все уже думают, что очко проиграно, он вдруг, как это делал в детстве, выполняет смэш слева. Подрезанный мяч попадает в левый угол на стороне Рейнольда, в самое пересечение линии коридора и задней линии. Мяч для Рейнольда недосягаем.

Вот это и есть вдохновение! Жан хорошо знает, что оно снова пришло к нему. Он обладает им и уже не лишится его до самого конца. Быть может, он и проиграет ещё один сет благодаря высоким качествам противника, но результат уже налицо. Он не даст себе расслабиться, он должен уничтожить Рафаэля!

Рейнольд, одну за другой, отдаёт три игры. Его переигрывают в темпе. Должно быть, он не ожидал этого внезапного пробуждения. Всё же со всем своим мужеством, со всем своим мастерством он оказывает сопротивление. Это стреляный воробей, ему знакома вся гамма разнообразнейших ударов. Он пробует все, чтобы дать пронестись грозе, чтобы выиграть время. Вполне последовательно он полагает, что Жан бросил в дело, как и в первом сете, фейерверк уловок, но что это ненадолго. Ведь ему невдомёк, что внезапно, каким-то чудом завеса, застилавшая глаза Жана, разорвалась, что теперь он видит всё в каком-то сверхъестественном свете. И свет этот заставляет его находить в чертах Рейнольда невыносимую усмешку Рафаэля. Невдомёк ему и что перемена, произошедшая в противнике, носит окончательный характер. Жан будет бороться до предела своих сил, своей воли. Если он и сдаст — но как может он теперь сдать?! — то разве только потому, что окажется без сил. Но у него будет сознание, что он отдал своей стране (также и Женевьеве) самое существенное, самое лучшее, что у него есть.

И пусть Рейнольд хитрит. Пусть, если ему хочется, подаёт снизу, подрезая мячи, — Жан всегда начеку. Вольно Рейнольду давать свечи, пользоваться укороченными мячами, впрочем, столь точными, столь совершенными, что удары его вызывают аплодисменты толпы, — если Жан сперва и проигрывает свою подачу и следующую игру, то происходит это с попеременными, нескончаемыми «больше». Жан позволяет себе такое отступление лишь для того, чтобы немного перевести дух и ещё с большей силой устремиться вперёд.

Счёт игр 3:3. Это никого не вводит в заблуждение. Во всяком случае, не Жана, который знает, что он делает, куда идёт.

Теперь он снова берет на себя руководство боем.

Ещё раз, готовясь к подаче, он сгрызает кусок сахару.

Мячи переменили. Жан доволен этим, так как от сильных ударов старые — так скоро! — начали терять упругость. Ему необходимо, чтобы они максимально отскакивали. Это способствует той жёстко закрученной подаче, которой он в этот момент разражается.

Отзвук гулких ударов разносится звукоусилителем. Звук этот перекрывает лишь голос судьи, нанизывающий цифры. Несколько облачков появляются на небе и порой отбрасывают на площадку колеблющиеся тени. При каждой неудачной подаче, при каждом «за» голос судьи на линии повышается до крика. В этой нарушенной тишине Жан продвигается вперёд, подобно бесстрашному солдату, идущему на штурм укрепления, неуязвимо продолжающему свой смертный путь под пулями. Это в своём роде герой, и подлинный. Его воля, мощь, сноровка, смышлёность, то, как он преодолевает все опасности, — превращают его в некое божество, в котором больше не сомневается ни один из его почитателей. Всё в его руках превращается в чудо. И зрители привыкают к чуду. Если случайно он и проиграет мяч, зрители знают, что это плата за саму игру, и никто не волнуется за него.

Он играет так быстро, так хорошо, что Рейнольд как бы сметён с площадки. Великан уменьшается в росте. Кажется, он сгибается под ударами. Но, несмотря на это, Жан не щадит его. Разве может он смилостивиться над Рафаэлем?

Действие развивается теперь с невероятной быстротой. Настоящий смерч обрушивается на Рейнольда и сметает всё на своём пути. Но вот подымается ветер и вмешивается в игру. Жан использует его. Он прибегает к его помощи, чтобы удержать в должных пределах мячи, которые могли бы оказаться чересчур длинными; пользуется его помощью, чтобы с ещё большей скоростью подтолкнуть другие, когда ветер дует ему в спину. С удачливостью охотника, стреляющего в летящую по ветру в четырёх-пяти метрах от него куропатку, Жан целится, стреляет, поражает, убивает.

Никогда игра не кончалась так быстро.

Кончено. И сам Рейнольд присоединяется к толпе, приветствующей Жана, и аплодирует ему.

Безбрежная радость волной нахлынула на победителя. Он выиграл второй сет. Теперь он начнёт третий, чувствуя себя сильнее, чем когда-либо.

Украдкой он мысленно возвращается к Женевьеве, но не как ранее, а неотделимо от Рафаэля. Так будет до самого конца игры. Быть может, кто-нибудь сообщит ей последние новости на корте, где она сейчас должна играть. Тогда она поймёт, что творится у него на душе.

Возле вышки судьи Рейнольд вытирает шею мохнатым полотенцем, которое оставил здесь при выходе на корт. Жан на сей раз чувствует, что грудь, руки, тело сухи.

Рейнольд пьёт. Жан воздерживается от минеральной воды. А в мыслях у него лишь одно: поскорее начать, выиграть третий сет! Судья на линии — тот, в глубине, ближайший к выходу игроков — поднимается со стула. У него в руке маленький листок бумаги, который ему только что вручили. Он протягивает его судье, и видно, как толстяк наклоняется, чтобы взять записку. Он внимательно прочитывает её, затем откашливается, прочищает горло.

— Алло! Алло! — произносит он в наступившей тишине. — Перед возобновлением игры и началом третьего сета теннисная федерация просит меня объявить следующее: финал женского Кубка, так называемого Кубка Санджерс, будет разыгран здесь, как предусмотрено нашей программой, после встречи между Рейнольдом и Гренье — последней игры на Кубок Дэвиса. Встречаются мадемуазель Ван Оостен и госпожа Армстронг, выигравшая вчера полуфинальную встречу. Мадемуазель Перро получила лёгкое повреждение в только что состоявшейся встрече с мадемуазель Ван Оостен и выбыла из состязания.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Третий сет

С Женевьевой случилось что-то!

«Лёгкое повреждение», — сказал диктор.

Что с ней могло приключиться?

Должно быть, один из несчастных случаев, являющихся ходкой монетой спортивных встреч: вывих ноги, неудачное падение, лёгкое растяжение связок.

И всё же известие это задевает Жана как неожиданный удар судьбы. Хотя он и успокаивает себя — для этого он снова вынужден отвлечься мыслями от игры, которая вот-вот начнётся, — он не может не задавать себе вопросов.

Судья делает знак Рейнольду и Жану занять свои места. Жан направляется уже к своему месту, но, не сделав и трёх шагов, возвращается к вышке судьи и, подняв голову, спрашивает:

— Ничего серьёзного?

Судья пожимает плечами, затем подымает брови и показывает на бумажку, которая у него в руках.

— Больше я ничего не знаю!

На это ушло всего несколько секунд. Но когда Жан доходит до правой стороны пространства, которое он должен защищать, Рейнольд уже занял место напротив него и, полный решимости, готов к атаке.

Женевьева пострадала! Если бы это носило серьёзный характер, не объявили бы: «лёгкое повреждение».

Надо сосредоточить мысли на другом.

Вот с невероятной силой мяч американца попадает на линию между квадратами подачи. Каким-то чудом Жан отражает его слева (к счастью, кисть у него очень крепкая!). Но противник убивает мяч.

Вторая подача такого же качества, как и первая. Жан бросается на штурм, хотя мяч и очень сильный. Он как ни в чем не бывало набрасывается на него. Он ищет брешь, ищет в защите противника слабое место. Но Рейнольд играет весьма жёстко. Выходит к сетке. Жан пытается переиграть его свечой. Недостаёт малого, чтобы мяч перелетел через голову противника. Рейнольд делает огромный прыжок и принимает его. Он отвечает неотразимым смэшем. Мяч — вне досягаемости француза.

Рейнольд подаёт в третий раз.

Он мажет свой первый мяч. Судья на линии крикнул: «Нет!» Второй мяч менее стремителен. Жан атакует, отвечает косым. Рейнольд принимает слева с такой же силой, как и справа. Мяч возвращается по кратчайшей траектории. Рейнольд тоже ищет брешь. Жан отвечает резаным ударом справа, ударом, который он так любит. В ударе этом активное участие принимает кисть, направляющая мяч и придающая ему траекторию, отклоняющую его вправо. Мяч попадает на землю, полностью потеряв способность подскакивать, и расплющивается. Но Рейнольд уже знаком с этой опасностью. Он соответственно перемещается и принимает. Ещё раз он отсылает, но от сделанного усилия поскальзывается и растягивается на площадке. Мяч попадает в сетку. Одно мгновение он застревает на тросе сетки и как бы колеблется, куда упасть, затем перелетает на другую сторону, так близко от Жана, что он не может его отразить и проигрывает этот третий мяч.

Рейнольд уже поднялся. Это ничего, с ним ничего не случилось. Толпа выражает своё одобрение Гренье. Она думает, что он не захотел воспользоваться падением противника. Рейнольд стряхивает землю, приставшую к его шортам, и улыбается. Он невредим. А Женевьева?

Что с Женевьевой?

Рейнольд продолжает свою подачу, но делает двойную ошибку и проигрывает этот мяч. Должно быть, падение расстроило его игру.

Жан чувствует, что наступил подходящий момент, и пользуется им.

Это не очень трудно. Достаточно играть, не прилагая большого усилия. Жан уже было проиграл три мяча, но очень скоро сравнивает счёт. Он быстро выигрывает игру, но ещё до окончания её знает, что овладел собой.

Но вот в момент, когда он подаёт — совершенно бессмысленно, как будто бы она могла там находиться, — он ищет на трибуне Женевьеву. Хотя он и знает, что она получила «лёгкое повреждение», он обеспокоен. Лонлас, должно быть, сейчас массирует ей ногу или руку; Рафаэль перевязывает её, если она при падении содрала кожу. Однако раз она прекратила игру, следовательно, повредила себе что-то. Достаточно поскользнуться и ранить себе ладонь, чтобы не быть в состоянии держать ракетку.

Ему чудится уже рана, красное пятно хромистой ртути, растекающейся до пальцев. Он видит, как Рафаэль деликатно ухаживает за Женевьевой...

— Подача господина Жана Гренье! — повторяет судья.

Жан спохватывается; он не слышал судью в первый раз.

Недоставало только этого несчастного случая!

«Лёгкое повреждение». Но сказали ли правду? Да, конечно. Играй и не занимайся ничем другим! Ты же видишь, что Рейнольд ждёт. Он не пострадал при падении. Этому падению ты обязан выигрышем игры. Но другие игры ожидают тебя впереди в этом сете и ещё другие — до окончания встречи.

Да, впереди ещё не одна игра. И Рейнольд не намерен их отдавать.

В свою очередь, Рейнольд сознает: надо прекратить уловки, всё дело в быстроте. Систематически он старается добиться темпа. Он пользуется каждым случаем, чтобы ускорить игру. От падения у Рейнольда не осталось никаких неприятных последствий. Наоборот. Можно подумать, что потеря игры, в которой он, казалось, вёл, но проиграл (возможно, лишь по невезению), подстегнула его. Он устремляется на мячи, делает броски, поспевает везде своевременно. Жан тоже играет замечательно.

Он запрятал глубоко в себе тревогу, порождённую недавним сообщением судьи. Ради самой Женевьевы (в особенности, если она пострадала) надо победить Рейнольда, надо уничтожить... уничтожить Рафаэля.

Толпа возбуждена.

Ей редко приходится испытывать такое наслаждение. Есть что-то сверхъестественное, превышающее человеческие силы в том, как оба противника атакуют друг друга, отражают удары, проигрывают, затем снова добиваются преимущества. Вот, казалось бы, неотразимый удар, выполненный Рейнольдом! Но Жан принимает его. С удивительным мастерством ему удаётся обводящий удар. Однако ракетка Рейнольда тут как тут. Он отбивает низко с лёта. В этой игре всегда что-нибудь новое! Возможности никогда не исчерпываются. И замечательная красота тенниса проявляется в те моменты, когда можно подумать, что оба игрока парят в воздухе.

Они полностью проявляют себя. На этот раз никаких дешёвых уловок, никаких узких замыслов. Игра, одна лишь игра, в которой так хорошо вырисовывается характер, так хорошо выявляется индивидуальность каждого игрока.

С тех пор, как Жан состоит членом теннис-клуба и принимает участие в провинциальных соревнованиях, с тех пор, как он играет с «большими» игроками, он приобрёл немалый опыт. Жан знает, что человек с ракеткой в руке раскрывается, как если бы он обнажил свою душу. Есть щедрые игроки, есть джентльмены, буржуа, скряги, деляги, посредственности, которым иногда удаётся выиграть, ловкачи; малодушные; сдержанные; плуты; игроки, ищущие всегда самооправдания; игроки, играющие лишь ради выигрыша; гордецы; горемыки; игроки, заранее примирившиеся с проигрышем; слабовольные; идиоты; простаки; игроки, принижающие теннис, обрабатывающие каждый мяч, пытаясь «слямзить» у противника хоть один; великодушные; расточительные; мужланы, попадающие всегда «за» и всё же полные восторга от мощности своего удара; злые, приходящие в ярость, настроенные мстительно, и в чьих глазах, когда они проигрывают, загорается жажда убийства; вспыльчивые; демонические; застенчивые и псевдоскромные. Есть среди игроков и безумцы, есть и мудрые. Есть всякого рода люди! Его противник — Рейнольд.

И если Рейнольд ещё недавно прибегал к тому, что некоторые ошибочно называют мастерством, но что в действительности является набором незначительных уловок, ударов, позволяющих перевести дух или в случае необходимости дать себе отдых, то теперь перед Жаном — подлинный игрок, без ухищрений и задних мыслей, теннисист, играющий ясно, отчётливо и благородно.

Это-то и придаёт теннису, который оба противника демонстрируют сегодня, то удивительное качество, проявляющееся в каждом ударе. Это большой, очень большой теннис. Толпа понимает это. Она всегда бессознательно чувствительна к красоте. Что бы ни случилось, она разойдётся после игры, всё ещё полная возбуждения, напоенная тем, что время от времени необходимо человеку, дабы он имел возможность возвыситься над самим собой.

Жан проигрывает вторую игру. Он почти счастлив, ибо Рейнольд превзошёл себя, заслужил этот выигрыш. Толпа, хотя в большей своей части и состоит из французов, рукоплещет американцу.

Теперь с каждой секундой спор между противниками становится острее, яростнее. Кажется, что, всё ещё сохраняя свою удивительную пружинистость, оба противника закалились. Всё в их игре — широта и щедрость. Если бы при помощи какого-нибудь аппарата можно было в замедленном темпе наблюдать их мощные удары, их взлёты — игра показалась бы чудом.

Счёт в третьем сете 2:1, ведёт Жан Гренье.

Ведёт, да...

Но Рейнольд тут как тут — и нагоняет его.

Оба противника хотят выиграть этот, вероятно, наиважнейший сет.

В самом деле, ничто никогда окончательно не потеряно. Но не надо дать себя опередить. Достаточно потери одной игры, чтобы сделать победу сомнительной.

Во время передышек Жан производит подсчёт игр. Он выиграл двенадцать, в то время как у Рейнольда в активе их всего десять. Разница — ничтожна. Достаточно минутной слабости, достаточно...

Достаточно поддаться тревоге, гнездящейся в глубине души, или разочарованию, подобному тому, которое— он это чувствует— испытывает любимая девушка. Ведь сегодня в присутствии десяти тысяч зрителей ей представлялся случай, наконец, положить на лопатки американку, до сих пор всегда побеждавшую её. Вот невезенье! Не везёт Женевьеве!

А ему?

Везенье ли это, что Женевьева так задета, так расстроена случившимся? Он не находит ответа на этот вопрос и испытывает беспокойство. Бог мой! Почему он так чувствителен, так впечатлителен? Но разве мог бы он стать чемпионом, не будь у него этой повышенной чувствительности?

Да нет же, ничего серьёзного с ней не произошло: "Лёгкое повреждение! Лёгкое повреждение!.."

Он спохватывается, что на какое-то мгновение в мыслях его образовался как бы чёрный провал и он отсутствовал в игре. Новым усилием воли ещё раз он овладевает собой. К нему возвращается собранность. Всё же, когда кончится эта игра и наступит десятиминутный обязательный перерыв между третьим и остальными сетами (четвертым, пятым, если необходимо), он выяснит, что случилось с Женевьевой.

Рейнольд играет замечательно.

Надо играть ещё лучше, а это трудно.

Счёт игр 2:2.

Это пятая — для каждого из них — игра поворотная. Тот, кто теперь поведёт, имеет шанс взять и следующую. Он оторвётся тогда от противника, если будет хорошо играть до конца сета, у него есть шанс выиграть и сет.

За Женевьеву и против Рафаэля. Надо выиграть.

— Подача Рейнольда. Счёт — "ровно".

Жан отбрасывает от себя все, что отвлекает его мысли от игры. Он трудится прилежно, но в его игре сейчас отсутствует творческая мысль. А игра в теннис, подобно созданию поэмы, рассказа, — это творчество. Всякое же творчество опирается на солидную, незыблемую основу — законы, которые в прошлом открыли, уточнили великие предшественники.

Подобно музыканту, который, прилежно трудясь, по четыре часа в день играет гаммы, хороший игрок должен сначала работать над собой. Лишь впоследствии, овладев своим "ремеслом" — и слово это здесь, как и везде, имеет своё наиболее благородное значение, — он сможет, если обладает дарованием, победить трудности, осилить материю и дать проявиться своему гению.

Жан снова принимается за свой труд, как мастеровой. Задача его тяжёлая. Рейнольд с каждой минутой становится всё сильнее и сильнее.

В этой встрече, которая проводится с одним и тем же противником, кажется, что его всё время подменяют. Какое-нибудь пустяковое ранение на сгибе большого пальца, небольшая царапина на пятке, перенапрягшаяся мышца руки, которая должна обладать полной силой

и одновременно тончайшей чувствительностью, колика в боку, соринка, попавшая в глаз, мимолётная слабость — и этого довольно для того, чтобы изменить все данные проблемы и самого человека. Тело не должно отставать от разума.

Тело Жана, тело Рейнольда до сих пор подчинялись им. Между тем по некоторым признакам можно заметить, что в Гранье зарождается тревога; дыхание его становится прерывистым; он с большим усилием подымает руку. О! Это совсем незаметно. Но это так. Сахар?

Нет, немного погодя, когда кончится эта игра, потому что ему придётся подавать. Надо собрать все силы, чтобы выиграть! Терпи, тело, и не сдавай! Пусть так не жжёт лёгкие! Надо тебе, Жан Гренье, оставаться полноценным!

Да, отдать эту игру.

Восстановить дыхание.

Не бегать зря за этим мячом.

Потерять эту игру, чтобы выиграть следующую.

Какой ясностью ума, каким мастерством, каким знанием самого себя надо обладать!

На счёту у Рейнольда будет три игры. Ну и пусть! Восстановить свои силы, чтобы взять старт в следующей игре, воспользовавшись своей подачей, и затем уже больше не ослаблять усилий.

Для этого надо временно замедлить игру. На некоторое время затянуть обмен мячами, пока не пройдёт мимолётная слабость. И главное — найти стимул для того, чтобы себя взбодрить.

Во-первых, поднимем руку. Остановим на минуту игру. Предлог— надо завязать шнурок. Не торопиться. Это недобросовестно? Может быть. Но как поступить иначе? Если необходимо, сделать вид, что поскользнулся. Упасть... Ведь Рейнольд поступил так раньше (хотя Жан знает, что это было непреднамеренно)... Выиграть время!.. Выиграть время!..

Никогда ещё он так не поступал. Окажется ли он способным прибегнуть к таким средствам? Но разве Рафаэль действует добросовестно? Разве он не способен поступить ещё хуже, чтобы закрепить за собой любовь Женевьевы? Искушение.

В Жане происходит большая внутренняя борьба. Банальная мысль молнией мелькает в голове: "Важен только результат... Ведь это не Рейнольд, а Рафаэль — твой противник... Добыть Женевьеву — любой ценой!.."

И уже он взвешивает про себя, что потеряет, если примирится с образом действий, на который его толкает внутренний демон. Никогда больше он не будет счастлив. Даже если завоюет Женевьеву? В особенности если добьётся этого таким путём — нечистым путём, путём подвоха. Небольшого подвоха? Незначительным подвох не бывает. Вероломство есть вероломство, вот и все.

Рейнольд нажимает. Жана тянет поддаться искушению.

Но прежде всего — довести до конца эту игру. Выяснить своё моральное и физическое состояние, состояние лёгких, сердца. Ужасная пытка — лишь бы выиграть время, ещё время. Рейнольд играет лучше, чем когда-либо. Так продолжаться не может. Нужно решиться...

Нет. Сердце как будто стучит не так уж бешено. Пульс выравнивается. Неужели знакомое всем атлетам — боксёрам, бегунам — второе дыхание? Ещё больше собраться. О, какого усилия стоит каждая секунда! Кажется, к руке возвращаются гибкость и сила. Не бежать за этим мячом! Не идти к сетке!

Вот и кончено. Завеса, застилавшая глаза, падает, разрывается. Ещё немножко выдержать. Ещё немножко...

Всё к лучшему. Снова виднеется толпа. Позади слышен лёгкий шум, который производит кинокамера. Нет, у него никогда и в мыслях не было сделать вид, что поскользнулся... Он бы не сделал этого... Не мог он так поступить!..

А поступил ли бы он всё же так? Теперь, когда пришло облегчение, он знает, что будет задавать себе этот вопрос. Он достаточно честен с собой. Сделал ли бы он это ради того, чтобы обрести Женевьеву?

Рейнольд выигрывает игру.
Очередь Жана подавать.
Сахар.
Это его право. Это дозволено. Сахар — не допинг, не наркотик; сахар — только пища. Никто не запрещает Рейнольду поступить так же. Сахар — это классическое средство восстановить улетучивающуюся энергию.
Быть хорошим мастеровым.
Добросовестно работать.
Всадить свой мяч, как всаживают в стену гвоздь.
И когда гвоздь вошёл и хорошо уже сидит, перейти к следующему. Выправить скос от неудачного удара молотком. Так держать!
Взять эту игру. Есть!
Нажать ещё на Рейнольда. Заставить его отступить от сетки.
Пригнув голову, плечи вперёд, упорно напирать, не обращая внимания ни на что. Думать лишь об очках, которые накапливаются одно к одному и уже составляют итог.
Рейнольд снова устремляется в атаку.
Неизвестно, что тревожит его в эти минуты, но драма, которую он переживает, должно быть, подобна той, что переживает Гренье. Впрочем, вряд ли от игры этой, как для Жана, зависит всё его существование.
Хотя кто знает...
Кто может знать...
— Счёт третьего сета 5:4! Ведёт Гренье.
— 6:5!
— По шести.
— 7...
Ни один не сдаёт. Необходимо всё же, чтобы что-нибудь нарушило это невероятное равновесие.
«Хочу!» — сжимая зубы, думает Рейнольд.
«Хочу!» — внутренне кричит Жан Гренье.
Ведёт Жан. Но начиная с пятой игры ни тот, ни другой ни на йоту не сдал, не сделал ни малейшей уступки противнику. И что в том, что Рейнольд сравнивает счёт? Десятки раз в каждой игре этого сета они попеременно то вели, то сравнивали счёт.
— Подача Рейнольда!
— По пятнадцати!.. По тридцати... Ровно... Больше... Ровно... Больше у Рейнольда... Ровно... Больше у Гренье... Сет-бол!..
Толпа замерла. Не слышно ни звука, ни возгласа. Наступило поразительное безмолвие, нарушаемое лишь стуком мячей. Толпа чувствует, что малейшее движение, самое незначительное слово может повлиять на результат, который зависит от пустяка... Почти от пустяка... У того, кто выиграет этот сет, есть возможность, отдохнувши, выиграть четвёртый. Если это ему удастся — а ведь он тогда с воодушевлением снова бросится на штурм! — то всё будет кончено...
— Ровно... Больше у Рейнольда... Ровно... Больше у Гренье... Сет-бол!..
Рейнольд подаёт — в сетку.
Второй мяч...

Он проходит.
Уже Жан принял его...
— Зашаг! — кричит судья.
Рейнольд, кажется, не слышал и продолжает играть. Жан намеренно не принимает мяч. Рейнольд в недоумении подымает голову. Судья на вышке справляется у судьи на линии.
— Зашаг, — подтверждает последний.
Таково правило. Надо подчиниться. Судья на вышке вынес решение.
Ошеломлённые, Рейнольд и Жан опускают руки.
Выиграть сет таким способом! Это возмущает Жана.
Не так он себе представлял свою победу. Что до Рейнольда — он ошарашен и всё ещё не понимает, что случилось.
Толпа ропщет, затем разражается криками, выражает своё мнение.
Она обожает Жана, но сейчас — за Рейнольда.
Есть что-то неприемлемое в этой ошибке, засчитанной в последнюю секунду.
Возможно, игрок при подаче и наступил на черту, но Жан хорошо знает, что и с ним это случалось не раз в продолжение этих трёх сетов, а судья ничего не говорил. Жан подыскивает слова, но не находит ничего подходящего. С уст его срывается глухой протест:
— Нет!.. Нет!..
Толпа также протестует:
— Нет!.. Нет!..
Судья колеблется. Решение не отменяют.
Рейнольд поворачивается к судье на линии и на своём ломаном французском языке переспрашивает:
— Я сделал... ошибка ноги?..
— Да, — подтверждает судья.
Рейнольд ничего не отвечает. Он направляется к вышке.
Он знает, что значит решение судьи, и подчиняется. Он проиграл.
— Нет! — кричит Жан.
— Нет! — кричит толпа.
— Я прошу переиграть этот мяч! — говорит Жан.
Судья колеблется. Взглядом как бы вопрошает всех, игроков и толпу.
— Переиграем! — настаивает Жан.
Движение на скамьях трибун. Некоторые зрители протестуют, желая закрепить выигрыш за Гренье. Другие стоят за благородство в игре. Зрители сильно разочарованы. Чтобы такой сет и кончился таким образом! Никто не видел эту ошибку, никто не обратил на неё внимания.
В решении судьи чувствуется предвзятость. Толпа освистывает судью. Последний объявляет:
— По просьбе господина Жана Гренье мяч будет переигран!
Со скамей раздаётся как бы крик облегчения:
— Господин Рейнольд, будьте любезны вернуться на своё место!
Молчание.

Рейнольд медленно повинуется.

Становится для подачи.

И раз за разом — он не согласен, не может допустить, чтобы ему делали «подарок» — посылает оба мяча, один в левый, другой — в правый угол площадки и в буре выкриков, невозмутимый, направляется прямо к Жану и вместе с ним — к выходу, ведущему на отдых.

— Игра и партия господина Жана Гренье со счётом 8:6! Счёт сетов 2:1. Ведёт Жан Гренье! — объявляет судья.

Молчаливо, бок о бок, Жан и Рейнольд исчезают. Зелёное полотнище опускается за ними.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Перерыв

Буря выкриков сопровождает их уход.

Крики слышны даже в раздевалке, где каждого из них поджидает массажист. Они растягиваются на столе для массажа. Отдых. И здесь каждое мгновение на счёту.

— Ноги, Лонлас!

Своими чудодейственными руками Лонлас прохаживается по мускулам Жана. Он нащупывает затвердения, узлы мышц, места, где скопились токсины.

Жану необходимо новое усилие воли, чтобы расслабиться, демобилизоваться, не теряя способности вскоре, через мгновение, снова собраться, потому что перерыв — очень короткий... Такой короткий!

— Не сопротивляйтесь, — предлагает массажист.

Есть. Плечи, теперь правую руку; не надо, чтобы под нажимом пальцев образовалась травма: разгорячённые мышцы так уязвимы.

Под влиянием неотступно преследующей его мысли Жан приподымается.

— Нет, не двигайтесь! Что вы хотите?

Жан молчит. Снова послушно ложится, ещё раз отдаёт себя в руки Лонласа. А между тем он страстно хочет всё узнать. — Где Рафаэль?

— Он придёт.

— Я хочу его видеть.

— Несомненно, сейчас явится.

Он должен был находиться здесь, Рафаэль. Он прекрасно знает, то его игрок нуждается в нём. Он не может не прийти. Разве что... — Вам что-нибудь нужно? — Нет, ничего. — Замечательный, этот последний сет! — Он — орешек, — говорит Жан, думая о Рейнольде. — Вы справитесь с ним! Жан разражается лихорадочной яростной вспышкой:

— Да. Справлюсь! Даже не будь этого зашага, я бы справился с ним!

— Мне это хорошо известно, — говорит Лонлас. — Все это знают.

И правда! Все верят в него. Все, даже мальчишки и женщины, которые пришли сюда впервые, и даже все те, кто попросту только читает газеты. Он не разочарует их.

— Я справлюсь с ним! — повторяет он.

— Так доверьтесь мне, не пытайтесь вставать!

В самом деле, Жан снова сделал попытку привстать. Наступает глубокое молчание. Ловкие руки Лонласа обжигают всё тело Жана. Удивительна эта чувствительность тела, даже самой кожи!

— Можно войти?

Какой-то шум у двери.

— Нет! — отвечает Лонлас.

— Да! — говорит Жан.

— Хозяин запретил...

— Хозяин? Какой хозяин?

Злоба вспыхивает в Жане при мысли, что так называют Рафаэля.

— Мы хотим поздравить Гренье! Мы хотим ему сказать... — раздаются голоса.

— Никого не пущу!.. Никого! — сопротивляясь вторжению, повторяет Лонлас.

Верно, не надо никого. Но всё же надо бы узнать от кого-нибудь, что с Женевьевой.

— Кто тут?— спрашивает Жан.

— Массан... Грегуар... Женисье...

Это все игроки в теннис. Жан окликает одного:

— Массан!

— Да, Гренье! — через приоткрытую дверь отзывается Массан.

— Что приключилось с Перро?

— Во время первого сета с Ван Остен она упала...

— Что с ней?

— Не знаю. Мы были на трибуне, смотрели твою игру... Я слышал — её отвели на перевязочный... Чертовская игра, Гренье!

— Постарайся что-нибудь разузнать!

— Относительно Женевьевы Перро? Мы ходили к ней. Нас не впустили. Рафаэль с ней.

Рафаэль! Везде и всегда этот Рафаэль!

— Пойди скажи ты ему, этому Рафаэлю, что я хочу его видеть ещё до конца перерыва. Так надо.

— Безусловно! Ему следовало бы находиться здесь!

— Быть может, она получила серьёзное повреждение?

— Упала. Подумаешь, ей не впервые падать! Конечно, досадно из-за финала...

— Пошевеливайся, черт возьми!

— Не расстраивайся, Жан! Мы рассчитываем на тебя. Мы доверяем тебе. Ты выиграешь у Рейнольда!..

— Попробую. Иди... И, ради бога, поживее!

Снова руки Лонласа и неотступная тревога. И бешеная злоба от сознания, что Рафаэль там, возле неё, в то время как он прикован здесь.

— Расслабьтесь!

Только бы Рафаэль пришёл до начала игры! Необходимо знать. Остаётся сет, быть может, два... Надо подвести итог всей встрече. Рейнольд силен. Разница между ними, когда не вмешивается злосчастный рок, лишь в том, что у одного из них большая воля к победе.

Жан выиграл два сета из трёх. Достаточно теперь, чтобы он выиграл ещё один. Надо бы взять четвёртый. Он может это. Он отдаст этому все, на что только способен. Прижмёт американца к стенке. Выбьет его из колеи. Уничтожит. Жану необходим этот сет, чтобы всё было кончено, чтобы не было пятого, чтобы Женевьева не поехала одна — одна с Рафаэлем — в Австралию.

Какое-то неистовство владеет им, и он не хочет от этого избавиться, — пылающий огонь любви, всей ненависти, всей убеждённости в необходимости победить. Когда Рафаэль явится, он скажет ему, бросит в лицо свою уверенность...

— Вы не хотите немного попить?

— Нет, ничего не хочу.

Жан ощупывает карман. Осталось всего два куска сахара. Может не хватить. Этот сахар, который он сгрызает в трудную минуту, — в некотором роде суеверие, своего рода самовнушение.

— Лонлас, пошли кого-нибудь за сахаром! Кусковым... в бар, в ресторан... быстро! Необходимо достать его, прежде чем снова начнётся!

— Кого послать?— спрашивает Лонлас.

— Сам сходи!

— Ладно, — отвечает Лонлас.

— Это очень важно! Рассчитываю на тебя... Шесть... восемь кусков! Прошу тебя, не поручай никому! Сам принеси, чтобы я не волновался.

— Лежите спокойно! Обещаете?

Лонлас бросает взгляд на свои часы: прошла уже половина перерыва. Он укрывает Жана, чтобы тело его не остыло, набрасывает плед на ноги, на грудь — пуловер.

— Сейчас вернусь!

Жан прислушивается к его торопливым шагам, удаляющимся по цементной лестнице.

Тишина. Снаружи доносятся голоса: толпа бурлит, движется, обсуждает. Этот гул, напоминающий отдалённое извержение вулкана, вскоре, когда он приблизится, сольётся в один крик, в один возглас радости или разочарования.

Недалеко от него — тоже звуки голосов: слышна иностранная речь. Друзья и советники Рейнольда окружили его. Что касается Жана, то он один на один со своей тревогой. Он ненавидит Рафаэля, но ему было бы необходимо его присутствие. А Рафаэль сейчас возле пострадавшей Женевьевы и, быть может, низко, лицемерно пользуется её мимолётной слабостью.

Дверь открывается. Кто это?

Два журналиста. Жан хорошо знает их.

— Можно войти?.. Мы хотим сказать вам...

— Нет!.. Нет!..

Журналисты делают вид, что не расслышали. Тот, что старше, рассыпается в бесконечных комплиментах. Все, что он говорит, он и в самом деле думает. Он так и напишет в своей газете. Жан сражался за Францию!.. Незабываемый день!.. Героические часы!.. Стереотипные фразы следуют одна за другой... За Францию? Действительно ли за неё сражался Жан? В таком случае Франция — это Женевьева!

— Оставьте меня, прошу вас! — говорит Жан.

Журналисты, добившиеся того, что хотели, выходят на носках, как из комнаты больного:

— Понимаем... Мы уходим... Мы вам не желаем под руку удачи... Вы одолеете Рейнольда!...

Они пытаются теперь пробраться в кабину американца, которому, по всей вероятности, скажут то же самое.

В коридоре слышен шум голосов.

Нет, нет, никого, больше никого!

Жан встал. Он — перед дверью и готов защищаться от вторжения. В эти минуты ему необходимо остаться наедине с самим собой:

— Нет! Нет! Нельзя!

Но дверь открывается — вернулся Лонлас... и с ним Рафаэль... В то время, как массажист ведёт переговоры с какими-то неизвестными, затем закрывает дверь на ключ, подходит Рафаэль. Они стоят лицом к лицу. Говорит Рафаэль. Он разражается потоком слов:

— Я должен поздравить вас, Жан!.. — Рафаэль берет его руку обеими руками и с подчёркнутой приветливостью трясёт её. — Вы были хороши! Великолепны! Третий сет... Конца я не видел... Я только что от мадемуазель Перро... пришёл сказать вам...

— Что с ней? — спрашивает Жан.

Но Рафаэль продолжает как заведённый:

— Вы одолеете Рейнольда! Вы всё время держали его в руках. Я не говорю о вашей минутной слабости, это бывает со всеми... Будь я там в этот момент, я посоветовал бы вам сделать то, что вы и сделали... Не напрягаться... Отдохнуть... Что за важность— проигрыш нескольких очков!.. Только конечный результат идёт в счёт... А он теперь в вашу пользу, этот результат... Вы гораздо сильнее Рейнольда!..

— Нет, — говорит Жан. — Не «гораздо». Но, полагаю, достаточно, чтобы выиграть, чтобы...

«Чтобы поехать в Австралию», — думает он.

— Я не видел всей игры из-за этого несчастного случая...

— С ней что-то серьёзное?

— Нет... Нет, — он усмехнулся. — Успокойтесь, жизни мадемуазель Перро опасность не угрожает. Всё время, все три сета я не присутствовал, но за то время, что наблюдал игру, смог всё же заметить... оценить... Рейнольд — стена. Он принимает мячи безотказно, из любого положения... Удар слева у него безукоризнен. Он напоминает мне удар Билла Тилдена, который у задней линии отбивал так с полулета. Не мне вам говорить о его ударе справа. Работа ног у него исключительная и очень быстрая. Вам удалось несколько обводящих ударов, но он перехватывал не раз. Низкий с лета у него превосходный, и по диагонали он бьёт неотразимо! Не легко переиграть такого молодца! Вы недостаточно пользовались свечой...

— Пробовал. Он отвечает смэшем, и, уверяю вас, это здорово у него получается.

— Нет, не так уж здорово. Ветер ему помогал. Поверьте, вы можете выиграть очки, заработать немало очков таким способом. Зато ему с вами не везёт, потому что вам удаётся замечательный смэш слева, который позволяет пропустить мяч и всё же отбить его. При свече вы выигрываете таким способом три метра. Рейнольду не посчастливилось обладать таким ударом...

— Да... Да... — отвечает Жан.

Рафаэль прав. Рейнольд отбил раньше свечу только потому, что ветер притормозил мяч. Жан было думал, что обвёл его... Неужели же Рафаэль и в самом деле хочет, чтобы Жан выиграл?

Конечно, разве может он желать другого! Ведь это его долг. Рафаэль — и долг.

Но вот он снова берет его руку обеими руками и с жаром трясёт её. С желанием убедить, в котором не чувствуется никакой фальши, он говорит:

— Вы выиграете, Жан! (он назвал его Жаном). Так надо! Сегодня вечером вы станете ведущим мировым игроком, и это после победы над Рейнольдом, первым номером Америки! Вы это можете. Так надо, Жан!

Каков бы он ни был, Рафаэль, но то, что он говорит, Жану очень важно. Он знает всё значение, которое Жан придаёт этой встрече, чем в точности она является для него... и для самого Рафаэля, если Жан выиграет. В отсутствие заболевшего Брюйона он исполняет обязанности капитана команды. Чтобы выполнить свой долг, он пришёл влить уверенность в Жана. Это хорошо и имеет немалое значение для игрока, в особенности если принять во внимание, что Рафаэлю известны все данные проблемы. В конечном счёте, быть может, он и порядочный человек, и если они в Австралии окажутся вместе, Жан согласен на равных началах разыграть партию, ставкой в которой является Женевьева. Победит тот, кто окажется лучшим. Жан говорит:

— Спасибо, Рафаэль! Думаю, если ничего серьёзного со мной не случится, я смогу побить Рейнольда. Вы совершенно правильно подсказали мне насчёт свечей... Я воспользуюсь этим указанием... и выиграю четвёртый сет... Мы выиграем полуфинал. И там, в Сиднее, финал... и Кубок... Положитесь на меня!..

Рафаэль ликует. Он дружески крепко хлопает Жана по спине:

— Да-да, финал... в Австралии. Вы выиграете его... И вы привезёте кубок во Францию... снова он будет у нас, как во времена «мушкетёров»— Боротра, Лакоста, Брюньона, Коше!.. Вы достойны их!.. Достойны стать их продолжателем...

Как приятно услышать то, что говорит Рафаэль! Он первый заговорил об Австралии, куда Жан, если победит, поедет... последует за ним и Женевьевой... Волна счастья прихлынула к его сердцу. Конечно, он выиграет!

— А... мадемуазель Перро?— спрашивает Жан.

— Вот как обстоит дело, — отвечает Рафаэль, который, чтобы придать себе серьёзный вид, морщит лоб. — Она так нелепо упала во время игры с мадемуазель Ван Оостен, в первом сете... Обыкновенное падение, самое обыкновенное... потеряла равновесие... Мяч, который она не ожидала, но всё же могла бы взять... если бы не упала на бок... Она не смогла продолжать!..

— Вывихнула ногу?

— Нет. Она упала на руку... неудачно.

— Удивительно, — как раз это и привиделось Жану, — на руку! Рафаэль продолжает:

— Понятно, я при этом не присутствовал. Смотрел, как вы играли. За мной послали... Она была уже на перевязочном.

В точности как померещилось Жану: рана на ладони, красное пятно хромистой ртути, растёкшееся по всей ладони до основания пальцев...

— Сразу же позвали врача. Он пришёл, когда я был ещё у неё.

— Обидно! — сказал Жан. — Она могла разнести Ван Оостен как хотела!

— Конечно! Она вела со счётом 4:0.

— Вот и финал... Кубок Санджерса... раз в жизни представившийся случай...

— Да, так-то! — говорит Рафаэль.

— И она не была в состоянии держать ракетку?

— Об этом не могло быть и речи!

— Страдала?

— Очень. Ей, впрочем, сделали даже укол...

— Ах! Пришлось?

— Знаете, ведь когда перелом... — замечает Лонлас.
— Перелом?! — почти вскрикнул Жан.
Рафаэль опускает голову. Видимо, злится на Лонласа за то, что он проболтался.
— Да. Кисти... — нехотя подтверждает он.
— Кисти?
— В трёх местах, — говорит Лонлас. — Только что, когда я ходил за вашим сахаром, я встретил врача.
— Но... значит... — произносит ещё Жан.
— Значит, — подхватывает Лонлас, так как Рафаэль упорно отмалчивается, — она теперь на два месяца скована, в гипсе... и затем понадобится ещё по меньшей мере шесть месяцев, прежде чем сумеет взяться за ракетку, чтобы выступить в каком-нибудь турнире.
Рафаэль предупреждает Жана:
— Я не хотел говорить... Не хотел, зная ваши... дружеские чувства к ней, это известие могло вас расстроить, растревожить к концу игры... к концу этой столь ответственной, самой серьёзной встречи, какую вам приходилось когда-либо проводить...
— Вы не хотели, — кричит Жан, — чтобы я знал перед игрой, что Женевьева получила повреждение, что на протяжении месяцев она лишена возможности играть, не в состоянии поехать в Австралию!.. Вы сказали себе: он разделается с Рейнольдом. Он выиграет, Жан поедет, а она останется!.. И вы, вероятно, устроились, чтобы тоже остаться?! Даже если ещё не сделали этого, найдёте в последнюю минуту причину, предлог, чтобы федерация заменила вас и вы могли остаться подле неё!..
— Гренье, прошу вас, не время сейчас!..
— Вот, значит, почему так внезапно вам захотелось, чтобы я выиграл!..
— Прошу вас, замолчите!.. У меня лишь одна забота — спорт.
— Спорт!. Вы заботитесь лишь о самом себе! И не стесняетесь в средствах, чтобы достигнуть цели!
У Жана вырывается рыдание, слезы брызжут из глаз. Как он молод ещё, наивен!
— Подлец! Подлец! — кричит он.
Лонлас пытается его успокоить. Жан отбивается, хочет отделаться от него, возвращается к Рафаэлю.
— Вы с ума сошли, Гренье! — говорит Рафаэль. — Если бы вам не предстоял столь ответственный матч, я бы вам не простил этих слов. Мадемуазель Перро получила повреждение. Это так. И в Австралию она не поедет. Но, помилуйте, разве это моя вина? Разве я её толкнул?
Да, дело обстоит гораздо хуже — судьба против Жана. После стольких усилий, такой затраты энергии, в момент, когда победа у него почти в руках, победа, которая помогла бы ему обрести Женевьеву, — и вот та же победа отнимает её от него безвозвратно! Выиграть теперь— это уехать, расстаться, это потерять её. Нет, не надо выигрывать, незачем больше выигрывать!..
— Сволочь! — сквозь стиснутые зубы цедит Жан. — А что, если я дам себя побить?
Рафаэль пожимает плечами:
— Я хорошо знаю вас, Жан. То, что произошло, ничего не меняет. Вы будете играть, как должно, и победите Рейнольда.
— Нет! — твердит Жан. — Нет!
— Кубок этот — нежданный, негаданный шанс в вашей жизни. Победив, вы становитесь знаменитостью...
— Что мне за радость?
— Вы будете сражаться вовсю и одолеете Рейнольда. Вы ведь порядочный человек, Жан!

Дверь открывается. С ракеткой в руке появляется Рейнольд. Жан берет свою.
— Господа, — произносит кто-то, — перерыв кончился!
— Ведь вы порядочный человек, — вполголоса повторяет Рафаэль.
Не глядя на него, Жан отвечает:
— Вы так уверены?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Четвёртый сет

Зелёное полотнище, скрывающее от публики игроков, подымается. Оно как бы разрывается, чтобы освободить проход. Все головы поворачиваются к ним. В каком они состоянии? Одним взглядом зрители пытаются определить степень усталости, пользу, которую они извлекли из отдыха.

Рейнольд шагает немного впереди, с вечно обёрнутым вокруг бычьей шеи мохнатым полотенцем. Он ещё красный, но не такой, как раньше.

Гренье — бледный. Можно подумать, что сердце его перестало биться. Он приближается к своей стороне корта, двигаясь, как лунатик. Судья с трудом — он очень толстый — подымается на свою вышку, приспосабливает микрофон, устраивается. На башенке, где отмечаются результаты, потрескивает громкоговоритель.

— Четвёртый сет! — объявляет судья.

Солнце скрылось. Свинцовые тучи собираются на горизонте, приближаются уже к стадиону. Только бы не начался дождь! Как в пятницу, когда Франкони и Рейнольду пришлось прервать встречу.

Жан Гренье, это несомненно, в тяжёлой борьбе возьмёт четвёртый сет. Сжатые челюсти говорят о его решимости. Быть может, она и вызывает такую бледность на его лице.

Судья, выпивший в перерыв ледяной воды, чувствует, что охрип, и откашливается в платок:

— Четвёртый сет! Встречаются господин Жан Гренье — Франция — и господин Рейнольд — США. Счёт партий два — один. Ведёт Жан Гренье.

Когда Жан проходил к своему месту, он не заметил и не слышал Гийома. Раньше, когда он проходил здесь по окончании третьего сета, Гийом напрасно пытался пробиться к нему и, стоя, от всего сердца кричал: «Давай, Жан! Давай!»

— Подача Гренье!

Мальчик от задней стенки подаёт мячи. Машинально Жан принимает их и поворачивается к противнику. Он приближается к белой линии, по привычке бросает на неё взгляд, чтобы не сделать зашага, и готовится левой рукой подбросить мяч над головой. Правая рука, в которой он сжимает ракетку, уже занесена за спину.

Четвёртый сет! Выиграть — это... это потерять Женевьеву!

Он играет, и хорошо играет. Жан ещё не принял, не смог принять решения. Вопрос в конечном счёте в том, что возьмёт в нём верх: любовь или чувство ответственности, достоинства игрока, душевная прямота. Перед ним уже стоит совершенно другая проблема. Все предыдущие данные изменились, приобрели обратную силу. Бог мой! Как тяжело!

Пока что ничего существенного не происходит. Рейнольд, как и он, старается найти ритм, темп. Их мышцы должны разогреться, обрести прежнюю эластичность и пружинистость. Жан, кажется, быстрее приноравливаться к действию.

Мячи Рейнольда ещё очень слабы, неточны. Есть возможность выиграть игру. Тридцать очков уже в пользу Жана. Есть возможность выиграть и третий мяч и вести со счётом сорок — ноль. Тем не менее он не пользуется этим.

Что же случилось с ним? Сам он вряд ли сумел бы ответить. Результат уже был у него в руках, но он отбил мяч в сетку. Неужели нарочно?

Нет, это невозможно! Перед перерывом, в момент слабости, он сумел побороть искушение и не прибегнуть к некорректным методам. Неужели же теперь сознательно, добровольно он откажется от возможности выиграть очки, игру, сет... встречу? Неужели же он, Жан Гренье, поступит так?

Да, он поступит так. Если он этого не сделает, то победит Рейнольда и вынужден будет уехать за океан, чтобы использовать открывающуюся перед ним возможность. Всё это время Женевьева будет с Рафаэлем. Ведь когда Жан сказал ему, что видит его насквозь и знает, что Рафаэль воспользуется любым предлогом для того, чтобы федерация заменила его в этой поездке Стефеном или другими (ведь немало людей привлекает такая поездка), тот не отрицал этого. Ведь он имеет дело с Рафаэлем. А Рафаэль способен на все. С такими людьми, как Рафаэль, надлежит использовать любое оружие. Иначе их не победить.

Как жаль всё же! К Рейнольду ещё не возвращаются силы, которыми он обладал в третьем сете! Жан мог бы сразу же закрепить за собой столь значительное преимущество, что тому уже не наверстать. Но, черт возьми, чего же Рейнольд не играет?! Пусть превзойдёт его на поле и победит. Это было бы наилучшим выходом. Жан смог бы честно драться. Если он проиграет, то лишь потому, что Рейнольд окажется сильнее его, а не потому, что ему так нужно, чтобы не потерять Женевьеву.

Становится душно, тяжело дышать. Вдали слышны раскаты грома. Не это ли действует на Рейнольда, парализует его? Впрочем, он привык к удушливому калифорнийскому зною. О, если бы Рейнольд мог снова играть как раньше!

Но Рейнольд не входит в форму. Он продолжает делать ошибку за ошибкой. Грубые ошибки. Он потеряет эту игру!

Нет: Жан бьёт «за». О, самую малость! Но можно было бы сказать, — его рука хотела этого. — Ровно!

Ну, Рейнольд, в твоих руках победа! Ты имеешь перед собой человека, который думает лишь о том, чтобы сложить оружие, — бедного, терзающегося парня, готового отречься, игрока, стремящегося к собственному поражению и бесчестью. Один только он будет знать об этом, но это-то и будет ему всего горше.

— Мяч Рейнольда — больше!.. Игра!.. Счёт один — ноль. Ведёт Рейнольд!

Толпа молчит. На её плечи тяжёлым грузом ложится предгрозовая атмосфера этой нудной партии, в которой ничего не происходит. Рейнольд, Жан снова обмениваются мячами. Можно подумать, что тот и другой потеряли интерес к игре, Где тот блестящий теннис, показанный ими в третьем сете, — игра, в которой оба противника до последней секунды боролись друг с другом и в фейерверке ударов нельзя было определить, кто из них побеждает? Рейнольд играет теперь хорошо. Тем лучше!

Он подряд выигрывает три мяча. «Все же пожелай я...»— думает Жан.

Он хочет и может. Ему удаётся удар, вызывающий у толпы взрыв восторга. Горечь комком подкатывается к горлу: «Я могу выиграть!» Но он снова подчиняется внутреннему саднящему приказу: «Ты должен проиграть!»

Чем дальше, тем больше в Жане крепнет это убеждение. Он делает что хочет. Всё удаётся ему. Заранее, с точностью до одного сантиметра, он может сказать, куда пошлёт мяч. Он делает с ним что вздумается. Ему случается теперь сильно рисковать, — и всё же он выигрывает. Какая ирония — эти выигрыши!

Рейнольд убыстряет темп. Ничего гениального во всем этом нет. Чисто классический размен мячами. Толпа не выражает энтузиазма. У неё сознание, что перед ней сейчас происходит лишь очень красивая демонстрация. Безусловно, игра мастеров. Но у неё всё же чувство, что этой игре не хватает души.

Жан играет хорошо. И всё же без большой борьбы он проигрывает.

— Счёт три — ноль! Ведёт Рейнольд!

Рафаэль побыл немного на трибуне для игроков. Рафаэль хорошо знает себя, не заблуждается насчёт своих поступков. Но он тоже любит Женевьеву, хотя и на свой манер. Он сделал ставку на Жана, на его порядочность, на его прямоту. Но вот Жан проигрывает! И Рафаэль, в точности знающий ему цену, догадывается, что это преднамеренно: «Порядочный человек! Вы в этом убеждены?»

Итак, значит, Жан стремится к поражению? Сознательно пренебрегает раз в жизни представившимся шансом? Он даже не защищается. Рафаэль, как парадоксально это ни покажется, по-настоящему возмущён. Он знает, чего сам стоит. Но именно поэтому он ставил Жана выше себя. И теперь испытывает досаду. Злоба поднимается в нём против этого парня, который надул его, издевается над ним; злоба также за то, что обманулся, твёрдо поверил, что завоевание этого Кубка и удовлетворённое тщеславие должны, во всяком случае, так или иначе возобладать в Жане над его любовью к Женевьеве.

Женевьева! Надо её проведать, надо пойти сказать ей!

Он уходит с трибуны. Проходит по тёмному коридору. Вот и перевязочный. Она лежит на носилках возле белого лакированного стола, на который положила руку в лубках.

Женевьева подымает голову, спрашивает:

— Ну?

У Рафаэля не вызывает сомнения ни то, что она хочет знать, ни вопрос, который он читает в глазах Лонласа.

— Счёт в четвёртом сете три — ноль.

— Кто ведёт?

— Рейнольд.

— У него такой перевес?

— Нет. Но Жан проигрывает.

— Как?

— Возможно, он сам этого хочет...

— Почему?

— И вы спрашиваете!..

— Нет, — говорит она, — это невозможно!

— Между тем это так!

— Преднамеренно?

— Разве у него есть другой способ остаться во Франции?

— Я знаю его, — говорит она. — Жан не сделает этого. Он на это не способен!

И в тот же момент у неё мелькает мысль: «А что, если это из-за меня?» Она опускает голову.

— Вам больно?— спрашивает Рафаэль, указывая на её разбитую кисть, которую она инстинктивно придерживает второй рукой.

— Нет! — с жестом досады отвечает она. Он умолкает.

Она взрывается.
— А я прикована здесь этим врачом и не могу пойти посмотреть, что происходит!
— Он вам сделал укол, — говорит Рафаэль. — Он строго запретил...
— Вы не думаете, что я бы смогла...
Она делает попытку встать. Осторожно он снова заставляет её лечь.
— Отсюда ничего не слышно! — говорит она. — Если бы меня перенесли в такое место, откуда по меньшей мере я могла бы слышать громкоговоритель... Нет ли помещения... с окном?..
— Вы ведь хорошо знаете, что нет такого помещения, которое выходит на «центральный».
— В таком случае я пойду...
— Нет! — удерживая её, восклицает Лонлас. — В баре есть маленький портативный приёмник. Я попрошу мадам Фремон одолжить его. — Он оглядывается вокруг и добавляет: — Да, здесь есть ламповый патрон, чтобы подключить его.
— Прошу вас, Лонлас, поторопитесь!
Оставшись вдвоём, Женевьева и Рафаэль погружаются каждый в свои мысли.
В перерыве, немедленно осведомлённый о ходе соревнований, Рафаэль сообщил ей, что Жан ведёт во встрече с Рейнольдом со счётом сетов два к одному.
Приходившие проведать её, допущенные к ней по своим служебным обязанностям рассказали ей, как протекал сет и как Жан играл и победил. Все, и Рафаэль более других, выражали уверенность в окончательном результате, который мог быть лишь в пользу Жана Она слишком часто играла с ним в паре, разделяла его надежды (как и он её), чтобы со всей силой не желать ему этой победы. Она не знала, любит ли Жана, но уже отдавала себе отчёт в том, сколько вещей связывают их! В тот день она заупрямилась, во-первых, потому, что его признание было для неё неожиданностью. (Таким ли оно было для неё неожиданным?) Во-вторых, потому, что, балованный ребёнок, она не могла вынести, чтобы он навязывал ей свою волю, принуждал к столь поспешному решению. Ведь она ещё не знает, не может знать!. Какой он цельный, Жан! Прямой! Нет, нет, это невозможно! Из-за неё он не обманет все надежды, которые на него возлагали! А если это всё же так? Возможно, Рафаэль сказал правду?.. Если бы она находилась на трибуне, над «центральным» (как в начале матча, когда она притаилась в пасти входа, на последней ступеньке, в таком месте, что Жан не мог её видеть, и наблюдала его игру), она бы сразу знала, что происходит с ним. Она так хорошо понимает, что творится в его душе!
— Но, в конце концов, — произносит она вслух, — он не сделает этого!
— О, вы так думаете? Разве не ясно: если он выиграет, то поедет в Австралию. А произошедший с вами несчастный случай не позволяет вам отправиться туда. И сам я тоже не поеду: не хочу разлучаться с вами...
— Не надо было ему говорить, что у меня перелом кисти!
— Вы думаете, это было бы честнее? Да и не я, а Лонлас проговорился!
— Нет! — настаивает она. — Я знаю Жана. Он не сделает этого...
— Сделает... из-за вас! В конечном счёте это должно вам льстить! — язвительно усмехается он.
— Нет! — снова повторяет она, как бы сама убеждая себя в этом.
— Он сам сказал мне о своём намерении!
— Я вам не верю!
— Когда возвращался на «центральный»... Спросите Лонласа! Вероятно, и он слышал.

— Неужели правда? Рафаэль с горечью продолжает:

— И он назвал меня подлецом!.. Думаю, после всего этого подлецом-то оказывается он!

— Почему?— с логикой и непоследовательностью, свойственной женщинам, спрашивает она. — И нужно ведь было случиться в четверг этой сцене!

Произнося это, она в тот же момент убеждает себя, что ещё подлее обоих этих мужчин. Тот и другой — в особенности Жан, — по крайней мере, не пытаются лукавить, любой ценой стараются найти решение вопроса.

Тысячи различных противоречивых мыслей толпятся в её голове: «Жан поступает так из-за неё... Он поступает нехорошо, недостойно... Нет, героически!.. Рафаэль любит её. Естественно и вполне человечно, что он хочет разлучить её со своим соперником... Поведение его алогично... Нет, мерзко!.. Она больше не знает, что думать. Больше не верит ни в кого...»

— Лонлас! Лонлас!

Он прибегает. В руках его маленький приёмник из бара, под музыку которого часто после банкетов во время чемпионата они, Рафаэль и она, Жан и она, танцевали в большом зале.

— Живо, Лонлас!

Он хлопочет, запутывается в проводе антенны. Наконец подключение сделано. Лампы начинают нагреваться. Ничего не слышно. Потрескивание. Ещё более нестерпимое молчание.

И внезапно, чересчур громко, так как Лонлас повернул до предела рычажок, раздаётся громовой голос диктора:

— Принимает с лета... Выходит к сетке... Мяч отбит... В свою очередь Рейнольд отражает... Последние моменты игры он — в наилучшей форме!.. Жан Гренье отбивает!.. Рейнольд возвращает по диагонали...

Оглушительное «Ах!» толпы раздаётся из громкоговорителя.

— Гренье принял низкий с лета... Он посылает мяч... совершенно лёгкий мяч в сетку...

Молчание, Голос судьи. Но нельзя различить, что он говорит.

— Счёт в пятой игре сорок — пятнадцать! Ведёт Рейнольд!

— Счёт сетов? — нетерпеливо спрашивает Женевьева. Другие двое пожимают плечами. Они знают не больше её.

— Гренье подаёт... Браво!.. Мяч неотразим!.. Рейнольд только кланяется ему... Вы слышите аплодисменты толпы!.. Тридцать — сорок!.. Гренье может ещё сравнять... выиграть эту игру... У него великолепные удары!.. Затем неизменно он теряет другие... Вот картина этого сета, столь разочаровывающего сета, в особенности после замечательной игры, которую нам довелось наблюдать в третьей партии. Но, напоминаем, идёт лишь четвёртый сет! Если Гренье потеряет его, будет разыгран пятый... Не всё кончено...

Всё же голос диктора бесстрастен и не выражает никакого энтузиазма. Женевьева даже лучше, чем если бы она присутствовала при игре, ощущает её атмосферу. Капли пота показались на её лбу, рука болит. Рафаэль шёпотом повторяет:

— Подлец... подлец...

Что делать? Женевьева находится тут, но она не может ничего поделать. О, Жан! Ты готов пожертвовать всем, о чем мечтал! Надо выиграть! Ради меня, Жан! Я так хочу! Потому что обещание, которое ты просил меня дать в четверг...

— Игра!..

И на этот раз в мертвенной тишине отчётливо громко раздаётся из приёмника голос судьи:

— Счёт в четвёртом сете пять — ноль! Ведёт Рейнольд!

Отчаяние охватывает Женевьеву. Итак, все надежды, которые в течение многих лет возлагали на этот день, рушатся, и всё по её вине! Это из-за неё Жан даёт себя побить. Из-за неё!

Нет, ради неё! А это не одно и то же.

Она знает его. Смогла с первой же встречи оценить. Во время совместных матчей и интернациональных встреч его воля к победе и вера в благоприятный исход соревнования, его порядочность, как партнёра, воодушевляли её и принесли ей победу. Это позволило ей оценить его моральные качества, те качества, которые в первую очередь идут в счёт.

Итак, чтобы не потерять её, он готов пожертвовать всем, что у него есть лучшего, пожертвовать своим самоуважением и достоинством, своей верой в спорт, где, по его убеждению, побеждает лишь наиболее честный, стойкий, не идущий ни на какие увёртки.

Она больше не слышит голоса диктора, прилагающего все старания к тому, чтобы заинтересовать слушателей. Результат уже не вызывает сомнения. Ею овладевают тревожные мысли.

Она корит себя за легкомыслие. Не так уже много мужчин, достойных стоящей женщины. Но стоящая ли она, Женевьева? Разве не давала она себя увлечь ложной приманкой, одной только видимостью? Разве не флиртовала она только с богатыми молодыми людьми? Разве взглянула она хоть раз на тех, у кого не было своей машины, на скромных, не сорящих деньгами молодых людей? Разве пыталась она узнать им настоящую цену?

Вот и Рафаэль! Подумала ли она, когда позволила ему поцеловать себя? Или она любит его? Нет, она хорошо знает, что это мимолётное увлечение, это чувство, в котором она хотела убедить себя, не выдерживает сравнения с тревогой, охватившей её сейчас, при мысли об унижении Жана, о возможной потере этого прямодушного человека.

В том, что Рафаэль дорожит ею, удивительного ничего нет! Ведь в общественном отношении она принесёт ему столько недостающих ему благ! Разве не вправе он, подобно многим другим, стремиться заключить брак по расчёту? Любые узы с Жаном — безрассудство. Ну и пусть! Зато — с Жаном!..

Такая мысль приходит ей впервые. Быть может, она начинает яснее разбираться в своих чувствах. Одновременно в ней растёт негодование против Жана за то, что он идёт на поражение, и в то же время сердце её тает при мысли, что это из-за неё.

Рафаэль застыл возле неё. Она смотрит на него и как бы замечает его впервые. Молниеносно в ней возникает сознание, что он за человек. Все поступки его приобретают определённый смысл, определённое значение. В ней вспыхивает бешеная ненависть к нему. Она не в состоянии вынести его присутствие. Вот оно, доказательство чувства, которое она испытывает к Жану! Но Женевьева не сознает ещё этого. У неё вырывается:

— Уйдите!.. Уйдите!..

Ошарашенный, Рафаэль поднимает на неё непонимающий взгляд.

— Уйдите!.. Видеть вас не могу!

Нервы сдают. Она сейчас заплачет. Смехотворно. Мгновение они смотрят друг на друга. Она не сознает уже, что говорит.

— Уходите! Не выношу вас! Это ваша вина!..

Есть что-то нелепое, неоправданное в этой чрезмерной вспышке злобы. Она больше не хочет его видеть, человека, по вине которого Жан унижается, отрекается от себя. Пусть подчинится... Пусть уйдёт... В его годы достаточно знают женщин, чтобы понимать, что надо дать пронестись грозе. Он знает, что в конечном счёте, когда Жан потерпит поражение, она будет презирать его и перед ним, Рафаэлем, снова откроется возможность...

Желая избежать открытого столкновения, он удаляется. Делая это, он всё же перед уходом пытается изобразить на своём лице заботу.

— Нуда... ну да... Я понимаю вас, Женевьева. Вам нужно остаться наедине с собой... Нервы сдали. Я достаточно дорожу вами, чтобы понять ваше состояние!

— Да уходите же! — кричит она.

Безмолвно Лонлас хочет последовать за ним. Но она умоляет его:

— Нет-нет!.. Не оставляйте меня одну!..

Дверь захлопнулась. Растерянный, смущённый, Лонлас не уходит. Он очень хорошо относится к Женевьеве, но сейчас в недоумении. Наверное, всему виной несчастный случай, укол, — нервы женщин так легко сдают!

Резкий голос диктора снова нарушает тишину:

— ...и этим ударом заканчивается четвёртый сет. Рейнольд выигрывает его с совершенно неожиданным счётом: шесть игр к одной, единственной выигранной Жаном Гренье... Угроза дождя становится всё явственнее... Сейчас же, без промедления, будет разыгран пятый, последний сет... Напоминаем: оба противника выиграли каждый по два сета. Итак, в этой удивительной встрече, где мы то и дело переходили от надежды к горькому разочарованию, исход соревнования решит пятый сет. Совершенно несомненно последний сет Гренье играл значительно ниже своих возможностей. Но мы все хорошо знаем его и знаем, что он человек, не теряющийся даже в отчаянном положении. Он способен превозмочь временную слабость, может ещё выиграть... Достаточно лишь, чтобы он захотел!..

Да, он способен; и это необходимо.

— Лонлас!

— Да, мадемуазель?

— Лонлас, бегите скорей!.. Найдите Жана... Быстро!.. Прежде чем он начнёт... Скажите ему...

— Рейнольд подбирает мячи.. Он сейчас будет подавать... Подаёт... — произносит голос диктора.

— Поздно! Поздно!

И Женевьева опускает голову на здоровую руку. На этот раз она и в самом деле плачет. И это настоящие слезы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пятый сет

Лонлас понимает, что надо оставить её одну. Он всегда чувствовал себя безоружным перед женскими слезами. Изойти кровью, отдать всего себя в беге на десять тысяч метров, — это он мог, но он не натренирован на большие дистанции горя. Это не его специальность. И он не настаивает.

Она остаётся одна. Рука болит. Но ещё сильнее болит другая рана, более глубокая, труднее переносимая, чем физическая боль.

Женевьева не в состоянии ничем помочь Жану.

И быть может, так лучше.

Успей Лонлас вовремя предупредить его, поражение, победа стали бы предметом торга. Теперь она знает, что любит его, и горячо желает, чтобы в сердце его одержало верх(даже над любовью!) то, что должно быть сильнее этого чувства, — прямота, порядочность, верность спортивной присяге, которую он дал, когда согласился воспользоваться своим шансом и выступить за свою страну.

Всё теперь в его руках. Счастье их окажется под стать тем подлинным качествам, которые он сумеет проявить. Жребий брошен. Слышен лишь голос из приёмника, искажённый голос, взволнованной скороговоркой произносящий обрывочные фразы, рассчитанные на

массового слушателя. Но фразы эти не звучат нелепо. Так волнующа разыгрывающаяся драма, ставшая личной драмой и для Женевьевы.

— ...выглядит сильнее, чем когда-либо... Такое впечатление, что он хочет закончить, и чем скорее... ибо уже упало несколько капель... Подача Рейнольда... Мяч неотразим... Он ведёт со счётом тридцать — ноль... Впечатление — точно Гренье выбит из колеи... лишён всякой реакции... Неужели он отдаст этот сет, как отдал последний?.. Рейнольд подаёт в третий раз...

Жан! Жан! Знал бы ты, насколько Женевьева мыслями с тобой, с каким жаром думает о тебе! Решение она приняла. Но хочет, чтобы ты был таким, каким она тебя вообразила и видит в своих мечтах. Она забыла о больной руке и подобна сейчас японским прыгунам на олимпийских играх, которые произвели на тебя такое впечатление. Как и они, Женевьева внутренне молится. И это за тебя она молится.

— ...Третий мяч Гренье отбивает исключительным ударом!.. Рейнольд едва-едва принимает... Гренье выходит к сетке... Не отходит от неё... Рейнольд прижат к задней линии... Пытается обвести его свечой... Гренье впервые за игру бьёт смэш и... убивает мяч... Вы слышите крики толпы...

— Сорок— пятнадцать! — объявляет судья. Снова подключается диктор:

— ...На этот раз, кажется, Гренье решил не уступать... Он то яростно бьёт, то прибегает к обводящим ударам... О! Он вынудил Рейнольда выйти к сетке!.. Вот он даёт свечу... Мяч в меру высокий... Американец не поспевает за ним... и он падает на заднюю линию... Рейнольд снова подаёт... Гренье отбивает... Рейнольд бьёт вдоль коридора... С удивительной силой и точностью Гренье отражает ударом слева. Рейнольд принимает... Нет, поздно!.. Мяч в сетке... «Ровно»!

Приглушенный голос судьи повторяет: «Ровно!»

...Первый мяч Рейнольда — «нет»!.. Второй мяч такой же стремительный... Но это явно не смущает Жана Гренье...

Он выходит на него и атакует. Рейнольд в свою очередь пытается обыграть его свечкой... Мяч его падает... вне досягаемости Гренье... Но нет!.. Последний вполоборота отбивает своим знаменитым смэшем слева и одновременно подрезает его... Сильно срезанный мяч попадает на стороне Рейнольда в правый угол... как бы скользит в пыли сухой площадки... Рейнольд коснулся его, но мяч умирает у него на ракетке... «Больше»! Гренье ведёт в этой первой волнующей игре пятого сета!.. Подача Рейнольда...

Из приёмника раздаются крики толпы. Они разносятся и покрывают голос диктора. Последний почти орёт, стараясь, чтобы его слышали:

— Мяч стремительно отбит!.. Неотразим!.. Гренье выигрывает игру... Вы слышите возгласы толпы!

Неужели правда? Женевьеве ещё не верится. Неужели Жан наконец сделал выбор, снова обрёл себя?

Да... Теперь он хочет победы. Он будет сражаться до предела своих сил. Она убеждается в этом по небольшой детали, о которой говорит диктор:

— ...Гренье приготовился к подаче... Но что он делает, прежде чем подобрать мяч? Вы знаете его манию, — он сгрызает кусок сахара!.. Как если бы кусок сахара...

Кусок сахара! Значит, он напряг всю свою волю. Значит, он решил выиграть!

— ...Гренье подаёт... Впечатление, что он снова полон решимости... Вероятно, раньше им владела мимолётная слабость... Он играет в совершенстве!.. Он не мажет ни одного своего пушечного удара. Рейнольд едва-едва в состоянии принять их и слабо отбить! Вы слышите крики? Американец проиграл три мяча подряд... Но вот он выигрывает мяч. На этот раз он тоже играет как нельзя лучше... Навёрстывает... Счёт сорок—тридцать!.. Гренье подаёт...

Женевьева вскакивает. Она забывает о своей боли. Она переживает каждый удар, каждый обмен мячами, как если бы её собственное существование зависело от этого. Её существование? Ну да! На сей раз в этом нет больше никакого сомнения. Жан может выиграть, — ничто не изменит её решения.

Счёт в последнем сете два — ноль. Ведёт Гренье. Голос диктора звучит, как труба, как весть о победе.

— Подача Рейнольда!..

Тишина. Звук удара по мячу. Крик толпы. Рейнольду тоже удалась неотразимая подача. Слышны хлопки. Ещё раз звук удара по мячу, заставляющий вибрировать натянутые струны ракетки. Долгий размен Жан. Рейнольд. Жан. Ещё Рейнольд. Жан. Рейнольд. Затем темп ускоряется, становится более прерывистым. Головокружительная быстрота. Ещё последний возглас. Жан снова с успехом использует свечу. Но вот силы уравниваются. Противники пытаются вырвать друг у друга столь дорого стоящие очки. Человек у микрофона задыхается, сыплет беспорядочными словами, пытаясь объяснить, рассказать, что он видит, чувствует чем хочет поделиться с миллионами, которые слушают его во всеммире.* * *

На «центральном» схватка Рейнольда с Жаном продолжается. Каждый понимает теперь, во что вылилась эта борьба. Ничто из того, что произошло до сих пор в продолжение четырёх сетов, уже не в счёт. Предыдущие сеты вычеркнуты, как если бы двухчасовое сражение не имело места. Напоминает о нём лишь огромное количество израсходованной энергии, выражающееся в истощении игроков.

Издалека ещё раз доносятся раскаты грома. Ни дуновения, воздух недвижим. Звуки ударов, возгласы толпы, малейший звук: шум скользящей по цементу ноги, шорох скомканной бумаги, потрескивание деревянного стула — гулко разносятся в тиши. Выпавшие несколько минут назад большие капли оставили в красной пыли корта небольшие воронки. Небо над стадионом всё ещё таит угрозу. Быстро! Нужно действовать быстро!

Рейнольд, так легко разделавшийся с Гренье в четвёртом сете, чувствует приближение опасности. Все его предыдущие безрассудные усилия сведены на нет; ему ясно: всё начинается сначала.

Со своей стороны Жан затягивается в броню. Воля к победе возвратилась к нему. Он разобрался в себе и, что бы ни случилось, уже не отступится, дойдёт до конечной цели, внезапно ярко вырисовывавшейся во мраке. Только такая конечная цель может быть истинной. Он теперь — пучок сил, собранных воедино и направленных к одной цели. Отличный мастеровой, знающий своё дело, каковым он является, Жан доведёт своё дело до конца. Впрочем, ему не возбраняются и проблески гениальности.

Он мобилизует все, что составляет его моральную силу. Тело его должно подчиниться этой силе. Он бросается на штурм, чтобы победить, сильный уже тем, что одержал победу над собой.

Перед ним Рейнольд. Это уже не Рафаэль, а Рейнольд. Сильный Рейнольд. Рейнольд, полностью отдающий себе отчёт в ожидающих его трудностях.

И такого-то Рейнольда необходимо сразить. Трудно будет! Надо действовать сначала ударами тарана, затем подтачивать. Это одновременно силовая и тонкая работа. Надо использовать весь свой опыт, и использовать его в надлежащий момент, не иначе. Нужно без передышки, не покладая рук, разрушать стену, отсылающую мячи, пока, наконец, она не рухнет.

Рейнольд с отчаянием цепляется за ускользающую победу. Он знает, что нельзя уступать эту третью игру. Жан уже ведёт со счётом два — ноль. Сейчас решающий момент всей встречи. И вот снова противники идут нога в ногу. Моментами то один, то другой вырываются вперёд; сейчас же партнёр нагоняет его. Затаив дыхание, зрители на трибунах привстали. Они понимают всю остроту происходящей схватки и, не сводя глаз с корта, неотрывно следят за ней.

Рейнольд отдаёт все, что может. Приходится и Жану отдавать всего себя. Высокий мяч! Рывок — Жан использует всю свою пружинистость и взлетает. Но вот в то время, как он находится в воздухе, изо всех сил бьёт и убивает мяч, острая боль, подобная ожогу, пронизывает бедро.

— Игра! Счёт три — ноль. Ведёт Гренье.

Но Жан, ощущающий в бедре простреливающую боль, с отчаянием сознает, что эта игра, вероятно, последняя, которую он берет.

А там, на перевязочном, Женевьева приходит в удивительное возбуждение: Жан ведёт, он выиграет!

Начинается четвертая игра. Взволнованно она слушает голос, раздающийся из приёмника:

— Подача Рейнольда. Первый мяч... «Нет». Второй слабее, переходит через сетку. Гренье принял его, как будто лишь с тем, чтобы отбить «за». Что с ним? Вторая подача Рейнольда. Гренье принимает. Рейнольд бьёт прямым плоским. Гренье принимает... О! Рейнольд неотразимо обвёл его!.. Он ведёт со счётом тридцать — ноль...

Затем, ещё до того, как снова начинает говорить диктор, доносится возглас «Ах!» поражённых зрителей. И сразу же снова голос диктора:

— Рейнольд выигрывает третий мяч. Гренье не смог принять прямой плоский, который Рейнольд послал в левый угол. Гренье как будто внезапно расслабился... Но не волнуйтесь! Он так хорошо играл в начале этого сета!.. Нет основания терять надежду. Такое впечатление, что он намеренно отдаёт эту игру... Должно быть, он хочет перевести дух, немного отдохнуть...* * *

Забыв о боли, Женевьева вскакивает. Она наклоняется к радиоприёмнику, она хочет лучше слышать, лучше разобрать слова. В душе Женевьевы разыгрывается драма Жана. Она толкует её по-своему. Её охватывает отчаяние. Что случилось? Неужели он снова отказывается от победы?

— Рейнольд выигрывает игру. Но ведёт всё ещё Гренье. Подача Гренье. Гренье вложил в удар всю силу, на какую только способен. Всё же Рейнольд принял. Гренье отражает. Рейнольд бьёт длинным справа... Гренье не бежит за мячом!... Ноль—пятнадцать. Ведёт Рейнольд. Вторая подача. Гренье напрягается... но что-то явно стесняет его... Я только что заметил, как он схватился за бедро. Он перемещается, чтобы принять мяч Рейнольда... Но что это? Он хромает Что с ним? Что с ним случилось? Разрыв мышцы? Внезапный упадок сил?.. Третья подача. Видно, что ему очень больно! Рейнольд довольствуется тем, что лишь отражает без всякого напряжения, — и всё же легко выигрывает мяч. Он даже остановился. Бросает на Гренье недоумевающий взгляд. Судья тоже поворачивается лицом к Гренье. Игра на минуту приостанавливается. Судья на линии подошёл к французскому теннисисту... Если Гренье получил повреждение, то это удивительное невезение! Можно сказать, он уже держал в своих руках победу!.. Я вижу: Гренье отрицательно качает головой Вы знаете правила. Если Гренье не сможет продолжать, ему засчитывается поражение. Слушайте, что говорит судья!..

Женевьева наклоняется ещё больше и всё же не может разобрать слов, вылетающих из приёмника: голос судьи искажён уже громкоговорителем стадиона. К счастью, диктор, ведущий репортаж, тут же комментирует:

— Гренье действительно получил повреждение: разрыв мышцы правой ноги! Судья только что объявил, что он всё же будет продолжать. Как он сможет играть?

Жан на «центральном» мучается. Он чувствует тяжесть в правой ноге, точно она частично парализована. Каждое перемещение, каждое движение вызывает боль. Необходимо всё же продолжать, он не имеет права сдаться.

Слезы подступают к глазам. С момента, когда ему всё стало ясно, он так жаждал этой победы! Он с горечью думает, что судьба заставляет его сейчас расплачиваться за совершенную ранее подлость. Выиграй он четвёртый сет — а ведь ему-то известно, что он мог

это сделать! — он был бы уже победителем. Теперь же он утерял возможность стать им. Жан! Жан! Вот оно, доказательство тому, что вероломство не оплачивается!

Он сжимает челюсти. Не поддаётся боли. Пусть он потеряет ногу — он будет биться как ни в чем не бывало! Это будет стоить неимоверных усилий, приведёт к полному изнурению — пусть. Он сделает всё от него зависящее, не сможет поступить иначе. Кивком он даёт знак, что готов, — и игра начинается снова.

И пусть Рейнольд не щадит его! Он очень скоро доказывает, что не ждёт от него никакого снисхождения. Когда может, он бьёт смеши, атакует даже. Хромой, он делает поразительные броски. Замечательно, как этот физически неполноценный игрок дерётся вовсю!

— Гренье проводит удивительную партию! Он цепляется за каждую представляющуюся возможность!.. Он уже выиграл два мяча в этой четвертой игре... Рейнольд, правда, выигрывает её, но Гренье дошёл до сорока. О! Если бы только Гренье смог выдержать!

Невероятным усилием воли он выдерживает. Да, надо показать Женевьеве, чего он стоит. Рейнольд взял две игры кряду. У них стало поровну. Но пока Жан жив и держится на ногах, ничего не потеряно.

Рейнольд подаёт. Жан набрасывается на его мячи. Каждый бросок вызывает у него крик боли, но он всё же делает прыжок. А теперь он проявляет расчётливость. Раз он стал физически неполноценен, надо действовать иначе: нет, не хитростью, но с умом. Свечи раньше принесли ему очки. Рафаэль прав. Заставить Рейнольда выйти к сетке. Обвести его таким способом.

Он так и делает, и это ему удаётся. Не повторяться. Выдумать что-нибудь другое. Разнообразить! Разнообразить до бесконечности! Восполнить умом то, чего недостаёт теперь телу...

— У Гренье «больше» в пятой игре. Гренье выигрывает игру и ведёт со счётом три-два!

Овация! Восторженные крики! Это подбадривает. Но одним мужеством не возьмёшь!

Не забывать о противнике. Рейнольд понял и избегает теперь малейшего риска, не отдаёт больше ничего без борьбы. Надо взять его на его собственные уловки. Ведь когда даёшь ему возможность вести силовую игру, он слишком мощен, слишком быстр для своего хромого противника...

— Рейнольд выигрывает игру. Счёт в последней партии четыре — три. Ведёт Рейнольд.

Очко за очком, Жан борется, и эта борьба изнуряет его. Выдержит ли он до конца? Боль подтачивает его силы. Не сдаваться!.. Не сдаваться!..* * *

Он не сдаётся, и в буре восторженных выкриков завершает в свою пользу следующую игру... Если пойдёт дождь, всё угрожающий разразиться, быть может, благодаря Лонласу он сможет завтра постоять за себя на обеих ногах? Сумеет на обеих ногах принимать удары Рейнольда. Несколько тяжёлых капель... Надежда. Всё кончено. Слышен лишь удаляющийся гром. Нечего рассчитывать на такую удачу! Он не заслуживает её! Нечего на это надеяться, надо выстоять до конца!

Рейнольд бесится. Он думал, что сразу же прикончит этого хромого. Он вне себя от ярости и бьёт «за». При каждой ошибке он с показным отчаянием взмахивает рукой. Промазав мяч, он бросает ракетку оземь. Навязанная ему укороченная игра выбила его из темпа, из привычного ему ритма. Ему не удаётся предложить свою Длину. И вот ещё раз, дважды, Жан обыгрывает его свечкой, ставит в смешное положение!

Сет этот уже давно должен был закончиться в пользу Рейнольда. А у них поровну: пять — пять! Пусть же сдаётся упрямый француз! Ведь он хорошо знает, что все его усилия напрасны. При создавшихся обстоятельствах всё равно окончательный результат может быть только в пользу того, кто полностью владеет всеми своими возможностями.

Жан и сам опасается этого, но отказывается верить в своё поражение. Суровая, неукротимая воля даёт ему силы бороться. Он сжимает зубы, закусывает губы, которые кровоточат. Он не сдаётся. Выстоит до конца!

И вот он уже меньше чувствует боль. Должно быть, от движений чувствительность отчасти понизилась. Воспользоваться этим. На жать!..

Он делает усилие и переигрывает Рейнольда. Последний всё же начинает входить в ритм. Тогда Жан ещё укорачивает, ломает игру, снова даёт свечки. Американцу удаются великолепные мячи. Жан проигрывает два, три, затем в свою очередь берет два, три. У противников теперь по шести.

Нет, дождя не будет, перерыва не будет. Надо выдержать до конца. Быть может, сердце и не выдержит такой нагрузки, но он будет сражаться до предела, до тех пор, пока жалкое тело Жана Гренье не сдаст, не преклонится перед более мощной моральной силой, если таковая выступит сегодня против него.

— Семь — шесть. Ведёт Рейнольд!

Ну и пусть! Ещё всё не кончено. Не должно быть кончено!

Очко по очку Жан набирает преимущество в следующей игре... Он ведёт. Он наверстал. Жан всё же победит. Рейнольд и он снова лицом к лицу, и у них поровну.

Как долго ещё так будет продолжаться?

Недолго, так как Жана пронизывает дрожь. Он знает, что дошёл до предела. И тогда он идёт на всё.

Нет больше человека, которого мучает боль, — физически неполноценного игрока. Есть волевой человек, с ещё большей волей к победе, чем у противника. Есть лишь дух человека, — и он сильнее всего.

Жан выигрывает восьмую игру.

Ещё игру...

Хочу! Хочу!

И чудо свершается. Рейнольд сдаёт. Он признает себе побеждённым. Это достойный боец, но нашла коса на камень. Ему приходится преклониться.

«Только бы выиграть этот мяч», — напряжённо думает Жан.

Последним усилием он сосредоточивается, вкладывает всю силу в удар, последний — это сет-бол...

Мяч не вернулся.

Рейнольд поднял руки.

Но Жан уже не слышит криков восторга, оваций толпы. Обессиленный, восторжествовав духом, но с побеждённым болью телом он рухнул как подкошенный на красный корт — и уже ничего больше не сознает.* * *

Судьи, мальчики, подбирающие мячи, сам Рейнольд, перепрыгнувший через сетку, — все устремляются к Жану Гренье, который бездыханный лежит на земле.

Возгласы. Шум голосов:

— Подымите его!.. Носилки!..

Трое мальчиков бегут к выходу игроков, где в проходе они заметили носилки.

Зрители на трибунах все вскочили. Их герой лежит теперь поверженный на земле! Они отдают себе отчёт в том усилии, в том напряжении, которое ему пришлось вынести, прежде чем перегруженное сердце сдало.

Возвращаются мальчики, волоча носилки. С бесконечными предосторожностями на них укладывают всё ещё не пришедшего в сознание Жана. Его уносят в помещение, из которого, полный жизни и сил, он два часа назад появился на корте. Зелёное полотнище опускается за теми, кто сопровождает носилки.

Тогда, и только тогда, судья — голос его дрожит от волнения — объявляет:

— Пятый сет закончился со счётом девять — семь в пользу господина Жана Гренье. Таким образом, игру и всю встречу в полуфинале на Кубок Дэвиса между командами Франции и США выигрывает Франция.

Сообщение это встречено на трибунах бурей приветственных возгласов, но Жан не слышит их.

— В раздевалку! — предлагает один из сопровождающих носилки.

— Нет. На перевязочный... И немедленно врача!

Последний уже спешит и встречает их в дверях перевязочной. Он отстраняет толпу — массажистов, игроков, любопытствующих зевак — и позволяет войти лишь Лонласу (он может понадобиться) и Рафаэлю.

Женевьева тоже тут. В тишине слышно лишь потрескивание приёмника, но голос, ещё недавно раздававшийся из него, умолк.

Носилки с Жаном устанавливают рядом с её носилками. Врач склоняется над ним. Женевьева, насколько только может, тоже наклоняется над Жаном. С невыразимой жалостью и любовью — сомнений больше нет — она смотрит на него, и слёзы навёртываются у неё на глаза.

— Для беспокойства оснований нет, — говорит врач. — Пройдёт... Это от напряжения... Подумайте, какое усилие! Он ведь играл с разрывом мышцы (Лонлас уже обследовал бедро Жана). Какое всё же мужество!

Женевьева чувствует, как краска гордости заливает её лицо. Лонлас, видимо, предупреждая вопрос, обращается к Рафаэлю:

— Ручаюсь, что ещё до поездки поставлю его на ноги! Он будет играть финал!

Врач извлекает из своей сумки шприц и готовится сделать укол. Он защипывает кожу ноги и вводит иглу.

К Жану медленно возвращается сознание. Он ещё не открывает глаз. Усиленно пытается вспомнить...

«Ах! Да! Рейнольд! Повреждение! Кубок!..»

Его охватывает беспокойство. Слабым голосом он спрашивает:

— Выиграл?.. Я выиграл?..

— Да, — отвечает голос, который он тотчас же узнает. С большим усилием Жан открывает глаза.

Хотя свет и ослепляет его, он сразу же видит, что она возле него. Одно мгновение, не доверяя ещё своим глазам, он растерянно смотрит на неё.

Лицо её, лицо, за которым укрылось столько вынесенных за два часа испытаний, строго. Ей так много хочется сказать ему, на что она никогда не решится. Она произносит лишь:

— Ничего, пустяки, Жан! Небольшое недомогание. Вы играли, перебарывая такую боль!..

Узнает ли она когда-либо, как и каким образом, он страдал? Свет кажется ему таким ярким, что он закрывает глаза.

— Вам больно? — ощупывая комок мышц, спрашивает Лонлас.

— Да.

— Нормально. Вы так перенапряглись!

— Надо было! — с жалкой улыбкой, похожей скорей на гримасу, говорит Жан.

Затем снова их обступает тишина. Доктор положил руку на лоб Жану и потихоньку отнимает её. Лонлас тоже отходит. Он удаляется вслед за Рафаэлем, который с некоторого момента только и ждал возможности уйти.

Он и она, оба пострадавших, которым наплевать теперь на свою боль, остаются лежать друг возле друга. Жан чувствует себя ещё слабым и закрывает глаза. Между тем радость вперемешку с тревогой приливает к его сердцу. Он хотел бы задать вопрос, но не решается. Возможно, он просто не чувствует в себе необходимых сил.

Она тоже знает, что ей надо бы сказать ему нечто важное, не оставлять его в этой неуверенности. Ей надо бы сказать ему, что она решила разделить его жизнь, но она не находит слов. Их так много, готовых одновременно сорваться с губ, но так трудно сделать выбор. Огромная нежность нахлынула на неё и заставляет склониться к этому мужчине, столь же слабому теперь, как ребёнок. Она протягивает к нему руку.

Он ощущает эту ласку на своей руке, дрожащей ещё от напряжения, — волна блаженства заливает его. Но вот нежная, тёплая ладонь Женевьевы коснулась его ладони, и он чувствует лёгкое пожатие её пальцев. Ах, нет! Слова излишни! В свою очередь, он сжимает в своей эту руку и под действием укола, наконец, счастливый и успокоенный, сознавая, что ему потребуются все силы для ожидающих его впереди битв, для всей жизни, в которой придётся теперь сражаться за двоих, — доверчиво погружается в сон.